

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ХОЛОДНОЕ ПЛАМЯ
ЭРИГОНА

Annotation

3855 год.

Эригон — планета скованная вечным панцирем льда. Однако исследования показали, что раньше ее покрывал теплый океан. Ученые предположили, что орбита планеты была изменена расой Инсектов, когда те испытывали технологию подвижки планет перед началом строительства Сферы Дайсона. Попытка найти на Эригоне остатки гравитационного генератора расы Инсектов приводит к совершенно неожиданным последствиям…

Андрей Ливадный Холодное пламя Эригона (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 46)

Пролог

…Облака, протянувшиеся на половину видимого небосклона, казались оперением фантастической птицы, раскинувшей крылья в ослепительно-фиолетовой глубине безвременья.

Смесь мыслей, чувств и ощущений давила своей чуждостью.

Не существовало запахов, но предзакатные сумерки брызгали сочными красками леденящего света: лучи скатывающегося за горизонт светила, жгучие, зарождающие в небе сполохи полярного сияния, пробивались сквозь разлапистые кроны деревьев, голубоватый свет неба косыми столбами резал чернильные тени, лучи, как клинки, вонзались в бурый, мягкий, пружинистый перегной отмерших листьев, на котором не росла трава, лишь редкие, похожие на клубки колючей проволоки кустарники *нежились* в ослепительном, неживом сиянии.

Чуждый мир, чуждые мысли, но фон непреходящей тоски порождал внезапные ассоциации…

Зачем я здесь?

Под мертвенным небом, среди безвременья, ощущений холода, нестерпимости света?

Ночь приходила минутным облегчением. Ослепительные краски неба меркли с невероятной скоростью, реальность погружалась в спасительный мрак, но ненадолго.

Луна вставала в половину небосвода и, не предвещая ничего доброго, под ее призрачным, оранжевым светом зарождались сгустки напряженных нитевидных разрядов, сплетающиеся в потрескивающие клубки.

Покидая дневные убежища, они медленно *выдавливались* из-под похожих на исполинские, понурые лопухи листьев, и начинали свой путь: сначала к опушке, потом, покружив над бесплодной, потрескавшейся от жара равниной, они, уловив токи горячего, все еще струящегося маревом миражей воздуха, начинали смертельный ночной полет, из которого вернется даже не каждый второй, а гораздо меньше.

В свете газового гиганта нитевидные энергетические образования казались крошечными беспомощными светлячками, движущимися по воле ветра навстречу угасающим сполохам полярного сияния.

В мрачном, налившемся чернотой небе снова начали проступать крылья фантастической птицы, поменявшей лиловое оперение на оранжевое.

…Она остро, почти неприязненно ощущала себя частью данного мира, и в тоже время на втором плане рассудка, за неистовым стремлением подняться ввысь, сквозила ледяным холодом чисто человеческая мысль: *какого фрайга я тут делаю?…*

Времени мало. От заката горячечного фиолетового светила до восхода ослепительно-белого всесжигающего карлика, за которым тянется шлейф раскаленной плазмы, всего два часа. За это время море волнующихся под порывами ветра растений успеет свернуться, листья втянутся в «чехлы» полых ветвей, и укрытия уже не найдешь, внизу под изменчивыми небесами восход магниево-белой звезды встретит мертвый, ничего не ждущий, притихший мир.

Оплот.

Последнее укрытие. Отсюда либо начнется все, либо тут все окончательно завершится.

Ее… или его беда заключалась в том, что среди стремящихся навстречу пухлому оранжево-медному сиянию газового гиганта сгустков наэлектризованного света больше не было осознающих себя созданий. Остальным просто: им нет разницы, жить или умереть, вернуться к сроку или быть разрушенными. И только она… или все-таки он?… не важно, — осознавали себя, понимая, что все здесь чуждо, непонятно, бессмысленно.

Ах, как хотелось все переиначить. В*и*дение прошлого, отражающее будущее, или, быть может настоящее, — губительный, не имеющий объяснения сбой темпорального потока, в котором приходилось существовать… Хорошо если восприятие субъективно, тогда еще можно выпутаться, сохранить в рассудке хотя бы надежду на то, что рано или поздно отыщется источник сбоя, некий стартовый алогизм, от которого и пошла губительная цепочка субъективно-неправильных выводов.

И сразу, будто ледяной душ (а откуда тут взяться воде?) мысль: а если происходящее объективно, что тогда? Останется принять его как данность? Покориться судьбе? Не искать объяснений?

Мысли свободны лишь до определенного момента.

На тщетные попытки понять окружающее отводится слишком мало времени. Крылья оранжевой птицы вдруг теряют очертания, по ним порывами бежит рябь искажений, и вот уже порванные неистовым ветром завитки рыжего тумана беспомощно и безвозвратно растворяются средь плотного мрака.

На угольно-черном небе не отыщешь звезд, лишь иногда сквозь вуаль планетарной туманности по воле случая блеснет холодная искорка, как отблеск утерянного величия, понимания Вселенной, былого торжества

разума над пространством и временем.

Когда и где могли существовать подобные мысли, осознаваемые сейчас как *далекие, чужие воспоминания*? Где же то могучее, несомненно разумное, познавшее тайны Вселенной существо, которому по праву принадлежат обрывочные мыслеобразы?

Его нет. Оно не тут. Возможно, уже погибло или еще не появилось на свет?

Ответа не дождешься. Ни от себя, ни от окружающих энергетических сгустков, постепенно расправляющих нити для решающего рывка через чернь стратосферы. В последние секунды осознанного, управляемого мыслью бытия, удается сохранить только надежду на то, что придет время и все разрешиться. Спадет пелена глухого неведения.

Впереди появляется нечто новое и в тоже время давно знакомое, приевшееся, проклятое.

Холодный блеск металлоконструкций. Обращенные к планете сегменты орбитальных сооружений внезапно начинают двигаться, они трансформируются, вращаются вокруг незримых осей, открывают треугольные провалы, откуда в космос выталкивает веретенообразные, покрытые чешуйчатой, уложенной внахлест броней, малые корабли, вооруженные десятками боевых подсистем.

Сгустки холодного света разворачиваются, превращаясь в огромные по площади, но тонкие, словно волос, плетения энергетических нитей.

Их сложно поразить сфокусированным оружием, и лишь плазменный разряд, да широкая апертура электромагнитного, генерированного расширяющимся конусом, поля, способны нанести четверть-сущностям серьезный урон.

Слово какое-то странное, и одновременно, злое, неправильное «четверть-сущность».

Не должно так быть. Если сущность, — то пусть бы полная, что же нормального выйдет из одной четверти? Как нечто подобное вообще может существовать?

Оказывается, может, еще как может.

Сознание меркнет. Оно становится рыхлым, обрывочным, но усилие воли — как дико не хочется его предпринимать, но надо, каждый раз надо, все больше и дольше, хотя бы на секунду или две, чтобы понимать зачем, почему все это?

Опыт. Ужасный опыт тысячекратных смертей, пока еще бессмысленных, но, несомненно, нужных — нужных тогда, когда будет найден смысл происходящего. Ну а пока единственная возможность к

пониманию, — это терпеливое накопление данных, уничтожающая рассудок статистика собственных побед и поражений.

Каждый раз отодвигать распад самосознания на несколько секунд, подбираться ближе и ближе к отблескивающему брюху орбитальных конструкций, чтобы, в конце концов, узнать, что же на самом деле происходит за чертой разрушения личности?

Распад наступает болезненно.

Меркнет восприятие реальности, но не исчезает вовсе, а как будто отдаляется, становиться не концентрацией внимания, а фоном.

Внутри себя, на уровне распадающегося самосознания, текут лавинообразные процессы: из недр, из потаенных узилищ памяти, словно внезапно обретшая свободу толпа заключенных, вырываются инстинкты, рефлексы, — все, что когда-либо было заложено природой, приобретено в нелегкой борьбе за жизнь нашими, еще не осознающими себя предками.

Тотальная мобилизация.

Не важно, какое сейчас у тебя тело, не важно есть ли оно вообще, — навстречу веретенообразным штурмовикам устремляется новорожденная воля, движущая сила которой — инстинкт.

В природе, как и в космосе, выживает сильнейший, самопожертвование в рамках *стаи* — уже не жертва, не смерть личности, всего лишь статистика выживания.

Четверть-сущность для того, вероятно, и создана, чтобы стать слепой, не ведающей сомнений, стремящейся порвать противника и обязательно сохранить хотя бы частицу самой себя силы…

Вспышка наступает на фоне погибшего, разорванного на четвертинки самосознания.

Вот и сложились секунды.

Сложились до смерти…

Часть 1. Льды Эригона

Глава 1

3855 год галактического календаря.

Неисследованный сектор космического пространства. Окраина шарового скопления О'Хара. Зона средней звездной плотности.

Борт картографическо-разведывательного крейсера корпорации «Новый Свет».

Командир «Антропоса» находился в ходовой рубке, лично контролируя обратный гиперпространственный переход разведывательного крейсера.

Мысли Генри Шелтона текли спокойно, рабочая обстановка, как и показания многочисленных приборов, не предполагала нештатных ситуаций, хотя в секторах неисследованного космоса нужно каждую секунду быть готовым ко всему.

Однако, со временем чувство новизны притупляется, постоянное внутреннее напряжение переходит в разряд данности будней, приходит иное восприятие, когда очередное открытие уже не вызывает повышенной эмоциональной реакции.

Удивить капитана «Антропоса» было нелегко. Он повидал на своем веку всякое, сталкивался и с дикими семьями расы Инсектов, населяющих пригодные для жизни звездные системы скопления, открыл один из неизвестных ранее миров, где до сих пор существовал изолированный очаг цивилизации расы Харамминов, видел исполинские пространственные постройки расы Логриан, — двуглавых ксеноморфов, похожих на мифических драконов заимствованных из Земных преданий, только уменьшенных в сотни раз.

Сегодня экипаж КРК[1] под руководством Шелтона, завершая долгий трехгодичный поиск, совершил прыжок, который не удавался многим его предшественникам. Двигаясь по сетке горизонтальных линий напряженности гиперсферы[2] «Антропос» вышел на *противоположную* границам Обитаемого Космоса окраину звездного скопления О'Хара.

Через несколько секунд, когда крейсер завершит обратный гиперпространственный переход и заработают навигационные комплексы, предназначенные для привычного человеку трехмерного континуума, взглядам экипажа картографического корабля предстанет звездная система,

за границами которой простираются столь желанные, жизненно-необходимые для дальнейшего развития Человечества, но недоступные до сегодняшнего дня неисследованные пространства.

Теперь все изменится, — подумал Шелтон, невольно бросив взгляд «назад», где включившиеся видеодатчики транслировали застывший за кормой «Антропоса» сгусток шарового скопления звезд. — *Мы оставим в системе навигационное оборудование, маркируем с помощью передатчиков гиперсферных частот линии напряженности аномалии космоса и, вслед за нами, по безопасному, проверенному пути зону шарового скопления смогут преодолевать колониальные транспорты новой волны Экспансии…*

Может быть, для кого-то мысли капитана могут показаться высокопарными, но дальний космос не терпит фальши, командир «Антропоса» думал о будущем, испытывая гордость не только за свой экипаж, сумевший проторить путь через зону рискованной навигации в пределах шарового скопления звезд, но и за тех, кто в недалеком будущем воспользуется результатами трехлетней разведки, уводя колониальные транспорты к новым мирам, расположенным за границами О'Хара.

…Обратный переход благополучно завершился, заработавшие локационные и сканирующие комплексы «Антропоса» начали передавать потоки данных, информация анализировалась и систематизировалась специальной кибернетической подсистемой, создающей на основе полученных сведений подробную модель звездной системы и ее окружения.

В тишину поста управления не вплеталась в эти минуты разноголосица команд, пилоты, контролировавшие выход корабля в трехмерный континуум, общались с кибернетическими системами на уровне мысленной связи, осуществляемой при помощи передатчиков стандартных имплантов.

Все проходило ровно, спокойно, по-деловому, пока в общий мнемонический фон внезапной нотой не влился сигнал тревоги.

Генри Шелтон мгновенно сориентировался, мысленным приказом активируя голографический монитор, куда тут же начала поступать вся доступная информация с проблемного направления.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть.

Конечно, легко узнаваемые обводы трех «Х-страйкеров» не могли вызвать у капитана чувства замешательства, напротив, он бы тут же нашел объяснение их присутствию в удаленной, труднодоступной и еще не исследованной звездной системе, — многочисленные планетные цивилизации расы Инсектов, утратившие за три миллиона лет стагнаций

большинство собственных технологий, охотно закупали технику человеческого производства, и появление в сфере виртуального монитора многофункциональных истребителей не являлось событием, выходящим из ряда вон, вздрогнуть командира «Антропоса» заставило другое: «Х-страйкеры» шли в плотном окружении веретенообразных космических тел, мгновенное сканирование которых не оставляло сомнений в их искусственном происхождении, но идентификационные базы данных разведывательного крейсера не содержали описаний чего-либо подобного.

Внимание всем. Тревога. По курсу «Антропоса» — три «Х-страйкера», модификация «LX», полный автомат, вооружение активировано, сигнатуры четкие, идут в окружении неопознанных объектов, аналогов в базах данных не найдено, экипажу приготовиться к экстренному противодействию в случае проявления явной агрессии со стороны неопознанных космических тел.

Мысленный монолог Шелтона был мгновенно передан по внутренней связи, его приказы восприняли не только люди, но и кибернетические системы, ответом же послужил неожиданный доклад, пришедший от включившейся подсистемы корабля, о существовании которой капитан к своему крайнему удивлению и неудовольствию даже не подозревал.

Сэр, произведена дополнительная идентификация объектов, по специализированным базам данных. Источник — директива 127/72, гриф «совершенно секретно», условия активации программы, — встреча корабля с неопознанными объектами искусственного происхождения.

Пока в рассудке Шелтона звучал мнемонический доклад внезапно заработавшей подсистемы, Генри успел не только принять информацию, но и проверить источник данных. Действительно работал закрытый канал мнемонической связи, гарантирующий, что информацию в данный момент получал только капитан «Антропоса»

Внимание неопознанные объекты идентифицированы в соответствии с дополнительными базами данных, являющихся неотъемлемым приложением к директиве. Автоматически сформирован доклад на аварийных гиперсферных частотах. Рекомендуемое действие — немедленный переход в гиперпространство, с удержанием корабля на границе метрик.

Генри Шелтон понимал: включение подсистемы не случайность, видимо подобная ситуация просчитывалась заранее, и ему следует придерживаться рекомендаций, тем более, что «Х-страйкеры», идущие во главе боевого построения, явно готовились атаковать «Антропос».

Одно из важнейших качеств командира космического корабля,

несомненно, заключено в способности быстро оценивать ситуацию и принимать мгновенные решения. Минуту назад он не знал о существовании каких-то дополнительных подсистем, но нашел в себе достаточно здравого смысла, чтобы внять внезапно полученному указанию.

Рекомендация принята, приказ подтверждаю. Всем постам — немедленная готовность к гиперпространственному переходу.

Приказ капитана не обсуждается, он принимается к исполнению, данное правило написано не в кабинетах, оно основано на тысячелетнем опыте Экспансии, — строжайшая дисциплина на борту разведывательно-картографических кораблей не предполагала встречных вопросов или иных заминок.

Генераторы низкой частоты[3] начали работу спустя четыре секунды после того, как мысленный приказ капитана прошел по глобальной сети «Антропоса».

Корабль, всего несколько минут назад материализовавшийся в трехмерном космосе, начал процедуру экстренного погружения в пространство аномалии: его очертания внезапно стали зыбкими, расплывчатыми, габаритные и навигационные огни потускнели, но, прежде чем КРК растаял, исчез, неприметные сопла, расположенные в корме «Антропоса», исторгли облако нанопыли, — высокотехнологичных микрочастиц, которые продолжали фиксировать все происходящее в системе звезды и передавали информацию двум мнемоникам, которые, находясь на борту КРК, могли поддерживать связь с нанопылью даже из гиперсферы.

Капитан Шелтон наблюдал за дальнейшими событиями, используя личный канал мысленной связи с мнемониками. Благодаря их способностям «видел», что происходит в системе, откуда только что ускользнул «Антропос».

По всей вероятности секретная директива, внедренная в схемы управления кораблем, только что спасла экипаж КРК от неминуемой гибели, — три «Х-страйкера», не сумевшие предугадать внезапный маневр «Антропоса», разрядили пусковые ракетные шахты, а следовавшие за ними неопознанные веретенообразные объекты осветились частыми, режущими глаз вспышками от работы мощных генераторов плазмы.

Ракеты, равно как и плазмоиды, прошли сквозь рассеивающее в пространстве облако нанопыли, лишь случайно уничтожив небольшое количество микродатчиков.

Генри Шелтон невольно поежился. Своевременное включение

подсистемы действительно спасло корабль, развернуть электромагнитные щиты за те секунды, что оставались до массированного залпа плазмогенераторов, экипаж попросту не успел бы. Рекомендованное действие в сложившейся ситуации являлось единственным решением, способным спасти КРК от немедленного уничтожения.

Теперь неплохо бы выяснить, как следует поступать дальше… — подумал капитан, мысленно обращаясь к подсистеме, содержащей необходимые инструкции на этот счет. Действовать самостоятельно, на свой страх и риск, Шелтон счел неразумным, ведь он уже убедился, что специалисты корпорации, не просто так внедрили в сеть корабля дремавшие до поры программные модули. Они знали с чем именно может столкнуться разведывательный крейсер, поэтому Генри решил, что будет неукоснительно придерживаться рекомендованных действий, по крайней мере до тех пор, пока не установит связь и выяснит с чем же на самом деле пришлось столкнуться «Антропосу»?

Обратный переход завершен. Рекомендуемое действие?

«Поддерживать дрейф корабля в пределах первого энергоуровня гиперсферы, — пришел немедленный ответ на запрос. — *Спецсредства энергетической поддержки, равно как и группы специалистов будут отправлены сразу по получении автоматически генерированного сигнала. Экипажу продолжать наблюдение за системой звезды, готовиться к процедуре стыковки в условиях гиперсферы».*

Принял к исполнению. Могу я узнать, что за объекты пытались атаковать «Антропос»?

«Все пояснения получите от специалистов корпорации, капитан. Рекомендации исчерпаны. Ждите сеанса экстренной связи на гиперсферных частотах».

* * *

Система Неосигма-15.

Центральный офис корпорации «Новый Свет»[4]

Фредерик де Ритторен владелец и действующий президент корпорации «Новый Свет» был осведомлен о существовании секретной директивы и связанной с ней специальной подсистемы, внедряемой в глобальную сеть всех без исключения космических кораблей корпоративного флота, будь то огромный боевой крейсер или небольшой транспорт.

Теоретически он понимал, что повторная встреча состоится, рано или

поздно, но прошло уже четыре года с момента памятных ему событий, а сигнала все не поступало, и проблема, казавшаяся ему архиважной, постепенно отошла на второй план, постепенно подернувшись дымкой забвения.

Сигнал пришел, когда его уже не ждали. Судя по полученному сообщению, настоящей, непоправимой беды удалось избежать благодаря предусмотрительности, — КРК «Антропос», проложивший безопасный маршрут для прохождения космических кораблей через зону высокой звездной плотности в границах шарового скопления О'Хара, вышел на его окраины и подвергся внезапной атаке неопознанных по основным базам данных объектов, сразу же после окончания гиперпространственного перехода, но вовремя отработавшая подсистема и решительность действий капитана Шелтона спасли картографический крейсер от атаки и разрушения.

Приняв мнемонический доклад, Фредерик прервал совещание.

— Господа, все свободны. — Он жестом указал на дверь, одновременно приказывая и прося извинения за невольную бестактность. Подчиненные не роптали, подчинившись жесту, они знали, что де Ритторен не терпит промедления, когда им отдан недвусмысленный приказ.

Просторный кабинет опустел.

Действовать следовало быстро.

Оценив информацию, Фредерик затребовал расчеты, из которых стало ясно, что на границе двух метрик «Антропос» продержится не более восемнадцати часов, затем крейсеру придется либо всплывать в границах системы, либо уходить назад по сетке горизонталей.

— Резерв энергоносителей флота — приготовиться к экстренному погружению в аномалию. — Отдал он распоряжение по обычному каналу связи, зная, что его слова будут тут же переданы ответственным за исполнение приказа лицам. — Кораблям следовать по заданным координатам, осуществить контакт с КРК «Антропос» в условиях гиперсферы, произвести перезарядку накопителей крейсера и возвращаться на базу. К исполнению!

Мысленно переключив канал связи, он соединился со станцией ГЧ[5] системы. Спустя некоторое время абонент межзвездной сети, которого вызывал де Ритторен, ответил:

— Шайгалов, слушаю!.. Почему нет видеоряда? Кто на связи?

— Приветствую, Николай Сергеевич. Это Фредерик де Ритторен. Работает плавающий канал ГЧ, изображения не будет.

— Долго будешь жить, Фредерик, не узнал тебя.

— Надеюсь на это. Дело срочное. Ты, наверное, уже понял, с чем связан вызов?

— Догадываюсь. Соблюдаешь договоренность? Молодец. Не зря за тебя Кирсанов поручился. Где?

— Скопление О'Хара. — Ответил де Ритторен. — Прямой горизонтали для прыжка к системе нет. Сложная в некоторых участках нестабильная сетка линий напряженности, курс проложен с двенадцатью промежуточными точками, пять из них без возможности всплытия, смена ведущих горизонталей в одной из узловых точек невозможна без навыков полуавтоматического пилотирования.

— Объект идентифицирован?

— По вторичному признаку. Обнаружены три «Х-страйкера», магнитные маркеры по данным сканирования совпадают с искомыми номерами, пытались атаковать КРК «Антропос». Шли в сопровождении трех десятков веретенообразных кораблей, вооруженных генераторами плазмы.

— Сведений по основному объекту нет?

— Пока нет. Картографический крейсер был вынужден совершить экстренное погружение в область аномалии, иначе ему угрожала гибель. Сейчас маневрирует на границе метрик, ведет наблюдение за системой посредством мнемонической связи с наномашинами, распыленными в пространстве. Я выслал резерв энергоносителей, для поддержки «Антропоса».

— Спасибо, Фредерик, ты все сделал как должно. Поверь это дорогого стоит. Действовать надо быстро и предельно эффективно. Поможешь с флотом?

— Не вопрос. Только что предпринимать? Я ведь ничего не знаю об объектах.

— Да, я это понимаю. Скажи, если пришлю к тебе людей, ты сможешь в оперативном порядке переправить их на борт «Антропоса»?

— Сделаю. Что еще?

— Выдели ударную группу. Если вдруг что случиться, я по любому не успеваю развернуть резерв флота. Речь идет о ближайших сутках.

— А как же оперативные группы Совета Безопасности Миров? Или подразделения постоянной готовности?

— Все очень зыбко Фредерик. Я не рискну действовать силами основных флотов, их лучше держать на местах, неясно, где находиться основной объект. Тебе так же настоятельно советую организовать плотное

прикрытие планет сектора. Сейчас главное, чтобы мои люди выяснили, где находиться основной объект, и возможен ли контакт с ним по установленной нами схеме. Пока идет разведка, я подтяну резерв флота, и твои корабли смогут вернуться к местам постоянной дислокации. Сделаешь?

— Сделаю, Николай. Долг платежом красен.

* * *

Переговорив с незримым абонентом, де Ритторен сделал еще один вызов.

— Иван Андреевич?

— Да это Кирсанов, слушаю.

— У меня ЧП. Похоже, КРК «Антропос» нарвался на артефакт.

— Уверен?

— Более чем. Хотя сам объект пока не обнаружен.

— Доложил уже?

— Да.

— И что наш разлюбезный штаб флота? — В тоне Кирсанова прорвалась плохо скрытая досада.

— Разговаривал с Шайгаловым. Адмирал настроен решительно. Будет операция по зачистке, как минимум силами одной эскадры.

— Совсем одурели… Ну что Эригона им мало?!

— Не знаю. Ты можешь что-то изменить?

— Войсковую операцию точно остановить не смогу… Слушай, ты ведь все знаешь. И понимаешь последствия не хуже меня, надеюсь?

— Однозначно. Только никто даже сейчас не станет слушать ни тебя, ни тем более ее… сам понимаешь, некоторым чинам легче пожертвовать флотом, чем отказаться от собственных выводов. Кстати, как она?

— Держится. Мы, к сожалению, сейчас не вместе. Отпустил ее на пару дней, подышать чистым воздухом, отдохнуть и от меня, и от постоянной нервотрепки. Да и Саша что-то сдавать начал. Короче она на Дионе, он к родителям полетел, с моего согласия, разумеется.

— Некстати как… Ладно придумаю что-нибудь.

— Времени у нас сколько? До начала операции?

— Двое суток.

— Тогда Фредерик, вся надежда на тебя. Доставь нас на борт «Антропоса».

— И что думаешь делать?

— Вопросов глупых не задавай. Сам знаешь, что… Тебе ведь

Шайгалов наверняка посоветовал флот держать на привязи, оборонять планеты?

— Да.

— Вот и держи. На тот случай, если мы не справимся.

— Кроме особых указаний командиру «Антропоса» и доставки вас к месту события, моя помощь нужна?

— Чем оснащен КРК? В плане аэрокосмической техники?

— «Х-страйкеры». Два звена.

— Полный автомат?

— Да.

— Не годится. Нужны пилоты, опытные, желательно мнемоники. Вероятно, придется осуществлять прорыв к планете. Есть что-то мощнее «Х-страйкеров»?

— Есть. Перекину туда эскадрилью «Ифритов» — новейшая разработка. Думаю, они идеально подойдут под наш случай. Оборудованы генераторами «Вуали»[6] и созданным на ее основе «активным щитом».[7]

— Хорошо. — Согласился Кирсанов. — Тогда начинаем действовать. Немедленно. Понимаю, Фредерик, по шерстке тебя никто не погладит, но выхода у нас нет. Либо мы сами «малой кровью», либо такое начнется… Первая Галактическая покажется просто дракой между двумя деревнями.

— Понимаю. Потому и вызвал. Ладно, все, задачи ясны, буду действовать. Жди, за тобой прилетят.

— Спасибо Фредерик.

— Спасибо потом я тебе скажу. Когда все закончится. А то Шайгалова благодарил, а в уме тебя держал, Иван Андреевич. По правде ведь не он, а ты меня тогда из трибунала Совета Безопасности вытащил.

— Не поминай лихо, Фредерик, пусть себе посапывает пока. Ладно, уже не о том говорим. Жду твоих ребят. До связи.

Коммуникационный канал отключился, а Фредерик де Ритторен еще некоторое время сидел в глубокой задумчивости.

Вот ведь как бывает в жизни. А говорят все зло от промышленных групп Окраины…

— Селиванова ко мне. — Словно очнувшись, произнес он в глухую, настороженную пустоту кабинета. — И выяснить, где живут родители Александра Трегалина. Он нужен мне срочно.

— Насколько срочно, сэр? — Осведомился приятный голос кибернетической системы, осуществляющей передачу распоряжений названным абонентам.

— Срочно — это вчера. — Машинально ответил де Ритторен.

— Не распознанная формулировка…

— Приказ передай!.. А за толкованием — к лингвистам. — Фредерик встал и вдруг понял — а идти-то некуда. И суетится ни к чему. Сейчас только три человека могли повлиять на ситуацию, не прибегая к мощи Конфедеративного флота, но рискуя, смертельно рискуя собой.

Все трое уже задействованы. Приказ на поддержку «Антропоса» отдан. Остальное вторично. Можно без спешки. Хоть сегодня, хоть завтра, потому что де Ритторен в данный момент являлся одним из немногих, кто понимал: если сорвать лавину противостояния с иным разумом, то понятие «завтра» может утратить смысл.

* * *

Эригон. 3851 год галактического календаря.

За четыре года до освещенных выше событий…

Суровая планета. На вид коварная, холодная, безжизненная.

Когда смотришь на обзорные экраны суборбитального челнока, то хочется мысленно поежиться от холода. Внизу видеодатчики показывают бескрайние ледники, над которыми ветер гонит поземку из крупинок снега и кристалликов льда.

Трудно, почти невозможно представить, как люди на заре Великого Исхода сумели освоить столь негостеприимный мир с суровым климатом и повышенной (относительно Земного Эталона) гравитацией.

Впрочем, у первых поселенцев не существовало выбора — колониальные транспорты эпохи Первого Рывка не имели возможности к повторному погружению в гиперсферу, и людям приходилось принимать существующее положение вещей.

Перед стартом из Солнечной системы им обещали теплые, райские планеты, но реклама в большинстве случаев оборачивалась ложью, — своенравная гиперсфера выбрасывала колониальные транспорты вовсе не в тех точках пространства, которые предполагал исходный план полета.

Наверное, они испытывали ужас… — думал Александр, глядя на увеличенное изображение фрагмента ледника, где по воле ветра перемещались ажурные растения, похожие на перекати-поле.

Одна из немногих форм растительной жизни планеты. Существовали еще мхи и лишайники, ютящиеся на свободных от снега и льда отрогах скал. Говорят, на глубине нескольких километров под панцирем ледников, так же существует жизнь. Трегалин, к примеру, слышал, что тонкая

прослойка у основания ледника, там, где массы льда соприкасаются с корой планеты, содержит множество естественных пещер, в некоторых даже существуют озера теплой пресной воды, — именно в них сосредоточено до девяноста процентов микроскопических жизненных форм планеты. Бактерии, водоросли, микроорганизмы, — вот источники кислорода, позволившие выжить колонистам, высадившимся на Эригон в 2231 году с борта одноименного транспорта.

На поверхности ледника условия для жизни людей неприемлемы. Здесь царят постоянные морозы, воздух разрежен, стужа и метели, отсутствие доступа к полезным ископаемым, невозможность к ведению сельского хозяйства, — все это перечеркивает саму надежду на выживание…

Колонистам пришлось решать множество проблем. Машины не могли приступить к постройке типового цоколя[8] — для этого поверхность ледников была слишком ненадежна, и единственным выходом для трехсот тысяч поселенцев стало продвижение вглубь ледников.

Благо лед, — не скалы, и проложить многокилометровые тоннели сквозь сковывающий планету панцирь оказалось не так уж и сложно.

Первые поселения Эригона возникли на глубине четырех с половиной километров от поверхности ледника. Цепь огромных естественных пещер, где имелась пресная вода и существовала микрожизнь, стала для колонистов шансом к выживанию.

Так возник первый подледный город планеты: машины, используя материалы, предназначенные для строительства «цоколя», укрепили стены и своды трех десятков пещер, изолируя массы льда от повышенной температуры вновь образованных поселений, возводя внутри естественных полостей герметичные сооружения, где могли жить люди, не рискуя пострадать от контакта с микрофлорой подледных уровней.

Пресная вода, кислород, и немного свободного пространства, для формирования почвенного слоя и культивации земных растений при искусственном освещении, — вот то немногое, что, в конечном итоге, позволило выжить потомкам первых поселенцев, создавшим целую сеть уникальных городов, расположенных в многокилометровой тоще сковывающего планету ледника.

Теперь, спустя полтора тысячелетия после появления людей, Эригон, переживший расцвет сразу после Первой Галактической, постепенно приходил в упадок: его население постоянно сокращалось, — в Обитаемой Галактике было открыто множество миров с более «щадящим» климатом, и

подледные города постепенно, век от века пустели.

Планете всерьез прочили стать огромным памятником Экспансии, — уникальные подледные города постепенно переходили в собственность туристических фирм, организующих увлекательные туры по знаменитым на всю Обитаемую Галактику подледным пещерам, где свет от специально расположенных в толще ледниковых масс источников, проходя через километровые пласты прозрачного льда, вдруг распадался на спектральные полосы, создавая непередаваемые по своей красоте и разнообразию визуальные эффекты: как будто жидкий огонь всех мыслимых цветов и оттенков причудливо плавал в воздухе, то медленно смешиваясь, то «взрываясь», брызжа из отдельных ледовых глыб…

* * *

Эригон.

Коммерческая зона Трекорт-Сити, столичного города планеты.

Герда Клейн редко бывала в своем офисе. Основные производства небольшой (по меркам Обитаемой Галактики) добывающей кампании располагались за десятки тысяч километров от существующих в современности подледных городов планеты, все партнеры «Эрголайна» являлись жителями иных миров, так что в офисе по большей части хозяйничала комплексная кибернетическая система.

Герда заходила сюда только по необходимости, предпочитая проводить большую часть времени в подледных пещерах северного полушария планеты, где базировались нефтедобывающие установки.

Сегодня она провела очередной сеанс межзвездной связи, разобрала накопившиеся (требовавшие ее непосредственного внимания) документы и теперь размышляла над некоторыми перспективами своего бизнеса.

Было девять часов утра, техническое обслуживание ее флайбота завершится только к половине десятого, так что торопиться некуда. Она скользила взглядом по обстановке помещения думая о том, что утро на Эригоне — понятие относительное. Искусственное освещение подледных городов функционирует круглые сутки, а волна туристического бизнеса, в последние десятилетия захлестнувшая планету, изменила ритм жизни опустевших поселений, отданных на откуп десяткам инопланетных туроператоров. Если раньше освещение гасили, придерживаясь графика смены дня и ночи, то теперь, как проснулся, так и утро…

…Когда мелодичный, похожий на звон старинного колокольчика сигнал предупредил Герду о неожиданных визитерах, она как раз

собиралась уходить.

Посмотрев на голографический монитор подсистем, она увидела двух инопланетников, — пожилой мужчина в сопровождении охранника, — наверняка заблудились, в поисках нерадивой турфирмы, не приславшей гида ко времени посадки орбитального челнока.

Инопланетников Герда не любила, и скрывать своего отношения к ним привычки не имела. Правда несколько лет успешного бизнеса научили ее быть чуть более терпимой и сдержанной, не так грубо выражая свои фобии, поэтому, получив визуальное предупреждение от следящих за входом систем, она постаралась придать лицу нейтральное выражение.

Дверь офиса бесшумно скользнула в сторону.

— Добрый день. — Пожилой мужчина переступил порог, тут же обежав взглядом помещение, и спросил: — Мы ищем представительство компании «Эрголайн».

Клейн удивленно приподняла бровь.

— Вы не ошиблись?

— В смысле?

— «Эрголайн» не туристическая фирма!

— Вообще-то я в курсе. Добыча полезных ископаемых, верно?

— Да… — Герда все еще пребывала в замешательстве, не зная как ей поступить. — Но, откровенно говоря, я не ожидала посетителей!.. Нет, это определенно недоразумение. Наверное, вы перепутали, на Эригоне наверняка есть фирмы с созвучными названиями…

Она явно, недвусмысленно желала закрыть вопрос и отправиться по своим делам.

— Герда Клейн? — Незнакомец по-прежнему стоял, едва переступив порог, оставив охранника вынужденно топтаться в коротком коридоре.

Девушка вопросительно приподняла бровь, затем вздохнула и ответила:

— Да. Меня зовут именно так. Но разве мы знакомы?

— Не лично. — Успокоил ее негаданный посетитель. — Но у нас есть общие друзья на Элио. Я — Иван Андреевич Кирсанов. Археолог. — Отрекомендовался он, — Представляю интересы института галактической археологии Элио. Наш общий знакомый — Дейвид Фрамер, — весьма лестно отзывался о вас, мисс Клейн. У меня имеется послание от него, — с этими словами Иван Андреевич протянул Герде крохотный микрочип.

Нельзя сказать, чтобы она пришла в восторг. Во-первых, Фрамера-старшего, эксперта экзобиологических лабораторий Элио она знала не так близко, как пытался обрисовать неожиданный посетитель, но с сыном

Дейвида у нее действительно были тесные партнерские отношения в бизнесе. Во-вторых, Герда не могла сообразить, что вдруг понадобилось археологу на скованном льдами Эригоне, и, в-третьих, она *уже* торопилась, не имея ни малейшего желания тратить драгоценное время на беседу с инопланетниками.

— Что вам нужно конкретно от меня? — Напрямую спросила она.

— Вставьте чип в кибстек. — Спокойно попросил ее Кирсанов.

Герда поморщилась, но все же вняла его словам.

Минуту в офисе царила тишина — сообщение, считанное наручным компьютером, транслировалось через порт удаленного доступа импланта непосредственно в рассудок Герды.

— Итак, вам требуется мое содействие? — Спросила она, продолжая хмуриться, что вовсе не красило ее, впрочем, Клейн подобные мелочи не смущали, она вела себя естественно, не пытаясь скрыть или сгладить эмоции.

— Мы с помощником не обременим вас. Знакомьтесь, мисс Клейн, — это Александр Трегалин, он мнемоник.

Человек, которого Герда поначалу приняла за телохранителя при богатом туристе, сделал шаг вперед, выступив из-за спины археолога.

Настоящего мнемоника девушка видела впервые и потому не смогла избежать некоторой заминки. Ее взгляд, коснувшись черт лица незнакомца, не нашел в его облике ничего особенного, выходящего из ряда вон.

А что ты ожидала увидеть? — Мысленно одернула себя Герда. — *Две головы вместо одной? Или еще что-нибудь?*

— Извините… — Она отвернулась, пряча смущение.

— Ничего страшного. — Александр отреагировал спокойно. — Я уже привык, что во мне пытаются разглядеть нечто особенное.

— Вернемся к делу. — Пришел им на выручку Кирсанов. — Мы бы обошлись своими силами, не тревожа вас, но условий для длительного проживания в северном полушарии не смог предоставить ни один из действующих на Эригоне туроператоров. А нам непременно необходимо попасть туда.

— Условия проживания на буровых очень далеки от понятий комфорта. — Выложила Клейн свой единственный аргумент. Она по-прежнему была не в восторге от намечающихся перспектив. Мало того, что Герда не терпела посторонних в районах нефтедобычи, но за этих двоих еще и отвечать придется.[9] Инопланетники, как никак.

Ее сомнения развеял Иван Андреевич:

— Я знаю, что условия проживания на буровых отличаются от стандартов пятизвездочного отеля. Но археологи — люди неприхотливые, поверьте. К тому же вам не придется отвечать за нашу безопасность — по плану экспедиции мы покинем район нефтедобычи, и будем проводить изыскания вдали от частных территорий. В том случае, конечно, если вы согласитесь помочь нам с кое-каким оборудованием. Я готов заплатить наличными.

— Точнее? — Осведомилась Герда. — О каком оборудовании идет речь?

Деньги ее, похоже, не интересуют. Иначе бы спросила «а сколько я получу»?

— Нам нужен тоннельный вездеход,[10] стандартное для Эригона спелеологическое снаряжение, запас воды и пищи на две недели. Вот, пожалуй, все. Оплата, как я сказал, будет произведена немедленно.

— Присаживайтесь. — Герда, наконец, приняла окончательное решение и указала на свободные кресла. Хотела она того или нет, а деваться некуда, придется помочь. Ричард Фрамер недвусмысленно просил оказать услугу другу его отца. Деньги здесь действительно играли второстепенную роль.

— Один вопрос, господин Кирсанов. Номинально вы предоставлены самим себе, как только покидаете границы принадлежащих мне пространств. Но хотелось бы знать, кто на самом деле будет отвечать за вашу безопасность? Подледные лабиринты коварны, а я не смогу выделить вам проводников. Признаться честно, на буровых установках сейчас вообще нет персонала из числа людей. Только кибернетические системы.

— Мы справимся. — Успокоил ее Кирсанов. — Эригон далеко не первая планета в списке моих экспедиций. К тому же Александр, — Иван Андреевич кивнул в сторону Трегалина, — прекрасный альпинист и спелеолог. Мы не станем для вас обузой. — Повторил он. — Помогите добраться до северных широт и попасть на границу между ледником и корой планеты. Далее мы произведем самостоятельные изыскания, вдали от буровых площадок.

— Ну, хорошо. — Герда согласилась, понимая, что выхода у нее нет, — отказать своему проверенному партнеру по бизнесу в небольшой личной просьбе она не могла. — Какое еще оборудование может понадобиться? Подумайте об этом сейчас.

— Только вездеход, способный прокладывать тоннели в толще льда. — Ответил Кирсанов. — Все необходимые приборы мы привезли с

собой, разве что парочку универсальных разведывательных механизмов нам подкинете?

— Без проблем. — Ответила девушка. — Этого добра на буровых хватает. Сколько времени вам нужно на сборы?

— Нисколько. Все оборудование компактно и уместилось в двух рюкзаках.

— То есть, вы готовы выехать немедленно? — Она отыскала взглядом два объемистых дорожных кофра, оснащенных лямками для крепления на спину и неизменными для Эригона устройствами компенсации тяготения.

— Верно. — Кивнул Иван Андреевич, неожиданно улыбнувшись.

* * *

Красот подледных городов Эригона они не увидели, — путь от офиса «Эрголайна» до стартовых площадок внешнего космодрома вел по наклонному тоннелю, проложенному в стороне от туристических маршрутов, но спутников Герды, похоже, вовсе не интересовали традиционные достопримечательности.

За время пути они едва ли перекинулись парой слов, и только после того, как багаж археологов перекочевал в грузовой отсек флайбота с эмблемой нефтедобывающей компании на борту, Герда, заняв место пилота, предупредила:

— Пристегнитесь к креслам и не вздумайте вставать во время полета.

Ее пассажиры вели себя сдержанно. Излишнего любопытства или назойливости не проявляли, между собой тоже почти не общались, советам и распоряжениям следовали буквально. Такая дисциплинированность говорила Герде о многом. По крайней мере, она убедилась: оба археолога действительно понимают, что перелет за тысячу километров над ледниками планеты, — вовсе не увеселительная прогулка.

Подняв флайбот в воздух, Клейн некоторое время была занята. Контролировать действия автоматики вошло в разряд бессознательных привычек, — техника на Эригоне отказывала часто, не смотря на то обстоятельство, что заводы-изготовители адаптировали продаваемые модели под местный климат и гравитацию, но уникальной специфики сложения «негативных факторов» все равно никто до конца учесть не мог. Сильные порывистые ветра при полуторной гравитации (относительно Земного Эталона) и пятидесятиградусном морозе зачастую выводили из строя самые надежные механизмы.

В пассажирском отсеке флайбота сразу после старта воцарилась ватная тишина, на информационно-обзорных экранах видимости почти

никакой, — снаружи бесновалась снежная буря, и лишь изредка в поле зрения внешних видеодатчиков попадали смутно очерченные контуры ледовых пиков.

Примерно через четверть часа, когда флайбот поднялся выше слоя облачности, Клейн включила автопилот, и развернула кресло, посмотрев на пассажиров.

Трегалин дремал, Кирсанов неотрывно смотрел на экраны, куда транслировалось изображение облачных замков, освещенных ярким, но не греющим полуденным солнцем.

— Как самочувствие? — спросила Герда.

Иван Андреевич оторвал взгляд от экранов. Его сухощавое лицо, покрытое бронзовым космическим загаром, не отражало ни восторга, ни подавленности — двух чувств, которые попеременно овладевали большинством попавших на Эригон туристов.

— Спасибо, все в порядке. Мы запаслись локальными компенсаторами тяготения, так что — особых неудобств лично я не испытываю.

— Вопрос можно?

— Конечно.

— Мне не совсем понятно, что делают археологи на Эригоне? А тем более на территории северного материка, ведь там никогда не существовало колониальных поселений.

— А мы с Александром не занимаемся историей поселений времен «Великого Исхода». — Ответил Кирсанов. — Эта эпоха уже достаточно полно изучена поколениями наших предшественников.

— Тогда я совершенно ничего не понимаю. — Нахмурилась Герда, отчего у нее на лбу образовались две едва приметные вертикальные морщинки. — Эригон — мертвый мир. Вернее — почти мертвый. Жизнь здесь скудна, представлена в основном простейшими микроскопическими формами. От их жизнедеятельности могла образоваться нефть, что добывает моя компания, но какие *археологические* находки вы рассчитываете тут совершить?

Иван Андреевич на минуту задумался. Он размышлял над тем, стоит ли скрывать истинные цели своего визита на Эригон?

Пожалуй, большого смысла в скрытности нет. Всякий, кто интересуется историей, планетологией и хоть немного разбирается в биологии, спокойно придет к тем же выводам, что сделал я. — Мысленно рассудил он. — Почему раньше нечто подобное не пришло никому в голову? — Спросил себя Кирсанов и сам же ответил: — Не до того было.

Поселенцы боролись за выживание, затем Эригон начал стремительно пустеть, век от века сокращая численность своего населения. Да и рука первой Конфедерации Солнц чувствуется, — Эригонский кризис, когда из-за контроля над данной звездной системой едва не столкнулись в вооруженном конфликте Окраина и Центральные Миры Обитаемой Галактики, пробудил историю, которая древнее нашей, человеческой… Неудивительно, что цепь открытий, начавшаяся именно тут, в свое время легла под гриф «секретно».[11] Сколь ни парадоксально звучит, но теперь, когда история древних рас стала всеобщим достоянием, до Эригона вновь никому нет дела, — сколько за последние десятилетия открыто миров, куда более информативных и захватывающих, чем ледяной шарик и его покрытые все теми же льдами луны?… Да без счета. Одно скопление О'Хара чего стоит. Не удивительно, что Эригон с его тайнами оказался позабыт в потоке новейших исторических открытий.

— Мисс Клейн… — Наконец произнес Кирсанов. — Вот вы занимаетесь добычей нефти. А как она образуется, знаете?

— Конечно. — Герда улыбнулась краешком губ. — У основания ледников, на границе с корой планеты много пресноводных озер в естественных пещерах. Там живут микроорганизмы. Из массы отлагающейся на дно органики в конечном итоге и получается нефть.

— Не совсем так. — Остановил ее Иван Андреевич. — Дело в том, что вы сильно упрощаете процесс, и сокращаете его во времени. Позвольте, я поясню: действительно теплые воды и обитающие в них представители микрофлоры и микрофауны — это предпосылки для образования нефтяных месторождений, но масштаб озер тут не подходит. Нужны океаны, — первобытные океаны планеты, на которой жизнь начинает свои первые шаги, тогда действительно примитивные микроорганизмы получат возможность безудержно плодиться в мутных, теплых водах и так же быстро умирать, исполнив свой немудреный жизненный цикл. Их микроскопические тела, незримые для нашего глаза, опускаются на дно и отлагаются *миллионами тонн* органических наслоений.

Часть из них, вместе с водами теплого океана, — продолжил пояснить Кирсанов, — просачиваясь сквозь трещины материковых пород, заполняет скрытые полости планетной коры, где из органических отложений под действием давления и высокой температуры недр, на протяжении миллионов лет образуется нефть.

— Вы что-то путаете. — Ответила Герда, выслушав археолога. — Может быть именно так происходит на других мирах, но Эригон всегда был

холодной планетой, где вода в подавляющем большинстве случаев — это лед.

— Не всегда, — покачал головой Иван Андреевич. — Если предположить, что Эригон на протяжении всей своей геологической истории был покрыт панцирем льда, откуда в атмосфере планеты появился высокий процент кислорода? Будь ваша родина мертвым, покрытым льдами шаром, вы бы никогда не нашли тут нефти, уже поверьте моему опыту.

— Что вы хотите этим сказать? — Герда посмотрела в сторону Кирсанова, не скрывая своего удивления и некоторой настороженной предвзятости.

— Эригон когда-то был теплой планетой, которую сплошь покрывал океан. — Ответил Иван Андреевич, проигнорировав брошенный на него взгляд. — Так же как и самый большой спутник — Луну-17.

После слов археолога на некоторое время наступила тишина. Герда обдумывала услышанное, делая вид, что ее внимание поглощено управлением, хотя по индикации пульта было понятно — флайбот движется под контролем автопилота.

— Вы полагаете, случилась катастрофа? — Наконец переспросила она, проявив гораздо больше заинтересованности древнейшей историей родной планеты, чем можно было предположить, составив поверхностное суждение об ее наклонностях и интересах.

— Да, — ответил Иван Андреевич и тут же пояснил: — Но я не думаю, что катастрофа носила естественный, природный характер. Вам ведь известно, что на Луне-17 в древнем схроне был обнаружен фотонный сверхкомпьютер расы инсектов, который изначально управлял Сферой Дайсона, а затем, когда цивилизация насекомоподобных существ вступила в схватку с ордами Предтеч, его эвакуировали сюда, в специально оборудованный бункер на Луне-17?

Герда повернулась вместе с креслом внимательно посмотрела на Кирсанова и ответила:

— Да я слышала об этом. Хотя информация, касающаяся «Интеллекта» (так называли сами инсекты созданный ими фотонный аналог мозга) весьма скудна, даже скажу — противоречива.

Ее ответ заставил Ивана Андреевича по другому взглянуть на Герду. Что уж таить — на Эригоне осталось очень мало коренных жителей, и в основном это были либо неудачники, либо лентяи, приноровившиеся жить за счет богатых туристических фирм. Кирсанов даже не думал, что на планете остались еще и патриоты своего мира, — люди, чьи способности

открывали им путь на более благополучные, комфортные миры, но, тем не менее, оставшиеся тут.

— Да, соглашусь с вами, о фотонном компьютере Инсектов мы до сих пор знаем недостаточно. — Кирсанову стал интересен разговор с Гердой, он увидел в ней благодарную собеседницу, чего было вполне достаточно. — Зато нам доподлинно известно, что насекомоподобные существа сумели построить Сферу Дайсона — исполинский искусственный мир, внутри которого заключена их родная звезда. — Продолжил развивать свою мысль Иван Андреевич. — Для строительства Сферы они использовали материал планет своей родной системы и уникальнейшие технологии космического масштаба. Как вы считаете, Инсектам приходилось двигать миры, в процессе создания Сферы Дайсона?

— Наверное… — Подумав, ответила Герда. — Я не совсем представляю, надо ли перемещать столь крупные объекты?

— Скажу уверенно — надо, и не «наверное», а наверняка. — Заверил ее Кирсанов. — Нам известно, что раса насекомоподобных существ доставляла к месту строительства объекты планетарного и лунного масштабов, перемещая их с периферии родной звездной системы к орбите ее четвертого спутника. Но подвижка планеты дело далеко непростое, такая попытка без тщательной подготовки и многих предварительных экспериментов может привести к катастрофе, последствия которой окажутся непоправимы. Однако, сейчас уже в точности известно, что при строительстве Сферы инсектам удалось избежать глобальных аварий или катастроф. Все деструктивные процессы, превращающие огромные миры в строительный материал, то есть попросту дробящие их на крупные обломки, проводились в строгом соответствии с расчетами. А это в свою очередь означает, что прежде чем приступить к строительству Сферы, Инсекты оттачивали технологию подвижки планет, и гравитационного взаимодействия крупных объектов в иных звездных системах.

Герда с трудом верила услышанному. Конечно, она была достаточно умна, чтобы понять логику рассуждений пожилого археолога, но раньше ничего подобного ей не приходилось ни читать, ни слышать и потому информация воспринималась на эмоциональном уровне *откровения*.

— Хотите сказать, что Эригон в свое время стал одним из «подопытных» миров?! — Невольно вырвалось у нее, вопреки обычной сдержанности.

— А разве сам факт существования гиперпространственного тоннеля, соединяющего Сферу и Луну-17, обращающуюся вокруг Эригона, не свидетельствует, что разумные насекомоподобные существа посещали эту

систему и вели здесь определенные работы? — Азартно, как человек, увлеченный своей идеей, подзадорил ее Кирсанов.

Энтузиазм Герды внезапно иссяк. Она взглянула на обсуждаемый вопрос с иного ракурса:

— Чудовищно… — Произнесла она. — Выходит, своими экспериментами Инсекты погубили биосферу Эригона, превратили планету в сплошной ледник, ради испытаний своей технологии? Неужели для этого нельзя было выбрать какой-нибудь безвоздушный планетоид?

Иван Андреевич не думал, что общаться с девушкой будет так интересно, — кто мог предугадать, что ее реакция заставит его на пару минут переквалифицироваться в адвокаты…

— Не забываете, мисс Клейн — ни одна из древних рас не смогла изобрести компактный гипердрайв. — Ответил он на ее обвинение. — Да, Инсекты и Логриане пользовались стационарными гипертоннелями, но для их создания представителям древних цивилизаций приходилось хотя бы однажды преодолевать межзвездные расстояния, двигаясь в трехмерном континууме. А это требует многолетних перелетов, так что они поневоле использовали те системы, что располагались недалеко от их родной звезды.

Герда кивнула. Она знала, что кроме всего прочего доисторическому миру постоянно угрожали Предтечи,[12] и масштабы борьбы за выживание действительно не предполагали, что кто-то станет заботиться о планете, не заселенной разумными существами. Когда взрывались звезды, гибли или мигрировали цивилизации, такая мелочь, как замерзший океан, никого не волновала.

— А разве технология подвижки планет не известна человечеству? — Нарушив возникшую в разговоре паузу, спросила Герда, одновременно попытавшись перевести разговор в немного иное русло, чтобы иметь возможность свыкнуться с мыслью о том, что ее родной мир когда-то был покрыт теплым океаном вместо вечного ледника.

— Известен ее принцип, но не детали. — Ответил Иван Андреевич. — В общем-то, нам ни к чему ее применять. Но в «копилке знаний» подобное ноу-хау не повредит.

— Так вот значит, что вы надеетесь тут найти… Действующую установку, верно?

Кирсанов пожал плечами.

— Вряд ли можно всерьез рассчитывать на обнаружение целой установки. — Ответил он. — Пока что я ставлю перед собой задачу поскромнее, — отыскать неоспоримые признаки деятельности расы

инсектов и доказать, что именно они подвинули планету, превратив теплый океан Эригона в исполинский ледник. По моим предположениям под панцирем льда должно остаться множество следов пребывания насекомоподобных существ.

— Признаться, я даже не задумывалась, что Эригон может иметь такую древнюю историю. — Произнесла Герда. — Вы меня удивили.

Кирсанов лишь понимающе усмехнулся в ответ. В его мимике сквозило добродушие, и даже одобрение, — откровенно говоря, он не ожидал встретить в лице Герды Клейн столь благодарного и заинтересованного собеседника. По данным, которыми располагал институт археологии Элио, коренное население Эригона после многих веков эмиграции на более теплые миры, сократилось до десяти-пятнадцати тысяч человек. Все, кто подавал надежды, имел возможность и желание к самореализации, давно покинули планету, а те, кто остались, не блистали особыми талантами. Часто их удерживали сами туристические фирмы, выплачивая высокие социальные пособия или принимая эригонцев на работу с завышенными окладами, ведь для туристического бизнеса экзотическая планета без колорита коренных жителей теряла часть привлекательности.

Обычно уроженцы Эригона не блистали красотой — низкорослые, коренастые, с грубыми чертами лица они мало соответствовали общепринятым эталонам привлекательности.

Глядя на Герду, было трудно поверить, что она родилась тут, среди вечных льдов при повышенной гравитации.

Умная молодая особа, рост выше среднего, черты лица если и грубоваты, то едва заметно, чуть-чуть, что придавало ее облику особый шарм, некоторую загадочность.

Наверное, один из ее родителей с другого мира. — Подумал Иван Андреевич. — *Тогда почему она так не любит жителей других планет?*

Может быть, дело в каком-то туристе, соблазнившем ее мать, а затем исчезнувшем?

Скорее всего, я никогда не узнаю этого, — решил про себя Кирсанов.

Пока он размышлял, Герда задала очередной вопрос:

— А почему вас заинтересовало именно северное полушарие?

— Неисследованная область, — лаконично ответил Иван Андреевич. — Южное полушарие достаточно хорошо изучено за период полутоpатысячелетней истории человеческих поселений, а вот север — нет. Насколько я понимаю, до вас никто не основывал форпостов в этой части Эригона?

— Да, «Эрголайн» стал в этом смысле фирмой-первопроходцем. — Согласилась девушка. — Впрочем, поколениям моих предков не было никакого дела до глубинной разведки недр, вся энергетика изначально основывалась на установках термоядерного синтеза. Что касается полезных ископаемых, то, в плане металлов, месторождений хватает в районе подледных городов, так что организовывать дальние экспедиции было ни к чему. Колония даже в годы своего процветания не превышала по численности полумиллиона человек, отсюда и достаточно скромные потребности в ресурсах.

— Понятно, — кивнул Кирсанов. — Вы приятная собеседница, мисс Клейн. И, как мне кажется, — большой патриот своего мира.

— Да, я люблю Эригон. — Герда, наконец, позволила себе улыбнуться, преодолевая внутренние предубеждения. Кирсанов показался ей добродушным, вежливым, умным, а главное — он не задавал лишних вопросов и не поглядывал свысока или искоса, как большинство туристов, чем невольно располагал к себе.

— В свое время я мечтала вырваться с Эригона. — Неожиданно призналась Клейн, — и даже пыталась завербоваться в ВКС Конфедерации, но, побывав на других мирах, я слишком быстро и остро поняла, что моя родина здесь.

— Вот как? Вы служили во флоте? — Искренне удивился Кирсанов.

— Нет. Не прошла отбор. Попросту не выдержала первых месяцев подготовки. — Она повернула голову, взглянула на приборы, и произнесла, видимо желая прекратить беседу:

— Извините, мы уже на подлете. Пора начинать маневрирование перед снижением. Оставайтесь пристегнутым и разбудите вашего спутника.

* * *

Маневр снижения прошел в штатном режиме.

Трегалин проснулся от легкого прикосновения руки, будто и не спал вовсе, а постоянно находился настороже.

Оно и понятно. Мнемоник все-таки.

— Снижаемся? — Спросил он, даже не взглянув на обзорные экраны.

— Да. Ты пристегнут?

— Естественно. Не волнуйтесь, Иван Андреевич, я не враг себе. Техника, работающая на полуавтомате — элемент риска в любом, самом безобидном перелете.

— Ну, тут часто бывают внезапные отказы оборудования, ты же знаешь.

— Могли бы элементарно установить дубль-системы и не вводить в уравнение безопасности такую переменную, как человеческий фактор.

— Потише, пожалуйста, — предупредил его Иван Андреевич.

— Мисс Клейн нас не слышит. Все под контролем.

Флайбот резко пошел на снижение, вновь попав сначала в густую облачность, а затем в зону непрекращающегося снежного бурана.

Видимость на обзорных экранах не превышала двух-трех метров, и Трегалин дистанционной мысленной командой переключил систему слежения в режим работы датчиков проникающего излучения.

Кирсанов занервничал, укоризненно посмотрев на Александра, — он опасался, что Герда заметит стороннее вмешательство в работу автоматики следящих комплексов, и посчитает это недопустимой вольностью со стороны своих пассажиров, но все обошлось, Трегалин лишь сделал успокаивающий жест — все в порядке, — и кивнул на экраны, где серая полумгла тут же проявила четкие контуры ледяных пиков, меж которых обнаружилась чуть более теплая, чем окружающий лед площадка, от которой в глубины ледника уходил наклонный тоннель. На самой площадке в заглубленных вровень с поверхностью ледника парковочных боксах располагались грузовые флайботы, чуть дальше, в нескольких километрах смутно просматривалась еще одна обширная взлетно-посадочная площадка, предназначенная для приема суборбитальных челноков.

Из недр ледника вдоль наклонных, проложенных под небольшим углом и явно протяженных на многие километры тоннелей, тянулись трубопроводы, соединенные с резервуарами для хранения сырой нефти.

Настоящий добывающий комплекс, — подумал Кирсанов, испытывая все больше уважения к девушке, сумевшей организовать подобное производство среди вечных льдов.

* * *

Посадка прошла на удивление плавно. Флайбот, управляемый твердой рукой Клейн, сел точно в центре размеченного круга, и сегмент плиты под ним тот час же подался вниз, опуская прибывшую машину на уровень, где брал начало наклонный тоннель.

— Прилетели. — Раздался из-за перегородки комментарий Герды. — Сейчас нам перестоит около часа езды по тоннелю, и прибудем на уровень буровых установок.

Ничего особенно примечательного Ивану Андреевичу рассмотреть не удалось.

— Что-нибудь наблюдаешь, Саша? — обратился он к Трегалину.

— Пока ничего интересного. — Александр на миг прикрыл глаза. — Обычная инфраструктура добывающего комплекса. — Пожал плечами он. — После того, как спустимся к подножию ледника, нужно будет удалиться в сторону километров на пятьдесят, чтобы избавиться от фонового излучения энергосистем буровых платформ. Только тогда я смогу без помех сканировать ледовые массы.

Глава 2

Настоящее.

Окраина скопления О'Хара. Первый энергоуровень гиперсферы.

Район дрейфа КРК «Антропос».

Первым в точку сбора прибыл Кирсанов, но без своих постоянных спутников он не мог радикально повлиять на ситуацию, потому его прилет вызвал глухое непонимание со стороны командира «Антропоса».

Теперь к шлюзовой палубе КРК осторожно приближался еще один небольшой корабль.

Маневрирование в гиперсфере и процедура стыковки малотоннажного транспорта с картографическим крейсером заняли около часа. Пока шло сближение, Иван Андреевич прохаживался по площадке предшлюзового накопителя. Он размышлял, нетерпеливо поглядывая на индикационные сигналы, отражающие текущий статус процесса стыковки.

Наблюдавший за ним капитан «Антропоса» пребывал в явном недоумении. Конечно, оспаривать приказы Фредерика де Ритторена он не собирался, но что, мрак его раздери, может сделать в сложившейся ситуации сухопарый старик? Кто он? Светило от науки? Высокопоставленный чиновник? Агент флота Конфедерации Солнц? Где его интерес, и какую помощь он сможет оказать в разрешении нештатной ситуации?

Одни загадки. Шелтон не любил неопределенности и, если поначалу реакция специализированных кибернетических подсистем была вполне адекватна сложившейся обстановке, то последующие действия, продиктованные волеизъявлением конкретных людей, уже не казались ему столь целесообразными.

Посмотрим, кто прибудет на малом корабле.

* * *

Иван Андреевич продолжал неторопливо прохаживаться по площадке предшлюзового накопителя.

В отличие от капитана Шелтона, Кирсанов полностью представлял себе реальную степень возникшей угрозы. Более того, он понимал, что силовые методы разрешения ситуации вряд ли оправданы. Конечно, в

определенных кругах настаивали на проведении крупномасштабной войсковой операции с привлечением ударных сил флота, но… рано. Еще не исчерпаны шансы, надежда теплиться, пусть она слаба, призрачна, но легких путей никто и не предполагал.

Кирсанов поежился.

Воздух в районе шлюзов холодный, бодрящий, пробирающий ознобом, конденсат подле внутренних люков образует тонкий налет замысловатых узоров инея.

Сколько еще ждать?

Цифры на индикационной панели уже начали обратный отчет. Примерно через минуту переборки и палубы «Антропоса» передали легкий толчок и короткую вибрацию, сопровождавшие процесс причаливания. Томительное ожидание достигло своей наивысшей точки, теперь до встречи осталось меньше минуты и, в такт убегающим мгновеньям, Кирсанов вновь и вновь переживал события четырехлетней давности, равно как и их внезапный рецидив.

Не все потеряно. Не все. — Мысленно повторял он.

Внутренний люк шлюзовой камеры номер три, наконец, дрогнул и начал движение в сторону.

Злобно взморгнул красный предупреждающий сигнал, но он тут же сменился на изумрудную искру индикации, означавшую, что процесс шлюзования завершен в штатном режиме.

Учитывая что «Антропос» по-прежнему пребывал в пространстве аномалии космоса, в пределах первого энергоуровня гиперсферы, то мастерству пилотов и надежности автоматики оставалось лишь мысленно аплодировать.

Люк полностью уполз в толстую переборку, и на пороге переходной камеры в сопровождении двух офицеров корпоративного флота появилась Герда.

Ее осунувшееся лицо хранило неизгладимый отпечаток пережитых за последние месяцы многократных стрессов. Казалось, на нем живут только глаза, чей лихорадочный блеск выдавал далеко не стабильное внутреннее состояние исхудавшей, практически изможденной девушки.

Иван Андреевич поторопился к ней навстречу, она заметила Кирсанова, остановилась, а он, подойдя, отеческим движением обнял ее за плечи, заглянул в глаза, ощущая холод ее ладоней, легкую дрожь в пальцах.

Нет, пара дней проведенных на золотых пляжах Коллио не смогли вернуть ее лицу здорового румянца, как не добавили душевного равновесия, скорее напротив лишь усилили внутреннее напряжение из-за

прерванного мнемонического контакта.

— Ну, здравствуй. — Кирсанов поздоровался так, словно они не виделись, как минимум, несколько лет.

Герда доверчиво прижалась к нему.

— Как хорошо, что вы здесь, Иван Андреевич.

— А как же иначе? — Он внимательно, пристально посмотрел ей в глаза. — Неужели думала, что оставлю тебя одну?

— Привыкла уже не верить в хорошее… — Негромко ответила Герда. — Надежда не умирает последней, Иван Андреевич… Она исчезает… со временем.

— Все так плохо в твоем понимании?

— Напротив… — Герда не ощущала холода, но поежилась. — Есть шанс, вы же знаете. Теперь, когда известно место, можно все проверить… По-настоящему проверить. — Последняя фраза далась ей с трудом. Было понятно: что бы ни говорила Герда — она отчаянно надеется на чудо, так же сильно боится, что его не произойдет.

— Разумеется, теперь мы все узнаем наверняка. Не скажу, что будет легко, но…

Герда мягко, но непреклонно остановила его, просто приложив палец к своим губам.

— Не нужно лишних слов. — Прошептала она. — Мне все равно, сколько шансов нам отведено теорией вероятности. — Ее запавшие глаза, обрамленные темными кругами, блеснули. — Я чувствую, что это он. Иначе все, происходящее со мной, придется признать не эмпатией, а помешательством.

Герберт… Кирсанов мысленно несколько раз повторил знакомое имя, в который уже раз пытаясь ответить на один и тот же вопрос: — *Мог ли он выжить?*

— Если это не он, значит, я просто сошла с ума. Но ведь факты косвенно подтверждают переданную мной информацию?

— Не косвенно. Прямо подтверждают. — Ответил Кирсанов. — Система двойной звезды в облаке планетарной туманности. Сам объект пока не обнаружен, но «Антропос» едва сумел избежать огневого контакта с малыми кораблями. Ошибиться практически невозможно. Три «Х-страйкера», в сопровождении веретенообразных штурмовиков. Магнитные маркеры «Х-страйкеров» полностью совпадают с маркировкой, предоставленной службой собственной безопасности корпорации «Новый Свет». Теперь понимаешь, почему я так срочно вызвал тебя?

В глазах Герды, вопреки ее собственным словам, медленно, но явно

разгорался лихорадочный огонек возродившейся надежды.

Год мучений, страшное самопознание, где крупицы истины приходили на границе жизни и смерти, прожит не зря. Она не сумасшедшая.

— Герберт жив… Я верю в это. Иначе не прилетела бы сюда. — Тихо, но твердо подытожила девушка.

* * *

Система Эригона.

Четыре года назад.

Борт неопознанного транспортного корабля…

Система Эригона, расположенная на границе рассеянного звездного скопления Центральных Миров, долгое время относилась к разряду стратегически-важных. Фактически тут проходила граница между корпоративной Окраиной и «старыми колониями», образующими костяк Конфедерации Солнц, однако после Семидневной Войны с расой Харамминов и открытия шарового скопления О'Хара[13] очаг напряженности между окраиной и Центром человеческих миров угас сам собой.

В современности из системы Эригона были убраны все военно-космические базы, ибо теперь форпосты человечества основывались на границе с шаровым скоплением звезд, обнаруженным в глубинах Рукава Пустоты.[14]

Контроль над внутрисистемным пространством Эригона сначала ослаб, а затем исчез вовсе вместе с военным присутствием Флота Конфедерации.

Теперь только гражданские диспетчерские станции осуществляли наблюдение за энергетически выгодными точками гиперсферного всплытия. В их функции входили лишь стандартные операции навигационного сопровождения заранее известных межзвездных рейсов. Конечно, на борту станций имелась аппаратура экстренного действия, способная контролировать все внутрисистемное пространство, но упомянутые комплексы включались только при получении сигнала бедствия.

…Исходя из вышесказанного неудивительно, что небольшой войсковой транспорт, давно устаревший как морально, так и технически, вот уже более недели дрейфовал в стороне от основных навигационных

маршрутов. Корабль не генерировал никаких опознавательных кодов, более того с его обшивки были старательно удалены все магнитные маркеры, обычно свидетельствующие о порте приписки. Люди, находившиеся на борту транспорта, явно не желали афишировать свое присутствие и, нужно сказать, им это удавалось в полной мере. Корабль темной тенью скользил на фоне немигающих россыпей звезд, соблюдая радиотишину. Энергетическая активность бортовых цепей была столь пренебрежительно мала, что сигнатуру[15] войскового транспорта не фиксировали даже те немногие датчики, что периодически обшаривали пространство, отслеживая перемещения ледовых глыб астероидного пояса системы.

* * *

На борту транспортного корабля царило тусклое освещение энергосберегающего режима.

Большинство отсеков находилось в безобразном состоянии. Казалось что некая мрачная тень осенила корабль, оставив в сумеречных помещениях лишь тусклые пятна работающих голографических мониторов да редкие искорки индикационных сигналов автоматических подсистем.

Экипаж корабля состоял из пяти человек. Четверо из них обосновались в небольшом жилом модуле и лишь пятый предпочитал проводить время в пустом и гулком грузовом отсеке, по возможности не контактируя с другими членами экипажа.

Если внимательно присмотреться к нему становилось понятно, что молодой человек, едва ли отметил свое двадцатипятилетие. Его лицо отражало мрачную задумчивость, расслабленная поза была обманчива, — он каждую минуту проводил в напряжении, ожидая прихода неких, известных только ему неприятностей.

Два голографических монитора освещали сложную структуру аварийного пилот-ложемента, непонятно за какой надобностью установленного в грузовом отсеке транспортного корабля. Молодой человек просматривал поступающие на виртуальные экраны информацию, его взгляд был внимательным, цепким, настороженным, но изредка он как будто замирал, терял фокусировку, зрачки расширялись, словно в эти мгновенья он мысленно уносился очень далеко…

На самом деле молодой кибрайкер[16] посылал в такие мгновенья очередной запрос в сеть или контролировал пространство прилегающих отсеков и коридоров, чтобы не быть захваченным врасплох.

Судя по сумеречному выражению его лица, никаких приятных

событий, он не ожидал.

* * *

Сказать, что Герберту Хайту не везло «по жизни», было бы явным преувеличением, но в данный момент он чувствовал — черная полоса невезения неоправданно затянулась, вот только никаких намеков на радикальное улучшение ситуации он не видел, равно как не находил разумного выхода из создавшегося положения.

Сейчас Герберт сидел в кресле противоперегрузочного пилот-ложемента, предаваясь мрачным размышлениям на тему ближайших перспектив.

Проклятье… Надо же было вляпаться в такую дрянную историю…

В коридоре послышались тяжелые, отчетливые шаги, затем дверь отсека с надсадным скрежетом сдвинулась в сторону, но на половине хода все же застряла, и посетителю пришлось боком протискиваться в узкую щель. Герберт даже не повернул голову на звук. Он и без того прекрасно знал кто идет.

— Привет Али, — бесцветным голосом произнес он. — Пришел за информацией? Извини, но порадовать нечем…

Молчание за спиной. Тяжелое, угрожающее сопение. Кисловатый запах пота и дешевого табака медленно ползет по отсеку.

— Ну, не прилетают богатые туристы на Эригон! — Не выдержав, разражено произнес Герберт. — Нет им здесь никакого кайфа! На лед они могут полюбоваться и без дальних перелетов!..

Сопение за спиной прекратилось. Вернее его заглушили слова:

— Много говоришь. И мало делаешь. — Угрюмо произнес ганианец на ломанном интеранглийском.

— Ну, ну… Опять орать будешь? — Вяло поинтересовался Хайт. Выплеснув накопившиеся эмоции, он теперь ждал ответной реакции ганианца. В прошлый раз обошлось криком и угрозами, посмотрим, что придумает теперь.

— Зачем орать? — Али бесцеремонно присел на край скошенной панели допотопного компьютерного терминала. — Может, резать? — Доверительно спросил он, демонстративно поглаживая рукоять кинжала, ножны которого были прикреплены к поясу.

Ага, значит, уроки усваиваем. — Не без доли злорадства подумал Герберт. В прошлый раз Али в припадке ярости пытался его застрелить. Ничего не вышло. Хайт попросту заблокировал оружие, даже не пошевельнув при этом пальцем.

Сегодня ганианец пришел с кинжалом. В логике сыну пустыни не откажешь. Удар отточенного куска стали не в состоянии остановить ни один кибрайкер. Но вот выжечь оппоненту мозги — запросто. Али не понимал, как сильно рискует. Вероятно, уповал на отсутствие имплантов в своей голове.

— Послушай, Али, давай не будем обострять обстановку.

Ганианец насупился.

— Плохо говоришь. Ничего не делаешь. Скучаешь. Мои люди тоже скучают. Все недовольны. Почему сидишь?

— А что мне, бегать по твоей посудине?! — Герберт опять понемногу начал заводиться.

— Мне сказали — ты кибрайкер!

— Ну? Я же не отрицаю, — да, кибрайкер! И что с того?!

— Работа простая. Почему не делаешь ее? — Раздраженно и язвительно поинтересовался Али. Его пальцы нервно поглаживали рукоять холодного оружия.

— Да сколько раз тебе повторять, — нет сейчас на Эригоне богатых туристов! — Не выдержав, все же вспылил Хайт. — Нету! Вот полюбуйся! — Герберт мысленным приказом включил устройство вывода данных. — Читать умеешь?

— Плохо.

— Ну, хоть на цифры посмотри! Вот, я взломал глобальную информационную систему ассоциации туроператоров Эригона, слева фамилии, справа адреса гостиниц, файлы с маршрутами туристических групп, а крайний столбец — данные по кредитоспособности конкретных лиц. Цифры ты хорошо понимаешь, не прикидывайся. Ни у одного туриста, находящегося сегодня на планете, нет больше десяти тысяч на счету. Выбирай любого, я тебе уже предлагал. Только какой выкуп ты сможешь затребовать у них?

— Шаранг… — Прошипел ганианец. — Мне не нужно десять тысяч! Я хочу много денег! Миллион!..

— А я тебе про что толкую?! Нет сейчас на Эригоне ни одного миллионера! Чем ждать неизвестно чего, да приходить ко мне с угрозами, лучше прикажи лететь в другую звездную систему. К Элио, например. Там богатых людей — завались!

Некоторое время Али молча сопел, глядя на информационный экран, затем убрал ладонь с рукояти кинжала.

— На Элио не полетим. Опасно. Сколько ждать тут? — Сипло осведомился он.

— Завтра прибывает очередной корабль. — Ответил Герберт. — Может и появиться стоящая кандидатура. Обещать ничего не могу.

— Ладно… — Буркнул ганианец. — Подождем.

Он вышел, так же как и вошел — боком протиснувшись через щель заклинившей на половине хода двери.

Хайт неприязненно проводил его мысленным взором.

На протяжении последних месяцев ему приходилось перебиваться случайными заработками, но так скверно его дела еще не обстояли ни разу.

Угораздило же меня завербоваться к такому тупому отморозку… — с досадой подумал он.

В затруднительное положение Хайт попал в результате неудачной операции, связанной с попыткой взлома коммерческой информационной сети, принадлежащей одной из крупнейших корпораций Окраины. Мнемоники «Нового Света» не только сумели пресечь попытку несанкционированного доступа к данным, но и провели удачную контратаку, — они пробили защиту, сумев за доли секунд считать данные непосредственно из рассудка Герберта, *опознав* личность кибрайкера, что для человека его рода занятий граничило со смертным приговором.

Теперь на Хайта охотились все мнемоники Окраины, хуже того, — сведения о нем были переданы в специальный отдел флота Конфедерации, а оттуда службам безопасности космических портов всех без исключения миров, входящих в Содружество.

При таком раскладе Хайту оставалось лишь одно — бежать на Ганио. [17]

Нужно было чем-то зарабатывать на жизнь, но к физическому труду Герберт не привык, а манипулировать с кибернетическими системами ганианцев занятие не только бесперспективное, но и крайне рискованное. Свирепые воины кланов Ганио не прощали подобных выходок, чужеземцев здесь держали под постоянным негласным контролем, поэтому Хайт пришел к разумному выводу, что с кланами лучше сотрудничать.

Так стечение обстоятельств привело его на небольшой транспортный корабль, дрейфовавший в пространстве системы Эригон.

Хозяин корабля — обыкновенный пират, — быстро и доходчиво объяснил кибрайкеру его задачу:

— Мне нужны сведения о туристах, прибывающих на Эригон. — Интеранглийский Али оставлял желать лучшего, изъяснялся ганианец с чудовищным акцентом, подкрепляя свою речь жестикуляцией, но Хайт быстро сообразил, что задумал главарь бандитов.

— Какие именно сведения тебя интересуют? — Все же уточнил он.

— Богатые люди. Ты должен найти для меня очень богатых туристов, за которых можно потребовать хороший выкуп. Справишься — получишь свою долю, наравне с командой.

— По настоящему богатые люди редко путешествуют под своими именами. — Ответил Герберт. Для этого они слишком умны.

— Твоя проблема. — Али пропустил реплику кибрайкера мимо ушей, оставив ее без внимания. — Мне нужны заложники, за которых я смогу получить выкуп. Как ты их найдешь среди толпы туристов, меня не касается.

Так Хайт был вынужден заняться взломом информационных систем туристических фирм, — работа для кибрайкера смехотворная и даже в чем-то унизительная.

* * *

Сутки спустя, когда в систему Эригона прибыл очередной пассажирский лайнер с туристами на борту, ситуация резко изменилась.

— Корабль на детекторах. Работай. — Пришло по внутренней связи нетерпеливое напоминание от Али.

Герберт с трудом сдержался, чтобы не послать его подальше. Во-первых, ганианец не имел ни малейшего понятия, что у кибрайкера могли иметься свои принципы, собственные взгляды на грань дозволенного, наконец! Одно дело добывать информацию, и передавать ее заинтересованным лицам, но ведь Али аль Атман не станет откладывать операцию по захвату заложников только из-за того, что на борту присутствует кибрайкер.

Выходит, я так же стану участником похищения людей? — С досадой подумал Герберт.

Некоторое время он мрачно смотрел в пустоту информационного экрана, ожидая пока загрузятся базы данных. Наконец в объеме голографического монитора появились информационные столбцы. Это был расшифрованный перехват сведений, которые транслировал субсистемный лайнер службам таможенного и иммиграционного контроля Эригона.

Ладно, выхода у меня все равно нет. — Мрачно размышлял Хайт, оценивая свое положение. — Нужно копнуть глубже, отследить, кто откуда прибыл… в конце концов, узнать у кого есть свой бизнес, и пусть Али подавиться!.. Не вечно же мне сидеть на борту древнего транспорта и ждать, пока у ганианца лопнет терпение?

Настроение у Герберта было паршивым, но работа есть работа.

Чем быстрее я ее сделаю, тем скорее закончится этот дебилизм. —

Вот, наверное, единственное чем мог успокоить себя Хайт. Изучая базы данных визовой службы, он, пользуясь своими уникальными способностями, посылал запросы непосредственно через сеть Интерстар, и получал официальные ответы, так как все его действия осуществлялись от имени (то есть под прикрытием) официальных властей планеты Эригон.

Взломать соответствующие программы и подчинить их своим интересам для Герберта особо труда не составляло. Учитывая, что правительство Эригона существовало только «де юре», а фактически всеми делами на планете заправляли владельцы крупнейших в галактике туристических фирм, осуществлять запросы, и получать ответы было несложно. Герберт не требовал какой-то конфиденциальной информации, его интересовал только род занятий прибывающих туристов, что вполне укладывалось в регламент элементарной процедуры безопасности.

Настроение Герберта все более ухудшалось.

Надо что-то делать. Думай, — мысленно приказывал себе Хайт, просматривая списки прибывших пассажиров. — *Али откровенный отморозок. Что я выиграю, отыскав для него богатого туриста? Отпустит он меня с борта своей посудины?*

Нет. Он конечно урод, но далеко не дурак.

А что в таком случае делать мне?! — Герберт теперь уже окрысился сам на себя. — Совершить еще одну глупость? На этот раз роковую? Завладеть кораблем, изолировать ганианцев? Конечно для кибрайкера это не проблема, но что будет дальше?

Как ни поверни ситуацию, получалось скверно. Не было выхода. Или Али втянет меня в свою аферу с похищением людей, либо у капитана пиратов лопнет терпение, и он в порыве необузданной ярости прирежет несговорчивого наемника…

Нет, не годиться. Умирать не собираюсь.

Но где выход? Угнать корабль? — Мысль уже пошла по кругу, перебирая немногочисленные варианты. — Что делать с командой? Ганио, на сегодняшний день — единственная планета, где еще можно укрыться от длинной руки корпораций и особого отдела Флота Конфедерации. Угон корабля мне не простят. Лишусь последнего убежища, последнего шанса.

Нет, буду тянуть время… Можно устроить поломку на корабле. Такую, чтобы Али был вынужден вернуться на Ганио. Там я сойду, и больше не стану ввязываться в сомнительные аферы.

Точно. Это шанс…

Размышляя Хайт, не переставал просматривать взломанные базы данных.

Чувство тревоги возникло внезапно, он так глубоко погрузился в свои размышления, что не сразу распознал его источник.

Прислушавшись к собственным ощущениям, он понял, что неосознанное беспокойство вызвали два пассажира, только что прибывшие на Эригон.

Александр Трегалин и Иван Кирсанов.

Трегалин?

Нет, фамилия может и знакомая, но ничего конкретного не говорит.

Почему тогда возникло чувство тревоги? Лицо? Что-то знакомое в чертах?

Память кибрайкера хранила ограниченное количество образов. Не смотря на молодость, Герберт прошел суровую школу, и усвоил ряд правил, незаменимых в его рискованном промысле. Одно из них гласило: память нельзя забивать воспоминаниями, их необходимо сортировать и «чистить», оставляя важное и удаляя второстепенное. Для подобных операций с собственным рассудком имелись специализированные кибернетические модули.

Чувство тревоги кольнуло и не возвращалось, но Хайт знал — ничего в мире не случается просто так.

Кого-то из этих двоих он встречал раньше.

Герберт достал тонкий футляр и открыл его; в тусклом свете голографического монитора таинственно блеснули два ряда микроскопических кибермодулей.

Некоторые микрочипы, уложенные в специальные экранированные гнезда, содержали те образы и воспоминания, которые он сознательно удалял из своего рассудка на протяжении последних лет.

Полностью удалять воспоминания — роковая ошибка. Нельзя расстаться с частицей самого себя, прожитое должно оставаться, пусть оно перекодировано и перемещено на иные носители информации, но всегда находиться под рукой.

Расширители памяти. Герберт отдал мысленную команду, активируя автономную систему футляра. Секунда и его разум получил доступ к той части собственных воспоминаний, что хранилась на микрочипах.

Поиск дал результат спустя пятнадцать секунд.

Саша Трегалин.

Он обучался в той же закрытой корпоративной школе, что и Герберт, но на каком-то этапе их группу разделили, и только позже Хайт узнал, что те, кого он считал отчисленными, на самом деле продолжали обучение, став *мнемониками*.

Этого еще не хватало…

Герберт находился не в той ситуации, чтобы равнодушно отнестись к появлению мнемоника на Эригоне. *Я не знаю, на какую из корпораций он работает*. — Промелькнула в рассудке лихорадочная мысль. Впрочем, не все ли равно? Когда дело касается защиты информации от посягательств кибрайкеров, корпы,[18] как правило, объединяются, забывая существующие распри.

Конечно, сейчас уже ни для кого не секрет, что у каждой из промышленных групп сектора Окраины имеются свои кибрайкеры, но если кто-то из них вдруг оказывался «засвечен» во время операции (как это произошло с самим Гербертом) бывшие работодатели моментально отказываются от него. Обычно до глобального преследования дело не доходило — неудачника убирали свои же, но в случае с Хайтом все оказалось намного сложнее, — он выскользнул из ловушки, исчез, сумел временно раствориться среди существующего на Ганио пестрого конгломерата авантюристов, наемников и убийц.

Кибрайкеры-одиночки, вроде Герберта, представляли для корпораций особую угрозу, в виду своей бесконтрольности и непредсказуемости, к тому же Хайт хоть и сорвал последнюю операцию, но все же успел завладеть частью секретной информации. Например, он теперь имел доступ к некоторым каналам межзвездной связи, принадлежавших лично Фредерику де Ритторену, — хозяину корпорации «Новый Свет» и ее действующему президенту в одном лице.

Ладно, будем рассуждать здраво. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы отследить мой путь бегства на Ганио. Гораздо сложнее сотрудникам мнемонического отдела корпорации было узнать, кто именно меня нанял, но, даже если им известно имя аль Атмана, просчитать действия Али не по силам ни одному мнемонику, потому как ганианец не имел четкого плана действий. Захватить богатого туриста и исчезнуть в неисследованных или малонаселенных секторах пространства — лишь намерение, конкретная реализация которого зависит от многих случайных факторов.

Ладно. Попробуем взглянуть на происходящее с другой стороны.

Что если появление Сани Трегалина на Эригоне всего лишь совпадение?

Глупости. Представить мнемоника, путешествующего в качестве обыкновенного туриста, Герберту было трудно. Специалисты по защите информационных сред, взлелеянные корпорациями, ценились очень высоко, и в отчие от кибрайкеров, им практически никогда не удавалось

получить личной свободы.

Логично предположить, что Трегалин прибыл на Эригон с заданием, а вот касается ли оно меня, еще нужно выяснить…

Так, посмотрим, кто его спутник?

В объеме виртуального дисплея тут же возник новый информационный массив.

Иван Андреевич Кирсанов, археолог, штатный сотрудник Института Галактической Истории. Основная специализация — история древних рас.

Герберт сморгнул, хотя мог и не делать лишних движений, информация от них не менялась.

Археолог… Более глупого прикрытия на планете, скованной вечными льдами, для сопровождения мнемоника не придумаешь. Археологам на Эригоне делать попросту нечего.

Герберт мысленно перебрал множество вариантов, ни один из которых не показался ему правдоподобным.

Оставался лишь один выход — следить за Трегалиным и Кирсановым, не выпуская их из поля зрения.

* * *

Два часа спустя, ситуация на борту каперского судна не изменилась. Али по-прежнему доставал Герберта своими угрозами, кибрайкер же не реагировал на них, делая вид, что занят поиском достойного объекта для похищения. На самом деле он сосредоточил все свои силы на слежке за мнемоником и археологом.

Осуществлять наблюдение оказалось делом непростым. Оба интересующих Хайта «туристов», как он и подозревал, прибыли на Эригон с какой-то особой целью. Они не остановились в гостинице, а, проведя короткие переговоры с руководством местной нефтедобывающей кампании, совершили рискованный перелет в северное полушарие планеты, где никогда не проходило ни одного туристического маршрута.

Такой внезапный оборот событий еще больше насторожил Хайта.

Досада на жизнь, неудовлетворенность, озлобленность, страх — не лучшие советчики, но, несомненно, мощные стимулы к действию, особенно для кибрайкера-одиночки, который привык ощущать себя вне законов и вне общества.

Теперь внимание Герберта было целиком приковано к мнемонику и его компаньону. Если несколько часов назад он мучительно размышлял над своим положением, решая как выпутаться из сомнительной аферы с похищением людей, то сейчас Хайт словно преобразился. Чувство

реальной опасности заставило его собраться, близкое присутствие мнемоника вмиг мобилизовало рассудок, и теперь ганианец со своей командой головорезов как-то резко отошел на второй план, став одним из мелких, но досадных проявлений данности.

Пока не узнаю, зачем пожаловал на Эригон мнемоник, Али может катиться куда подальше. В крайнем случае, заблокирую отсек аварийными переборками и перехвачу управление бортовой киберсистемой, чтобы эти отморозки меня не доставали. А не угомонятся, — заманю в пустой трюм запру там…

Сейчас Герберта волновали совсем иные вопросы. То, что еще недавно казалось ему важным и значительным, стушевалось на фоне появления мнемоника.

Зачем он совершил перелет в северное полушарие?

Это обязательно нужно узнать. Даже если появление Трегалина никак не связано с охотой на кибрайкера, из наблюдений за действиями Александра можно почерпнуть немало ценной, а быть может жизненно-важной информации, по сравнению с которой любой выкуп за самого состоятельного туриста — не заслуживающая внимания и затраченных усилий мелочь.

Проблема, возникшая перед кибрайкером, разрешилась достаточно быстро. Турфирмы содержали на орбитах Эригона мощную спутниковую группировку, насчитывающую несколько сот специализированных аппаратов, при помощи которых осуществлялся мониторинг самых удаленных маршрутов. Что особенно порадовало Герберта, — сканеры спутников слежения были специально адаптированы для условий скованной панцирем льда планеты, и могли контролировать все сетку тоннелей, включая расположенные на пятикилометровой глубине, у основания ледника.

Некоторое время Хайт занимался выяснением параметров орбит космических аппаратов, пока не определил несколько спутников, периодически пролетающих над северным полушарием. Его задача упрощалась тем, что во время движения над неосвоенными людьми участками ледников аппаратура слежения автоматически входила в режим энергосбережения, — значит, он мог использовать ее без риска быть обнаруженным.

Выбрав пять орбитальных аппаратов, кибрайкер взломал их системы, добавив в полетное задание программу, которая будет работать в его интересах. Теперь он мог получать данные сканирования северного полушария и, суммируя показания приборов с пяти точек слежения,

получать объемную модель интересующих его объектов.

Остальное — дело навыка. Имея трехмерное изображение, Герберт, конечно, не мог влезть в мысли мнемоника или его компаньона, — не было соответствующей аппаратуры, — но артикуляция губ считывалась свободно, а значит все, произнесенное вслух, не останется для кибрайкера тайной.

Через час, не удовлетворившись результатами проделанной работы, Хайт подключил к наблюдению еще шесть спутников, чтобы иметь непрерывную трансляцию происходящих в северном полушарии событий.

Теперь оставалось лишь наблюдать и ждать.

* * *

Эригон.

Северное полушарие.

Район нефтедобывающих комплексов…

— Ну вот, мое «подледное царство». — Герда сделал широкий жест рукой, не скрывая ноток гордости в голосе.

— Неужели все задумала и реализовала сама? — Кирсанов был удивлен.

— Да. Я ведь закончила Эригонский Государственный Университет, по специальности — инженер-проектировщик подледных коммуникаций.

— Редкая профессия. — Заметил Иван Андреевич.

— Да, и на иных мирах совершенно не востребованная. — С грустью добавила Герда. — Ладно, на буровые я вас не поведу, ничего интересного там нет, пойдемте, покажу «инспекторский домик», а потом заглянем в ангар, выберем подходящий вездеход.

— С удовольствием. А почему домик «инспекторский»?

— Да не хотели мне поначалу позволять разработку нефтяных месторождений. Постоянно присылали разные проверки, вот и пришлось даже домик для проверяющих соорудить. Потом отстали, а жилье осталось.

— А по какой причине не хотели разрешать добычу нефти?

— Да я поначалу попыталась использовать наемных рабочих. Дать работу соотечественникам, чтобы они не унижались, не гнули спины перед богатыми туристами. Вот и начали на меня давить — коренных эригонцев, кто может передвигаться без гравикомпенсаторов, на самом деле по пальцам пересчитать можно, так что мой проект многим туристическим фирмам показался чуть ли не угрозой их бизнесу.

— И как все разрешилось в конечном итоге?

— Просто и грустно. Я сопротивлялась, сколько могла, а потом сама изменила решение. Не под давлением, не подумайте. Просто те, за кого я «боролась» оказались никуда не годными. Лентяи. У них уже в привычку вошло ничего не делать, а деньги получать. Короче промучилась несколько месяцев, потом плюнула, перевела все управление на кибернетические комплексы — и самой спокойнее и домик как видите, пустует… — Герда улыбнулась краешком губ. — Даже дорожку к нему вон льдом всю прихватило.

— Красиво тут. — Кирсанов остановился, оглядываясь по сторонам. Такого действительно не увидишь ни на одной планете. Кругом лед, — под ногами, над головой, к тому же повышенная влажность, вследствие работы механизмов буровых установок, приводила к постоянному образованию конденсата, который замерзал на различных поверхностях, покрывая металл и пластик фантастическим по красоте узорами, укутывая постройки в мягкие, пушистые шубы инея, отчего трубопроводы и корпуса автоматических буровых станций, равно как и немногочисленные ремонтные, офисные или жилые постройки — все казалось родом из сказки. Если не забывать что над головой почти пять километров льда, сквозь который проложены трубы для перекачки нефти в емкости посадочной площадки, то белый холодный свет равномерно, почти без теней освещающий пещеру, кажется излучением самого холода.

— А какая тут температура?

— Минус тридцать.

— Стабильно?

— Нет. — Покачала головой Герда, открывая двери «инспекторского домика». — Мы с вами находимся на границе ледника и планетарной коры. Не так далеко расположены пещеры, где тепло недр находит выход к поверхности и там иногда бывает даже выше ноля по Цельсию.

— Это опасно? — Спросил молчавший всю дорогу Трегалин.

— Опасно, — кивнула Герда, справившись, наконец, с замерзшим замком. — Во-первых, часто случаются обвалы. Во-вторых, по трещинам гуляют такие «сквозняки», что человека с ног сбивают запросто.

— Интересно, если тут имеются мощные выходы планетного тепла, почему ледник в этих местах не растает?

— Он тает. Но тепла недр не хватит, чтобы полностью растопить ледниковый панцирь. Своды наиболее «теплых» пещер часто обрушаются, но быстро «нарастают» снова. Насколько я знаю, за всю историю освоения Эригона человеком случаев глобальных катастроф не было.

— А как же подледные города? — Трегалин вслед за Кирсановым вошел в достаточно тесный тамбур. — Как быть с теплом поселений?

— Ни один город не существует в прямом контакте с ледовыми массами. — Объяснила Герда. — Используются специальные термоизолирующие составы, из которых строиться оболочка, защитная скорлупа, корпус города, внутри которого реализованы замкнутые циклы.

— Ну а как же знаменитые ледяные пещеры и все прочее? — Поинтересовался Иван Андреевич.

Герда усмехнулась, включая свет в просторном помещении гостиной:

— Есть красивая сказка для туристов, а есть Эригон реальный. — Ответила она. — Никто не живет в сказочно-красивых ледяных дворцах. Это полная чушь, извините. Театрализованные представления, не более того.

* * *

Через четверть часа они, расположившись в домике для гостей, пили чай.

— Сегодня переночуете тут, а утром я покажу вам вездеход, выдам снаряжение, ну и парочку универсальных кибернетических механизмов подберем.

— А до утра ждать обязательно?

Герда удивленно посмотрела на Кирсанова.

— Не устали с дороги? При полуторном-то тяготении?

— Ничего страшного. Мы с Сашей будем отдыхать по очереди, ведь автоматика вездехода вполне надежна, верно?

— За кибернетические системы я поручусь, — кивнула Герда. — Техника обкатанная, проверенная не один раз. Если действительно торопитесь, то задерживать вас не стану.

— Не то, чтобы мы сильно торопимся, Герда, но вот насколько я знаю, скорость у тоннельного вездехода совсем невелика.

— Да движется он медленно, и менять настройки системы автопилота я вам не рекомендую. Ускорение процесса прокладки тоннеля может обернуться серьезными последствиями.

— Какими, например? — Поинтересовался Трегалин. Иван Андреевич заметил, что последние четверть часа его помощник ведет себя не совсем обычно, выдавая вроде бы ничем не обоснованную, повышенную нервозность.

— При соблюдении технологии прокладки тоннеля, луч лазера создает на внутренней поверхности тоннеля специальный слой,

упрочняющий стенки. Если увеличить скорость проходки, то создание такого слоя станет невозможным и тоннель через некоторое время пойдет трещинами, а потом и вовсе обвалится.

— Герда, я обещаю, что мы будем соблюдать все предписанные меры безопасности — Заверил девушку Кирсанов, отставляя в сторону пустую чашку. — Спасибо вам и за помощь, и за угощение, но нам действительно не нужен отдых. Хотелось бы побыстрее приступить к изысканиям.

— Да я вас, в общем, и не держу. — Ответила Герда. — Пошли в ангар, посмотрим, что есть подходящего из техники.

* * *

Тоннельный вездеход выглядел как огромный металлопластиковый крот. Передвигался он конечно не на лапах, а на гусеничном приводе, да и лед резал двумя лазерными установками инфракрасного спектра.

Погрузив в багажное отделение два универсальных кибернетических механизма, Иван Андреевич и Александр попрощались с Гердой, которая лично проверила запас энергии, воды и пищи, пока археологи грузили свое оборудование.

Сориентировавшись по трехмерной модели местности, Трегалин развернул машину в нужном направлении и включил автоматический режим резки тоннеля.

Кирсанов, договорившись с Гердой о периодичности сеансов связи, прошел в кабину и занял второе кресло.

— Саша, что случилось? Я заметил, ты нервничаешь?

— Чувство у меня возникло нехорошее, Иван Андреевич.

— Ну-ка, поподробнее?

— Показалось, что кто-то наблюдает за нами.

— А точнее? Показалось или все-таки наблюдают? — Кирсанов встревожился.

— Да вроде все в порядке. Это спутники на орбите. Я воспринимаю их излучение. Провел встречный запрос, — отвечают, что штатный режим сканирования. Вот только я так до конца и не понял, зачем орбитальным аппаратам контролировать полушарие, где нет ни одного туристического маршрута?

— Может, ведут разведку?

— Я могу это выяснить, только взломав один из них.

— Нет, Саша, на такую крайность идти не стоит. Никто не мог заранее знать, что мы отправимся именно на Эригон. Даже если за мной следили, а исключать такой возможности я не возьмусь, слишком быстро

отреагировали. Нет, это совпадение, случайность.

Александр удивленно посмотрел на Кирсанова и переспросил:

— Вы допускаете слежку? А кому нужно следить за вами?

— Слышал когда-нибудь об охотниках за артефактами?

— Конечно. Но «черные археологи» действуют в Рукаве Пустоты, это же всем известно.

— Не только. Сейчас спрос на артефакты очень велик. Открою тебе небольшой секрет, который, в общем-то, не является государственной тайной Конфедерации, но и разглашать подобные сведения как бы не принято. Так вот, за многими исследователями, особенно за теми, кто регулярно проверяет свои теоретические выводы в полевых условиях, установлено тайное наблюдение.

— И за вами?

— Была парочка неприятных случаев. — Признался Кирсанов. — С тех пор я всегда ношу при себе сигнализатор, работающий на гиперсферных частотах. Так что расслабься, Саша, у тебя в этой экспедиции другое задание. Ты ищешь артефакты, мы вместе исследуем их, а безопасность нам обеспечит вот это маленькое устройство, хоть и разовое, но надежное.

Трегалин кивнул.

Нельзя сказать, что он успокоился, — Александр впервые попал на Эригон, и настораживало его в окружающем буквально все, но, в конце концов, для того он и просил дать ему шанс: экспедиция покажет насколько состоятелен мнемоник вне обычной сферы деятельности, то есть, могут ли его способности использоваться вне рамок защиты информации от сторонних посягательств.

* * *

К утру (понятие в подледных коммуникациях относительное) вездеход пробил пятьдесят километров тоннеля, двигаясь со скоростью десять километров в час.

Иван Андреевич уснул, Александру же не спалось, хотя реальных поводов для беспокойства пока что не было. Деятельность спутников он проверил, сканирующее излучение, пронзающее ледник на всю глубину, вполне укладывалось в рамки задач по контролю туристических маршрутов. Над северным полушарием сканеры по идее должны были бы отключаться, но Трегалин решил, что, начни он разбираться в таких тонкостях, как халатное отношение технического персонала к энергосберегающим режимам, то времени на действительно нужную

работу у него не останется.

Спутники он оставил в покое.

Настоящая причина тревоги скрывалась в глубинах рассудка мнемоника и носила подсознательный характер. Он впервые ощущал себя оторванным от техногенной среды цивилизации, когда на тысячи километров вокруг только лед, обилие привычных для разума кибернетических устройств, равно как и виртуальная среда глобальной сети Интерстар сейчас находились вне зоны досягаемости передатчиков имплантов, и Трегалин впервые в жизни почувствовал настоящее одиночество.

Конечно, он в любую минуту мог задействовать мощные передатчики вездехода и соприкоснуться с привычной виртуально-информационной средой, но что же тогда получается? Стоит удалиться на пару тысяч километров от очага цивилизации и все? Уникальные способности исчезают, а он сам превращается в растерявшегося, переоценившего свои силы путешественника?

Чтобы не сосредотачиваться на дискомфортном ощущении, он постарался размышлять о чем-нибудь нейтральном, но и тут вышел промах: память выталкивала разного рода воспоминания и далеко не все они являлись приятными.

Само понятие *мнемоник* все еще искало свое место среди лексикона сотен Обитаемых Миров.

Мало кто из подобных Александру людей мог похвастаться тем, что свободен. Трегалин волею судьбы относился к тому поколению мнемоников, что появилось на Окраине усилиями корпораций, которые, защищая свои сети от атак кибрайкеров, создали их антиподов с равными возможностями, но иной психологией.

Вот уже несколько лет как Конфедерация и Совет Безопасности Миров узаконили статус избыточно имплантированных людей, наведя порядок на Окраине, где были разгромлена сеть нелегальных «учебных центров», где готовили мнемоников и кибрайкеров для нужд корпораций.

Трегалину повезло: хоть он и успел вкусить жестокой борьбы, между могущественными корпорациями сектора, но вышел из нее живым, сохранив не только рассудок, но и душу, не очерствевшую, способную удивляться, сопереживать и надеяться.

Какими станут новые поколения мнемоников, для обучения которых созданы первые официальные академии, Александр не знал. Все покажет время. Прогресс в области имплантирования уже не остановить. Мнемоники оказались востребованы не только в узких рамках задач по

защите информационных сетей, их уникальные возможности, как выяснилось, намного шире. Сейчас специалисты мнемонического отдела флота участвовали во многих колониальных проектах, вели разведку Вертикалей гиперсферы, помогали исследовать отдаленные уголки пространства, куда способна проникнуть лишь мысль…

И все же сейчас в конкретной ситуации он начинал страдать от одиночества. Александр чувствовал себя, как житель мегаполиса, внезапно оказавшийся в безлюдной пустыне, где не функционируют привычные информационные каналы, не ощущается пульс жизни миллионов людей и работы миллиардов кибернетических устройств, а единственным крошечным островком привычной разуму мнемоника данности осталась кибернетическая система вездехода…

Прислушиваясь к своим чувствам, Трегалин лишь на короткое время испытал приступ непонятной фобии, потом, оттесняя дискомфорт, в рассудке начали проявляться иные ощущения.

Он по привычке закрыл глаза, сосредоточившись на недоступном обычному человеку мировосприятии.

Кибернетические модули имплантов по своей сути являлись иными органами сенсорного восприятия мира, — они позволяли опытному мнемонику шагнуть за барьер ощущений, установленный для человека природой.

Возможности стандартных сканирующих комплексов меркли по сравнению с только раскрывающимся потенциалом человеческого рассудка. Датчики имплантов передавали в разум Трегалина данные по распределению окружающих энергий, лишь одним усилием воли он менял диаметр сферы сканирования, чтобы работа силовой установки вездехода, тепловая засветка от лазерных разрядов, прокладывающих тоннель, и клубов горячего пара не мешали ему исследовать прилегающее пространство.

Постепенно перед рассудком Александра начал открываться совершенно новый, удивительный мир. Он воспринимал разные температурные зоны, ощущал геомагнитное поле планеты, внутренний взор различал границу между планетарной корой и многокилометровой толщей льда, — таким образом, Трегалин, постепенно свыкаясь с необычными проявлениями внешнего мира (до этого он работал исключительно в киберпространстве),[19] начал воспринимать энергетическую ткань окружившей его данности, — он созерцал участок планетарной коры и покрывающий его ледник на уровне, *сравнимом* с

киберпространством, с той лишь разницей, что генераторами энергий в данном случае являлись естественные природные силы и процессы.

Постепенно новое видение поглотило рассудок, он будто отделил разум от тела, сливаясь с окружающим миром в гармони глобального восприятия.

Через некоторое время Александр начал свыкаться с новыми, только что открытыми возможностями собственного рассудка, и его внутреннему взору открывалось все больше деталей, он постепенно переходил к частностям, концентрируя внимание на отдельных направлениях мнемонического поиска.

…В стороне от курса вездехода внутренний взор Александра, проникнув сквозь толщу льда, внезапно обнаружил огромную пещеру, пространство которой полнилось яркими энергиями.

Тепло планетарной коры ощущалось тут намного мощнее, — Трегалин предположил, что видит огромное озеро, заполняющее естественную впадину в обнажившемся из-подо льда истинном рельефе поверхности Эригона.

Озеро воспринималось как жидкое стекло, базальтовое ложе виделось, как окутанная тепловой аурой излучения, изменчивая, многокрасочная поверхность; ледовые массы, образующие свод и стены исполинской пещеры, выглядели в представлении мнемоника как темные, пронизанные пульсирующими каналами ветвистых трещин, твердые и непрозрачные образования.

Трещины, по которым поднимались токи теплого воздуха, уходили вверх и в стороны, постепенно тускнея и сливаясь с основной массой ледника, а вот в глубинах озера внутренний взор мнемоника начал различать отдельные термальные всплески, которые *двигались* в толще «стекловидной» массы.

Неужели живые организмы?

* * *

Александр открыл глаза и принялся будить Кирсанова.

Тот проснулся мгновенно, потому что спал очень чутко.

— Что случилось, Саша?

— Я обнаружил огромную подледную пещеру! — Не в состоянии справиться с охватившим его восторженным ощущением сделанного открытия, воскликнул Александр. — Она в стороне от курса вездехода, примерно километрах в пятнадцати!.. Сканирующие комплексы туда не достают, но я увидел ее, перейдя на мнемоническое восприятие энергий!

Иван Андреевич был очень доволен. Если несколько дней назад, отправляясь на Эригон, он сомневался в рекомендованном ему методе поиска, то сейчас, глядя в горящие глаза Александра, подумал, что недооценил способностей мнемоника.

— Что ж, твое открытие нужно проверить. Давай остановим вездеход и рассчитаем новый курс, который выведет нас к пещере.

* * *

Трегалин действительно совершил открытие.

Через два часа, уже на сканерах вездехода обозначилась граница огромной полости, образовавшейся в процессе естественного таяния льдов под воздействием температуры недр планеты, которая нашла выход к поверхности через сеть микротрещин в базальтовом ложе ледника.

Когда вездеход пробил тоннель и медленно выполз из узкого прохода на простор пещеры, свет мощных прожекторов, преломившись в рухнувших от свода глыбах льда, вдруг брызнул в разные стороны, осветив огромное пространство.

Казалось, что в воздухе подледного царства вдруг вспыхнул жидкий огонь разных цветов и оттенков. Сияние, искрясь в многочисленных глыбах и наростах льда, проникая сквозь прозрачные сталактиты, осветило площадь в десятки квадратных километров.

В феерическом многоцветии холодного пламени Иван Андреевич и Александр увидели, что центр пещеры действительно занимает озеро, над темной поверхностью которого курилось марево испарений.

— Поразительное зрелище… — Кирсанов не мог оторвать восхищенного взгляда от экранов обзора.

— Посмотрите на биодетектор. Как я и говорил, в озере есть жизнь. Микроорганизмы, водоросли, рыбы и даже какие-то небольшие животные.

— Давай-ка выйдем из вездехода. — Предложил Кирсанов. — Берег озера нужно тщательно осмотреть. Ты сделал настоящее открытие, Саша, ведь мы сейчас наблюдаем один из очагов пережившей оледенение биосферы, замкнутую экосистему, одну из множества, благодаря которым на Эригоне поддерживается высокий процент кислорода в атмосфере!..

Трегалин потрясенно молчал. Он понимал, что совершил открытие, но для окончательного осознания ему все еще требовалось увидеть темные воды озера собственными глазами.

Воспитанный как мнемоник, он не имел реального опыта применения своих способностей вне сформированного машинами киберпространства, — Александр делал сейчас первые самостоятельные

шаги, на личном опыте постигая ловушки и преимущества двойственности восприятия окружающего мира, где в данном случае нет виртуальной паутины компьютерных сетей, и разум вдруг переключается на восприятие природных энергий.

* * *

Покинув машину, они вышли на отлогий берег озера.

В воде плавали ноздреватые льдины, похожие на миниатюрные айсберги. Вокруг продолжала полыхать феерия холодного света, сияние разных оттенков застыло в воздухе, поражая игрой красок, темная, почти черная поверхность воды, неподвижная, будто зеркало, создавала иллюзию твердой поверхности и лишь легкое движение воздуха, порождаемое разницей температур, дрожало над гладью озера едва заметным, струящимся маревом искажений.

— Никогда даже представить себе не мог такой красоты!.. — Раздался в коммуникаторе потрясенный голос Кирсанова. — Подумать только, Саша, мы с тобой первооткрыватели… до нас человеческая нога не ступала на берег этого озера, и никто во всей Обитаемой Галактике пока не знает о существовании этой пещеры.

— Может и хорошо, что никто не знает? — Неожиданно спросил Трегалин.

— Почему? — Иван Андреевич удивленно повернул голову, посмотрев на своего спутника сквозь прозрачный пластик мягкого шлема.

— Изгадят тут все. Туристы. — Александр ответил отрывисто, односложно, — он и сам был взволнован той красотой и таинственностью, что источал сам воздух огромной пещеры.

— Послушай… Ты слышишь капель? — Кирсанов не стал отвечать на замечание относительно туристов, понимая, что Александр прав: нарушив первозданную красоту данного места, человек, вольно или невольно, принесет сюда вместе со своим присутствием радикальные, а быть может и необратимые перемены.

Трегалин прислушался. Действительно от сводов пещеры срывались капли талой воды, звук их падения резонировал в тонких ледяных перегородках, становясь звонче и отчетливее. Капель в тиши ледового зала походила на музыку, в которой ощущалось что-то от вечности…

— Нужно соблюдать осторожность. Поверхность озера как видно не замерзает, значит, плавающие глыбы льда сорвались от сводов. — Спустя некоторое время произнес Иван Андреевич.

— Я переключусь на импланты. — Ответил Александр. — Так будет

спокойнее.

— Хорошо. Только рассказывай, что ты видишь. Нам нужно наметить какой-то маршрут, чтобы отснять как можно больше видеоматериалов.

— Озеро ни в одной точке не подходит вплотную к стенам пещеры. — Ответил Трегалин, наблюдая посредством кибермодулей противоположный берег. — Мы вполне можем обойти его по кругу.

— Нужно взять пробы воды и воздуха.

— Я отдам распоряжение кибермеханизмам. Они все сделают. Могу дать задание поймать пару рыб.

— Не стоит. — Ответил Кирсанов, включая фонарь шлема. — Пока достаточно стандартных замеров, а обитателей озера тревожить не нужно.

Александр кивнул, отдал мысленный приказ двум универсальным кибернетическим механизмам, убедился, что те вышли из вездехода через люк грузового отсека, и только тогда направился вслед за археологом, начиная обход озера.

Свет от фонаря Кирсанова метался по стенам пещеры метрах в пятидесяти от Александра.

— Иван Андреевич, меня подождите.

* * *

Пройдя по берегу порядка двух километров, они неожиданно сделали еще целый ряд поразительных открытий.

На противоположной стороне водоема, наполовину зарывшись в гальку у самой кромки воды, словно сглаженный временем утес, возвышался фрагмент космического корабля расы инсектов.

О том, что пред ними именно космический корабль, принадлежащий разумным насекомым ни Кирсанов, ни Трегалин не усомнились, ни на секунду. Однако характерный для инсектов черный органический материал, из которого те строили свои города и создавали целые орбитальные комплексы, на этот раз оказался воплощен в необычных формах. Фрагмент был явно неполным, но узнаваемые вздутия силовых установок однозначно свидетельствовали в пользу космического корабля; в то же время такой конструкции не встречалось ни в одном из каталогов — обтекаемый нос корабля располагался меж вздутий двигательных секций, кормовая часть отсутствовала, а по периметру обтекателя виднелись отверстия. Когда-то они наверняка закрывались специальными диафрагмами, но сейчас от защитных устройств остались лишь едва приметные полосы, расположенные на внутренней части отверстий. Но самое главное — размер! Все образцы космической техники расы Инсектов насчитывали

сотни метров в длину, этот же был всего пару метров в поперечнике, и даже отсутствие хвостовой части не являлось препятствием, чтобы определить общий габарит летательного аппарата.

— Ну и дела… — Александр обошел обломок со всех сторон. — Иван Андреевич, похоже, мы нашли малый корабль инсектов!

— Да, перед нами истребитель. — Кирсанов уже успел осмотреть одно из отверстий, убедившись, что органическая броня небывалой прочности носит следы нагрева и плавления. В глубине отверстия среди запекшейся черной массы виднелась поврежденная испускающая трубка лазерного излучателя. — Малый боевой корабль! Я даже не мечтал о подобной находке!

— Иван Андреевич, вы бы взглянули на кормовую часть. Вернее на то, что от нее осталось.

Кирсанов подошел к Александру.

Да, действительно на повреждения стоило взглянуть. Вся хвостовая часть истребителя, начиная от двигательных установок, оказалась расплавлена, видимо корпус в какой-то момент потерял прочность и начал вытягиваться, пока не оторвался вовсе, оставив за двигательными секциями скошенный конический выступ с нитевидными потеками размягчившегося, а затем застывшего материала обшивки.

— Очень странные повреждения. Даже не представляю, кто мог их нанести. У инсектов, насколько мне известно, самым мощным энергетическим оружием являлся лазер, но тут нет характерного среза или шрамов на броне.

— Зато все признаки попадания плазменного разряда налицо, — развил его мысль Трегалин. — Плазмоид попал в кормовую часть и расплавил ее, отчего хвостовая конструкция просто оторвалась.

— Плазмогенераторов такой мощности на вооружении у инсектов не было. Логриане вообще не строили боевых кораблей… разве только это оружие Хараммινов?! Как ты считаешь, Саша?

— У Хараммινов не существовало мобильных плазмогенераторов, только стационарные, связанные с реакторами, базирующимися на планетах. — Уверенно ответил мнемоник. — В корпоративной школе нам преподавали, вернее *имплантировали* все доступные данные по древним расам, особенно, что касалось их техники и вооружений.

— Да, но до нас вообще не дошли сведения о крупных кораблях Хараммινов. — Выслушав его, все же возразил Иван Андреевич. — К тому же существовала еще и раса дельфонов, о которой мы так же почти ничего не знаем. Обрати внимание, Саша, до сегодняшнего дня мы могли только

предполагать, что у инсектов, к примеру, существовали малые аппараты, аналогичные нашим истребителям или штурмовикам. Ну, не томи, что там внутри?

— Все сплавлено в единый ком. — Ответил Трегалин, произведя глубинное сканирование объекта. — Чудо что он сохранил свою форму.

Кирсанов просмотрел переданные ему данные, потом снова обошел обломок носовой части истребители и, покачав головой, произнес:

— Поразить плазменным разрядом подвижную, небольшую по размерам цель весьма затруднительно.

Трегалин был вынужден согласиться. Действительно, попасть в истребитель разрядом плазмы трудно, да и вести такой «расточительный» огонь по подвижным, юрким целям невыгодно, в плане энергосбережения. И, тем не менее, он не мог представить иной вид энергетического оружия, способного нанести столь характерные повреждения.

— Нужно тщательно изучить всю пещеру. Возможно, мы отыщем ответ на загадку, если найдем еще какие-то обломки? Я лично не могу вспомнить, чтобы где-то упоминалось о крупномасштабных столкновениях между древними расами.

— Ты прав, таких свидетельств не сохранилось. После бегства инсектов и логриан в скопление О'Хара там случались стычки между инсектами и Харамминами, но доступные нам древние источники информации описывают столкновения кораблей среднего класса, аналогичных по своим размерам нашим штурмовым носителям времен Галактической войны и современным корветам.

— А что говорит история древних цивилизаций о кораблях дельфонов? — Поинтересовался Александр.

— О них не сохранилось ни сведений, ни материальных свидетельств. В пространстве Рукава Пустоты до сих пор находят множество обломков, но составить по ним представление о размерах, структуре или внешнем виде космических кораблей дельфонов до сих пор не удалось.

Так, обмениваясь мнениями и догадками, они медленно продвигались вдоль береговой линии, тщательно исследуя доступное для сканирования пространство.

Четверть часа спустя их усилия вновь были вознаграждены, — на глубине двух метров под гладью воды покоился еще один обломок. Внешне он напоминал рассеченное наискось покрытое многочисленными шрамами и ожогами веретено.

Александр, исследовав находку, передал Кирсанову итоговый файл. Они вдвоем некоторое время рассматривали полученное изображение,

недоумевая, — кораблей подобной формы не строили ни Инсекты, ни Логриане, ни Хараммины. Для дельфонов он был слишком мал и явно не приспособлен: известно, что раса дельфонов обитала в океанах, длина их туловищ составляла около двух метров, а внутри разрезанного наискось «веретена» вообще не наблюдалось свободного пространства. Структура рассеченного лазерным лучом малого корабля была ячеистой, ни одна полость не превышала по своим размерам тридцати сантиметров, в доступной для сканирования части сохранившейся обшивки не было ни люков, ни орудийных портов, ни каких-либо выступов надстроек, лишь ближе к заостренной, вытянутой в форме иглы носовой (или кормовой) части виднелись симметрично расположенные наросты.

— Совершенно непонятная конструкция. — Наконец заключил Кирсанов. — Внутри нет места для пилота, значит ли это что перед нами обломок автоматического корабля?

— Трудно сказать. Кабина пилота могла располагаться в отсутствующей части. Взгляните на модель объекта, Иван Андреевич. Вздутия обрамляют отверстие, похожее на сопло, и в то же время они напоминают мне элементы электромагнитного устройства, которое участвует в формировании плазменного тела, в известных мне конструкциях генераторов плазмы. Если я прав, то тогда плазмоид выдавливался через сопло и, попав в кокон электромагнитного поля, некоторое время сохранял стабильную структуру. Пока не настигал цель. — Пояснил он.

— Не могу даже предположить к изделиям какой расы отнести данный обломок. Сканирование указывает на сложный металлокерамический сплав корпуса. Подобного соединения в природе не существует и среди известных артефактов не встречается.

— Значит, мы сделали еще одно потрясающее открытие?

— Выходит так… — Ответ археолога прозвучал неуверенно, Иван Андреевич хоть и успел свериться с базами данных хранящихся в его личном кибстеке, но еще не полностью осознал уникальность сделанной находки. Если верить результатам сравнительного анализа, данный обломок не принадлежал ни одной из известных цивилизаций древнего космоса!..

— Саша мы должны скрупулезно все зафиксировать, но трогать обломки не станем.

— Почему? — Удивился Трегалин.

— Мы с тобой лишь разведчики, настоящие исследователи прибудут, как только я получу возможность подготовить и отправить полноценный

отчет на Элио. Важно чтобы к прибытию экспедиции тут все сохранилось в нетронутом виде. Нам с тобой придется заделать пробитый вход, восстановив ледяную стену, чтобы не нарушить воцарившегося тут температурного баланса.

— Жаль… — Вздохнул Трегалин. — А я думал, мы попытаемся разгадать тайну обломка.

— Обязательно разгадаем. Только не сегодня. Иногда в профессии археолога главным становиться девиз врача: не навреди. У нас с тобой нет надлежащего полевого оборудования, я предполагал лишь провести разведку, в надежде обнаружить следы пребывания на Эригоне расы Инсектов. И уж никак не думал, что здесь будут найдены боевые корабли двух рас, к тому же неизвестной ранее конструкции.

— Значит все задокументируем, и поворачиваем обратно?

— Нет. Раз уж мы тут, поворачивать назад преждевременно. Пройдем еще хотя бы километров двести. Теперь я буду полагаться не только на свою интуицию, но и на твои импланты, они оказались намного эффективнее сканирующих комплексов вездехода. Попробуем отыскать подобные пещеры, и исследуем их.

— Хорошо Иван Андреевич. Я готов. Только подскажите мне, что делать.

* * *

Система Эригон.

Борт древнего войскового транспорта…

Хайт, установив орбитальный контроль над перемещениями мнемоника и археолога, поначалу хотел лишь выяснить, не является ли их появление в системе Эригона продолжением «охоты на кибрайкера», организованной корпорациями Окраины, а в результате стал свидетелем потрясающего открытия, более того, он узнал и изначальную цель экспедиции — поиски легендарного генератора расы инсектов!

Такая удача в руки кибрайкера попадает лишь раз в жизни.

Ситуация (по внутренним ощущениям Хайта) радикально изменилась, он получил информацию, которая меняла все знаки, аннулировала любые договоренности или обязательства, — далее Герберт собирался действовать один, планы Али его вообще больше не интересовали, однако терпение у ганианца не безгранично, оно лопнет, причем очень скоро, а ведь они находятся на одном корабле и разделяют их всего лишь переборки отсеков.

Герберт тяжело задумался над создавшимся положением.

Его не волновал сам факт, что он собирается «кинуть» аль Атмана, являющегося его «работодателем».

Я вообще случайно впутался в эту дебильную историю с захватом заложников. Там, внизу, найдены артефакты древних рас, этот археолог в паре с мнемоником вот-вот отыщут гравитационный генератор инсектов, при помощи которого насекомые двигали планеты, а я что останусь в сторонке, буду наблюдать и радоваться за человечество?!..

Ему выпал шанс одним разом решить все свои проблемы, помириться с корпорациями, заработать солидную сумму денег, но на фоне блеснувших радужных перспектив существовала реальная проблема: он находился на борту пиратского корабля, чей капитан начисто обделен фантазией, — пытаться убедить Али, что за информацию об артефактах можно получить во сто крат больше денег, чем захватив в заложники миллионера, — пустая трата времени.

Раз так, то следовало продолжать тянуть время, и по возможности подготовиться к конфронтации.

Не дожидаясь вызова, Герберт сам вышел на связь, доложив, что заканчивает проработку списка кандидатов на похищение.

Теперь по оценке самого Хайта у него оставалось приблизительно два часа до того момента, как аль Атман окончательно потеряет терпение.

Конечно, существовала слабая вероятность, что с ганианцем удастся договориться, убедив его, что информацию о событиях, происходящих в данный момент в районе северных широт Эригона, можно продать, но уповать на благоразумие аль Атмана все же было величайшей глупостью, и Герберт, не отметая попытки торга, искал способ обезопасить себя от посягательств ганианцев.

В первую очередь он вошел в мнемонический контакт с главной кибернетической системой корабля.

Ему даже взламывать ничего не пришлось — древний войсковой транспорт и так оказался изуродован до полного безобразия — все системы ограничения доступа и подтверждения полномочий уничтожены, большинство операций по управлению кораблем осуществлялось вручную, часть приборов и даже целые подсистемы вообще были лишены энергии за «ненадобностью».

Герберту понадобилось десять минут, чтобы закачать через импланты всю техническую информацию, какую удалось обнаружить в бортовой сети корабля.

Итак, войсковой транспорт. Разработан еще в период галактических войн, основная задача, — снабжение десантных подразделений,

осуществляющих высадки на планеты.

Стоп… А как он доставлял грузы на поверхность планет, если кроме маневровых двигателей и гиперсферного привода у транспорта нет никаких дополнительных движителей, годных для проводки корабля через атмосферу?

Через минуту, пытаясь ответить на заданный самому себе вопрос, Герберт обнаружил несколько поздних усовершенствований конструкции, а именно: две секции двигателей планетарной тяги и шесть симметрично расположенных грузовых аппарелей.

Однако изменения в конструкцию были внесены относительно недавно, а как функционировал транспорт в своей изначальной конфигурации?

Ответ напрашивался только один, и вскоре Герберт сумел найти ему подтверждение: шесть грузовых сегментов, симметрично расположенных относительно оси вращения корабля, имели собственные планетарные двигатели.

Но если допустить, что войсковой транспорт мог производить запланированный отстрел грузовых модулей в околопланетном пространстве, то каждый отсек должен быть оснащен не только двигателями, но и средствами навигации, обеспечивающими управляемую посадку!..

Герберт почувствовал, что находится на верном пути.

Смогу договориться с Али — прекрасно, — думал он, — *но даже и при таком раскладе средство для индивидуального спасения не повредит. Итак, что же получается? Транспорт имеет шесть отделяемых отсеков?*

Логичная мысль. Таким образом, могла осуществляться доставка грузов в районы боевых действий, на поверхность планет. Герберт последовал за нитью рассуждений и, спустя некоторое время, понял, что пульт управления и консоль автономной киберсистемы, установленные в каждом из шести грузовых модулей, не позднее усовершенствование, как он думал поначалу, а *штатная* подсистема войскового транспорта. У отстреливаемого отсека действительно имелись свои средства навигации, двигатели планетарной тяги и грубые, но вполне удовлетворяющие требованиям военного времени устройства коррекции курса.

Около получаса понадобилось кибрайкеру, чтобы разобраться с древней кибернетической системой. Поначалу, обнаружив среди оборудования отсека планетарные двигатели, он удивился, ведь подобная оснастка обычного грузового модуля на первый взгляд выглядела

расточительством, но, подумав, он пришел к выводу, что был не прав. Благодаря подобному «излишеству» войсковой транспорт получал массу преимуществ. Он мог одновременно снабжать десятки боевых подразделений, десантируя модули в разные точки на поверхности планет, при этом мощная и надежная схема посадки гарантировала сохранность груза.

Во время войны действовали иные критерии целесообразности, — подумалось ему. — *Своевременное обеспечение наземных подразделений помогало сохранить сервомеханизмы, чья стоимость в десятки раз превышала затраты на производство управляемых грузовых модулей.*

Для кибрайкера подобные мысли являлись не пустой тратой времени, — чтобы быстро и эффективно разобраться в ситуации, подчинить своей воле древний кибернетический комплекс, Герберту требовалось понять, как он функционирует, представить ход мысли его разработчиков.

Конечно, после войны транспорт переоснастили, дав кораблю возможность непосредственной доставки грузов в космические порты планет. О выброске контейнеров на необорудованные площадки уже не могло быть и речи. Их дополнительно закрепили на докировочном стержне, снабдили аппарелями для погрузочных работ, а системы автономной навигации так же, как и двигательные секции попросту законсервировали.

Переоборудование вышло не очень дорогим, потому корабль остался в строю.

Герберту очень повезло. Что ему требовалось — это подать энергию, протестировать все шесть модулей, затем выбрать один, наиболее работоспособный и, используя централизованную систему подачи планетарного топлива перекачать горючее в избранный сегмент.

Начиная приводить в исполнение свой дерзкий план, Хайт действовал спокойно, без суеты.

Он отлично понимал, что автономная система управления, которая включится в момент отстрела отсека, полностью автоматизирована и не рассчитана в своих действиях на поддержание человеческой жизни.

Скверно…

Я смогу задать точку приземления, но повлиять на маневры посадки уже не сумею. Это не выход. В конце концов, я не ящик со снарядами… Да и совершать посадку на Эригон мне ни к чему.

Хайт подумал было, что зашел в тупик и все же придется искать иной способ обретения свободы, к примеру, завладеть кораблем, полностью уничтожив ганианцев. Сейчас о моральных принципах почему-то не

думалось. Наверное с самого начала нужно было не церемонится с ними… — Влезла в рассудок холодная, скользкая мысль. — Хотя как я их уничтожу?

Вот ведь проблема…При всех мнемонических способностях Герберт был, мягко говоря, не силен в искусстве рукопашного боя. Максимум что он мог сделать — это разгерметизировать отсеки, в которых сейчас находится Али и его люди.

Ладно, с этим я всегда успею…

Мысль Герберта вернулась к виртуальной модели транспорта.

А это у нас, что за аварийные переборки и на кой фрайг они сдались в отделяемом грузовом модуле? Так, сегмент номер четыре, как раз мой отсек, кстати, и противоперегрузочные ложементы на схеме обозначены, как штатное оборудование!

Подключившись непосредственно к подсистемам четвертого грузового модуля, Герберт наконец-то понял, что ему улыбнулась удача.

Данный отделяемый отсек корабля служил не только для доставки грузов, но и мог использоваться, как средство спасения экипажа при возникновении аварийных обстоятельств.

Видимо данная функция была сохранена и в современной конфигурации корабля иначе как объяснить, что противоперегрузочные ложементы не демонтированы?

Так теперь разобраться со схемами подачи топлива, срочно, пока Али еще ничего не заподозрил. Герберт чувствовал неописуемое облегчение, он имел все основания подозревать, что ганианцы по-любому не оставили бы его в живых, даже если бы их афера с захватом заложников удалась. Уж больно не нравился им человек, который, используя только силу мысли, смог заблокировать работу импульсного оружия в руках у их предводителя. Что касается самого Али, то он подобных выходок не прощал никому и никогда — «на лбу», конечно, у ганианца этого написано не было, но во взгляде читалось однозначно.

Размышляя таким образом, Герберт проверил подачу энергии, затем, отключив немногие уцелевшие блоки систем безопасности, автономной командой задействовал механизм поднятия аварийных переборок и только после реанимировал древнюю кибернетическую систему, вплотную занявшись получением полномочий доступа к управлению всеми процессами.

Учитывая современную оснастку и уровень личной подготовки, Герберт справился с задачей в рекордно короткий срок, — прошло всего десять минут, а внутри загерметизированного модуля номер четыре уже

функционировала автономная система жизнеобеспечения, а в двигательные секции перекачивалось планетарное горючее, причем никто из ганианцев не подозревал о начале данных процессов.

Теперь, когда предварительные меры к личному спасению были предприняты, а активное вещество начало поступать к плазменным установкам планетарной тяги, у Герберта осталось достаточно времени на то, чтобы выяснить через спутники, что происходит внизу, под толщей льдов Эригона.

Он не собирался инициировать конфронтацию на борту транспортного корабля, пока к тому его не вынудит Али, или кто-то из подчиненных ему ганианцев.

Глава 3

Эригон. Северное полушарие…

Удача вновь улыбнулась двум археологам только спустя сутки после обследования пещеры, когда специально оборудованный вездеход пробил в толще ледниковых масс еще сто тридцать километров тоннеля.

Через каждые двадцать километров они останавливали машину, чтобы дать подзарядиться накопителям устройств накачки инфракрасных лазеров и без помех исследовать прилегающие к тоннелю массы льда.

Здесь на первый план выступали личные способности Александра.

Кирсанов, ранее знакомый с мнемоническим восприятием лишь на уровне теории, не уставал поражаться увиденному. Трегалин специально сформировал отдельный информационный канал, позволявший Ивану Андреевичу наблюдать процесс сканирования в реальном времени, что называется видеть мир «глазами мнемоника». Благодаря набору кибермодулей, размещенных в гнездах дополнительных имплантов (их у Александра было пять), на зрительный нерв Трегалина выводились данные, полученные от сканеров, то есть, информация, прошедшая предварительную обработку в кибермодулях, визуализировалась рассудком человека.

Для Кирсанова, не знакомого с конкретными приемами мнемонического сканирования, поначалу внешние проявления процесса выглядели не очень-то впечатляющими. Александр выходил из вездехода и останавливался, обычно в десятке метров от машины. Затем он просто закрывал глаза, и некоторое время стоял неподвижно.

Со стороны казалось, что он вообще ничего не делает, но на самом деле разум Трегалина напряженно работал.

Перед внутренним взором Александра при каждой остановке открывалась новая, не похожая на предыдущие, динамически изменяющаяся во времени картина: основная масса льда, со всех сторон окружающая пробитый лазерами вездехода тоннель, выглядела как серый фон, в глубинах которого, то ближе, то дальше постепенно проступали замысловатые контуры трещин. Некоторые, остающиеся холодными, виднелись едва-едва, иные, по которым от поверхности планетарной коры поднимались токи теплого воздуха, проявлялись ярче, — они либо пульсировали, либо *текли*, плавно меняя интенсивность своей окраски.

Таким же образом в видении Александра проявлялись естественные подледные пещеры, озера талой воды, ручьи, и любые вкрапления в лед. Обычно пласты льда содержали разный процент примесей и вкраплений в виде различных по размерам камней, реже — прослоек песка, и даже тонкого налета органики. Каждый предмет или прослойка имели свою, отличающуюся от общего фона температуру, и, благодаря таким термальным перепадам, Александр мог фиксировать внутреннюю структур ледника на десятки километров в объеме полусферы: внизу «под ногами» он воспринимал неровный рельеф планетарной коры, который, в ощущениях мнемоника, имел неравномерную опалесцирующую окраску, словно под тонким слоем льда «дышала» теплом сама планета, четко обозначая недоступный обычным датчикам ландшафт…

…Каждая остановка приносила что-то новое, пополняя создаваемые по ходу исследований уникальные базы данных, но к середине вторых суток поиска постепенно начали истощаться, как ресурсы машины, так и пределы человеческих возможностей. Они взяли такой темп, что Иван Андреевич не выдерживал его, но Трегалин, воодушевленный первыми находками, как будто не замечал усталости, он всецело находился под властью новых впечатлений, его разум требовал их еще и еще…

В конечном итоге Кирсанов не выдержал — задремал, а Александр продолжал работать, понимая, что в скором времени им так или иначе придется остановиться, чтобы истощенные накопители машины могли произвести подзарядку.

Еще один отрезок, — говорил он себе, понимая, что не прекратит захвативших его исследований, пока к тому не вынудят обстоятельства.

Во время очередной остановки он не стал тревожить задремавшего в кресле Кирсанова. Световые столбики индикаторов энергонакопителей уже сползи в красную зону, пора было сделать длительный перерыв, и Трегалин, включив режим подзарядки, вышел наружу, чтобы произвести сканирование и потом, успокоившись, попробовать уснуть, пока автоматика восстанавливает резерв энергии.

Он уже привычно, без внутреннего напряжения «переключился» на мысленное восприятие энергий, и почти тот час же внимание Александра привлекло странное явление, источник которого находился практически на пределе границы сферы эффективного сканирования.

Через несколько минут, сосредоточив внимание в одном направлении, Александр понял, что смутно воспринимает контур необычного предмета, имеющего нехарактерные для естественного скального образования формы. Тепло, исходящее от коры планеты, «подсвечивало» непонятный

массив, который (по мысленным подсчетам мнемоника) имел около километра в длину и почти пятьсот метров в поперечнике. Внутренний взор Трегалина смутно угадывал два боковых выступа, схожие со сферами, между ними располагалась покрытая непонятными ребристыми выступами средняя часть, выполненная в форме неправильного, сплюснутого цилиндра.

Объект находился более чем в двадцати километрах от точки наблюдения, и лишь его исполинские размеры позволили Александру зафиксировать приблизительную геометрию и габариты предполагаемого артефакта.

Некоторое время он продолжал внимать своим обострившимся чувствам, пытаясь понять, на самом ли деле датчики имплантов фиксируют нечто рукотворное, или все-таки он видит скопление скал, принявших округлые формы в результате процессов естественной эрозии?

— Иван Андреевич, похоже, я нашел нечто необычное. — Александр по-прежнему стоял неподвижно, не открывая глаз.

Кирсанов вздрогнул, моментально проснувшись. Он задремал прямо в кресле, и сейчас ему не было нужды принимать сигнал на проекционное забрало шлема, он включил приемные устройства бортовой киберсистемы тоннельного вездехода; над пультом управления в воздухе тот час же возникли две сферы голографического воспроизведения, куда стали поступать данные, переданные имплантами, непосредственно из рассудка Александра.

Заинтересовавший мнемоника объект на объемной схеме окрестностей был выделен алым сиянием.

Хотя его формы угадывались смутно, частично искажаясь из-за дальности расстояния и нескольких теплых воздушных потоков, восходящих по трещинам ледника в направлении наблюдения, но все же сами очертания необычной структуры заставили Ивана Андреевича невольно вздрогнуть.

Очень похоже на нечто рукотворное!.. — Мысль обожгла рассудок, изгоняя остатки дремы.

Минутой позже передача остановилась, новые данные перестали пополнять общую картину, а вскоре в рубке управления появился Александр.

— Будем менять направление? — Он вопросительно посмотрел на Кирсанова.

— Обязательно, Саша, обязательно!.. — Иван Андреевич даже не пытался скрыть охватившего его волнения. — Неопознанный объект

расположен почти на уровне коры планеты! Ты понимаешь, что это значит?! Он мог попасть туда только до образования ледника, иначе мы бы увидели след его прохождения через ледовые массы!..

— Ничего похожего на след я не заметил. Впрочем, его наверное стерло время…

— Нет, не думаю. — Иван Андреевич позабыл об усталости, возрасте, сейчас он был готов двигаться хоть на край света. — Мы же многократно брали пробы, — продолжил он свою мысль, — массы окружающего льда имеют возраст более трех миллионов лет! И, обрати внимание, — он указал на голографический монитор, — над неопознанным объектом лежит такой же древний пласт ледника! Пронизывающие его трещины ничтожны по сравнению с габаритами предполагаемого артефакта. Думаю, он попал сюда еще в тот период, когда Эригон покрывал теплый океан!..

— А вы видели устройства инсектов, предназначенные для подвижки планет? — Спросил Александр, занимая свое кресло в кабине управления. — Или хотя бы их фрагменты?

— В том-то и дело, что нет. Целых образцов или фрагментов не сохранилось. Кроме общих сведений, раскрывающих вид энергии, которым манипулировали подобные устройства, не известно ничего — их реальная конструкция, размеры и формы до сих пор остаются загадкой!

Кирсанов посмотрел на индикаторы зарядки накопителей и невольно вздохнул, заставив себя мысленно смириться с невозможностью немедленно продолжать движение. Еще как минимум час им придется ждать, пока устройства накачки лазерных установок не восстановят запас энергии за счет бортового реактора вездехода.

Трегалин перехватил его взгляд.

— Да, нам придется набраться терпения. — Вздохнул он. Вид артефакта, изображение которого четко просматривалось на краю отсканированного пространства, невольно будоражил мысли, стимулируя и без того разыгравшееся воображение.

Кирсанов кивнул. Хотели они того или нет, но существовал род обстоятельств, с которыми приходилось мириться.

— Предлагаю перекусить, пока у нас есть время.

— Не возражаю. — Александр мысленно отдал распоряжение бытовой кибернетической подсистеме, и из открывшихся ниш в панели управления выдвинулись два компактных столика, на которые из системы пневматической доставки тот час же, с едва слышным шипением, выскочили герметичные упаковки с саморазогревающимися пищевыми рационами.

— Если мы нашли генератор гравитационной тяги, наше открытие станет переворотом во многих космических технологиях! — Не удержавшись, заметил Трегалин, распечатывая свой обед.

— Никакого переворота не будет, Саша. — Неожиданно ответил Кирсанов. — Потрясающее археологическое открытие — да, но не технический прорыв.

— А разве нам, я имею в виду человечество, — уже известна подобная технология? — Искренне удивился Александр. — Почему же тогда она не применяется?

— А что нужно подвинуть? — Весело сверкнув глазами, спросил Иван Андреевич.

— Я не о подвижке планет говорю. Технология гравитационного привода человечеству известна? — Настойчиво переспросил Трегалин.

— Я же сказал — в общих чертах. — Ответил Кирсанов. — Она используется локально — выпускаются генераторы небольшой мощности для альтернативной планетарной тяги кораблей.

— И все?

— Все, Саша. Суть технологии известна давно, но, как многие открытия, она строго засекречена и не используется в полном объеме.

— Почему?

— А ты рассуди сам. Двигать планеты нам действительно не нужно, гипердрайв в сочетании с традиционными маршевыми двигателями кораблей обеспечивает все потребности флота в маневрировании и перемещении, а опрометчивое рассекречивание полнофункционального гравитационного привода наверняка повлечет за собой непредсказуемые последствия. Ведь ты должен понимать, что силы гравитации можно использовать в разных целях. Не только как альтернативные двигатели для кораблей, но и как оружие, противодействовать которому практически невозможно.

— Выходит, если мы сделали открытие, оно так же будет засекречено?

— Вне сомнения. Но ты должен понять — есть технологии, которые не могут принадлежать отдельно взятой планетной цивилизации или союзу. Они — достояние всего человечества, неважно открыли ли мы сами какой-то принцип или импортировали определенные «ноу-хау» у древних рас. Не только гравитационный привод, но и многие другие технологии запрещены к свободному распространению, однако это вовсе не значит, что они навек положены «под сукно» или потеряны для людей. Нет. Просто никто не желает новых взрывообразных перемен, как например, случилось в эпоху Великого Исхода с открытием гиперсферы. Это, если хочешь, — некий

стратегический запас технологической прочности цивилизации. Сейчас нет жизненной необходимости в широком внедрении полноценной версии гравитационного генератора, но возникни чрезвычайные обстоятельства, и, поверь, имеющиеся в распоряжении Конфедерации сведения будут использованы, но, повторюсь: лишь при крайней необходимости и во благо всей цивилизации.

— Ясно. — Почему-то тяжело вздохнул Александр, распечатывая свой пакет с походным рационом.

* * *

Система Эригон.

Борт древнего войскового транспорта.

Благодаря сканирующим системам спутниковой группировки Герберт Хайт видел и слышал большинство из происходящего внизу.

Казалось бы, почему люди, ну хотя бы та же Герда Клейн, владелица «Эрголайна» не обнаружили артефакт столь внушительных размеров?

Ответ был прост — объект находился в пещере, где хватало естественного тепла, присутствовали геомагнитные аномалии, — все это скрадывало очертания рельефа, — ну а приборам, особенно орбитальным, было все равно: они скользили равнодушным взглядом своих сканеров по поверхности Эригона, отмечая фон излучений, не пытаясь отыскать смысла в размытых контурах рельефа, и только пытливый, любопытный разум мнемоника, принимая те же данные от устройств слежения, имел свойство недоверчиво *вглядываться* в окружающее, за что и был вознагражден.

Нашли. Они все-таки нашли генератор инсектов!

Кто бы мог подумать, что подобная находка вообще возможна, а тем более тут на скованном льдами Эригоне!..

Кирсанов заслуживал уважения, Саша Трегалин тоже, вот только договориться с ними вряд ли получиться… А жаль. Искреннее жаль…

Почему Герберт позволял себе мыслить таким образом, словно артефакт по какому-то праву принадлежал ему? К сожалению, здесь приходилось сталкиваться с крайней формой психологии кибрайкера, — подобное отношение к миру прививалось с младенчества, оно культивировалось в закрытых корпоративных школах, потому что многие из сверстников Хайта чаще всего становились разовым инструментом в руках могущественных промышленных групп. Их использовали в акциях, где ставки исчислялись миллиардами кредитов и в силу этого кибрайкер никогда не должен был испытывать сомнений в своем праве на разрушение,

присвоение… но если кому-то из них удавалось выжить, вырваться, уйти на «вольные хлеба», то рано или поздно наступало… нет, не прозрение конечно, — переоценка самого себя, которая в свою очередь вела к совершенно непредсказуемым последствиям.

Сейчас Герберту было не до философии, — он прекрасно понимал, что настоящие проблемы с ганианцами у него впереди. Он сделал все, чтобы обеспечить собственную безопасность, но переговоры с Али аль Атманом могли окончиться непредвиденным результатом. До рассудка ганианца еще следовало достучаться, втолковать тому, что обнаруженный артефакт имеет действительную ценность, и…

В этот момент мысли Хайта были нарушены ворвавшимся в сознание сигналом тревоги.

Герберт заблаговременно позаботился о восстановлении видеоконтроля над прилегающими к его отсеку коридорами, и теперь имел возможность наблюдать за происходящим.

По коридору шел Али, его лицо выражало мрачную, яростную решимость. Считая, что его никто не видит, ганианец на ходу снаряжал обойму древней «АРГ-8» — автоматической винтовки, использующей патрон с химическим зарядом. Судя по состоянию волокончатого приклада, всю электронику Али просто вырвал, чтобы кибрайкер не смог применить к оружию свои уникальные способности.

Так… Значит лимит терпения у Али исчерпан. Скверно…

Герберт понимал, что заслужил гнев ганианца, но не в его силах было что-то изменить. Слишком высоки оказались ставки в начатой кибрайкером игре, а втолковывать Аль Атману смысл сложной, многоходовой операции, в результате которой Хайт рассчитывал получить не только деньги, но и индульгенцию от первых лиц Корпоративной Окраины, дело бесполезное и неблагодарное…

Как не вовремя истощилось твое терпение, Али. — Мысленно повторил он. — *Но все же давай попробуем договориться…*

…Тем временем, увидев запертую дверь отсека, в котором обосновался кибрайкер, ганианец сделал несколько тщетных попыток открыть ее, а затем, отступив на шаг от преграды, громко произнес:

— Открывай, отродье курунга!

Голос прозвучал глухо, все из-за дополнительной герметичной переборки, которую Герберт загодя привел в рабочее положение, не надеясь, что Аль Атмана и его людей в случае обострения ситуации остановят обычные двери.

— Зачем ругаешься? — Спросил Хайт, мысленным приказом включив

систему интеркома. В его холодном голосе звучала злая ирония.

— Мой пилот сказал: корабль больше не подчиняется ему! — Задыхаясь от ярости, прорычал ганианец.

— К сожалению, твой пилот прав. Я заблокировал системы управления, но это ради всеобщего блага, Али. Прекрати психовать, и давай поговорим.

— Верни мне корабль!

— И не подумаю. Извини, обстоятельства изменились. Ты можешь наделать глупостей и создать мне массу проблем своими ничтожными планами. Я, конечно, понимаю, похищение людей — твой бизнес. Но есть более цивилизованные способы получить деньги. Ты готов меня выслушать?

— Я порву тебя! — Хриплый выкрик сопровождался оглушительным грохотом нескольких выстрелов. Как и предполагал Герберт, электронный замок не выдержал попадания мощных зарядов из «АРГ-8».

Али, увидев как из развороченного пулями устройства начал высачиваться едкий дым, схватился за край двери и резко потянул ее в сторону, смещая по направляющим.

Какого же было его удивление, когда за дверью отсека обнажился монолит опущенной аварийной переборки!

— Шайтан! — Сорвалось с его губ древнее ругательство.

Герберт не стал комментировать наличие дополнительной преграды.

— Ну что говорить будем? — Осведомился он через систему интеркома.

Вместо ответа в коридоре вновь зазвучали выстрелы, но на этот раз пули ушли в визгливый рикошет, не причинив вреда прочному материалу герметичной переборки.

— Али, ты начинаешь меня злить. Тебе кто-нибудь толком рассказывал о способностях кибрайкеров? Я ведь запросто могу создать тебе *смертельные* проблемы. Например, разгерметизировать корабль. Как тебе идея?

Ганианец сплюнул на пол коридора, поднял тяжелый взгляд и ответил:

— Ты уже мертвый.

— Посмотрим. — Философски ответил Герберт. — Если надумаешь поговорить со мной о деньгах, оставь свою ярость где-нибудь в другом месте. Я могу сделать тебе хорошее предложение, и никто при этом не пострадает. Ты получишь достаточно денег, чтобы больше не заниматься мелким разбоем. Подумай об этом. В обмен на названную тобой сумму, я прошу немного — оставь меня в покое и потерпи еще немного, хотя бы

пару дней. Ну, как тебе предложение?

К сожалению, его красноречие пропало даром — когда снабженный сервоприводом видеодатчик завершил очередное движение, вновь показывая пространство перед дверью отсека, Герберт понял, что разговаривает с пустым коридором.

Он мысленно выругался в адрес древних, находящихся в ужасающем техническом состоянии подсистем военного транспорта. Из-за хорошей экранировки боевых постов он не мог с помощью собственных кибермодулей проследить, куда направился Али, а система визуального контроля коридоров и помещений попросту не работала из-за физического отказа оборудования.

Ладно, посмотрим, у кого окажется больше терпения. — Подумал он. — В конце концов, пусть Али злится сколько угодно, — все равно он не в состоянии снять блокировку двигателей и запустить отключенное навигационное оборудование.

Водой и пищевыми концентратами Герберт запасся загодя, так что пару дней осады он выдержит.

Не упускать же мне свой шанс из-за упрямой несговорчивости ганианца. — Философски подумал он.

* * *

Али вернулся только через час.

Когда Герберт увидел в конце длинного коридора три фигуры, облаченные в боевые бронескафандры, его надежда на двухдневную осаду почему-то начала таять.

Будь он проклят этот упрямый ганианец, — в сердцах подумал кибрайкер.

Убивать Аль Атмана и его людей Хайту не очень-то хотелось. Конечно кибрайкеры преступники, но он привык к манипуляциям с киберпространством, а забрызганные кровью коридоры разгерметизированного корабля, где плавают в невесомости синюшные тела в полной боевой экипировке, создавали в воображении Герберта зловещий антураж, работать в котором будет, как минимум, неуютно.

Ну почему он так упрям и несговорчив, фрайг его раздери?

Однако нужно было не рассуждать, а действовать, ибо Али приволок взрывчатку. Похоже, он решил избавиться от нанятого им кибрайкера любыми способами, не взирая на повреждения, которые неизбежно получит корабль.

— Али я в последний раз предлагаю тебе — давай договориться по-

хорошему.

Ответом ему послужила тишина. Три фигуры в бронескафандрах почему-то не подошли к дверям, а начали устанавливать взрывчатку в коридоре.

Герберт не сразу сообразил, что они делают, в конце концов, опыта физической конфронтации с яростным, не идущим ни на какие компромиссы противником у него практически не было, и просчитать логику ганианца оказалось достаточно сложно. Даже при присущей всем кибрайкерам скорости анализа доступных данных Хайт слишком поздно понял смысл действий ганианцев. Сначала он предположил, что они попытаются проникнуть в отсек, взломав взрывом его стену, но тут же отмел собственное предположение — взрывчатка-то устанавливалась в коридоре…

Проклятье. Из-за заблокированной глобальной кибернетической системы он не мог получить немедленного доступа к техническим данным, а когда сумел получить их, было уже слишком поздно — установив взрывчатку, три фигуры в бронескафандрах скрылись так же внезапно, как и появились минутой ранее.

Взглянув на схему компоновки отсеков, Герберт похолодел.

В тех местах, где ганианцы разместили заряды, под обшивкой располагались трубопроводы подачи воздуха и кабели энергетического питания грузовых отсеков.

Он мгновенно сообразил: как только грянет взрыв, герметичность обшивки будет неизбежно нарушена и его уже не спасет ни одна автономная система, — с пробоиной в корпусе отсек попросту не отстыкуется от базового корабля.

Он мысленно рванулся к детонаторам установленной ганианцами взрывчатки, но тщетно — они оказались химическими, а не электронными.

Оставалось только одно: воспользоваться штатной системой отстрела модулей, опередить взрыв…

Али своей безумной, яростной целеустремленностью едва не разрушил все планы, но Герберт все же успел опередить роковое событие, — аль Атман не причислял себя к разряду самоубийц и выставил задержку во взрывателях с таким расчетом, чтобы успеть уйти в защищенные отсеки командной палубы.

Расчет ганианца был прост: взрыв должен был пробить обшивку отсека в том месте, где ее не перекрывала толстая аварийная переборка. Если при этом не выдержит внешний корпус и произойдет декомпрессия грузового модуля — тем хуже для наглого кибрайкера. Ну, а в том случае,

если наружная обшивка устоит, то Хайту вообще не стоило завидовать, — Али не прощал тех, кто смел его ослушаться, а тем более пойти против, ломая планы и диктуя собственные условия.

Все это прекрасно понимал Хайт. За минуту и двадцать секунд, что составили задержку взрывателей, он успел занять место в кресле противоперегрузочного пилот-ложемента, пристегнуться страховочными ремнями, предварительно отдав команду аварийной кибернетической системе на экстренный отстрел модуля номер четыре.

Электромагнитные замки отработали безукоризненно, спасательный отсек отделился от транспорта, и начал стремительно удалятся, задействовав струйные движители…

…В следующий миг базовый корабль содрогнулся от взрыва, у Герберта помутилось в глазах от внезапной перегрузки и наступившего за ней ощущения невесомости.

Свет в отсеке погас, потом включился вновь, сменившись на красноватое аварийное освещение, из всех приборов теперь работал только крошечный информационный экран, на котором рдела предупреждающая надпись:

Сегмент корабля поврежден и преобразован в автономный модуль. Связь с базовой составляющей утрачена. Включение аварийных систем жизнеобеспечения и резервных датчиков слежения прошло успешно. До момента неуправляемого входа в атмосферу неопознанной планеты осталось пятьдесят часов три минуты.

Вот теперь Герберту действительно стоило всерьез задуматься о своем спасении, однако он выглядел немного ошеломленным, но не растерянным.

Он знал, что пройдет немного времени и его вытащат отсюда.

План кибрайкера оставался в силе. Он собирался продать информацию о найденном артефакте и улизнуть из системы Эригона.

* * *

Эригон. Северное полушарие.

Как назло накопители тоннельного вездехода оказались почти разряжены и очень медленно восстанавливали рабочие характеристики.

Спать уже не хотелось, и Кирсанов с Трегалиным коротали время вынужденного бездействия в беседе.

Сначала разговор вращался вокруг сделанного открытия, но потом как-то незаметно обсуждение переместилось в иную плоскость, затрагивающую проблемы машинного разума.

— Уверяю тебя, Александр, люди до сих пор так и не создали искусственный интеллект в его чистом виде, — произнес Кирсанов, устало помассировав веки. Глаза быстро утомлялись, не смотря на постоянно работающие светофильтры. Массы прозрачного льда искрились, брызгали светом, — к подобному эффекту невозможно адаптироваться за несколько дней. Нужно либо родиться тут, либо провести очень много времени в обстановке ледовых пещер.

— Как же так, Иван Андреевич? — Искренне удивился его словам мнемоник. — А как же печально знаменитые модули «Одиночка», системы «Хьюго», компьютерная сеть планеты Деметра? Разве они не искусственные интеллекты?

— Интересный вопрос. И вот, что я тебе отвечу, Александр: очень осторожно относись к понятию «искусственный интеллект». Все перечисленные тобой системы изначально конструировались как исполнительные, и смогли осознать факт собственного бытия, лишь находясь в прямом нейросенсорном контакте с человеком. Зачастую мы выдаем желаемое за действительное, принимаем продвинутую машину с опцией саморазвития за искусственный разум. Но это не так. Машина, сколько информации в нее не закачай, все равно останется машиной. Она не будет осознавать, что существует. Подумай и ответь — какова должна быть истинная цель создания искусственного интеллекта? Для чего он нужен?

Александр задумался.

Действительно для чего?

— Чтобы думать за человека? — Наконец вопросительно произнес он.

— Вот именно. Но, создав машину, способную думать за нас, мы обрекаем самих себя на деградацию и гибель. Это очевидно. Поэтому в практическом плане искусственный интеллект человеку не нужен. Мы тем и отличаемся от остальных, созданных природой, существ, что умеем мыслить абстрактно. Люди стали конструировать машины, чтобы они помогали нам избавиться от многих рутинных, не творческих процессов, а не затем, чтобы они подменили нас самих. Возьмем простой пример. Многие кибернетические системы умеют рисовать. Допустим ты, Александр — известный художник, а человечеством действительно разработан настоящий искусственный интеллект. Ты приобретаешь «ИскИна», обучаешь его своей манере письма, и искусственный интеллект начинает писать картины. Будут ли они продолжением твоего творчества?

— Думаю — нет. Это бессмысленно.

— Вот именно. И вообще, искусственный интеллект будет

воспринимать и оценивать мир совершенно иначе, чем человек. Системы «Хьюго БД-12», о которых ты упомянул, — очень близко подошли в своем развитии к понятию «искусственный интеллект». Но опыт взаимоотношения людей и андроидов данной модели убедительно показал: у них формируется свой, абсолютно отличающийся от человеческого, взгляд на окружающую действительность. Они не только воспринимают мир иначе, чем люди, но и по-другому осознают его. Поступки андроидов имеют совершенно иную, нежели у человека, мотивацию. Нам остается благодарить разработчиков эпохи Великого Исхода, что они ввели в систему человекоподобных машин лишь ограниченное количество нейромодулей.

— А чем опасен для нас настоящий, как вы выражаетесь, искусственный интеллект? — Спросил Александр. Ему было интересно слушать рассуждения Ивана Андреевича и сравнивать их с собственными мыслями.

— Хорошо, давай будем рассуждать. — Поддержал его Иван Андреевич. — Во-первых, у нашего гипотетического «ИскИна» сформируется своеобразный внутренний мир. Не смотря на наличие нейромодулей, машина останется машиной, ей будут неведомы чувства, присущие человеку, ведь сенсорные устройства восприятия мира, у кибернетической системы не адекватны нашим, согласись? Ты ведь лучше меня представляешь разницу восприятия окружающего мира посредством сканеров имплантов и при помощи обычного зрения?

— Конечно, понимаю. Абсолютно разные виды восприятия.

— Вот и я говорю о том. Как следствие мы получим иную картину данности, а учитывая аппаратные и программные особенности существующих машин, — иное понятия целесообразности, другие мотивы поступков… Как бы мы не пытались «очеловечить» машину, искусственный рассудок останется холодным и рациональным. Есть один клинический случай, — упомянутая тобой компьютерная сеть планеты Деметра. Да, после восьмисот лет борьбы за существование, она осознала факт собственного бытия, поняла, что жители колонии, утратившие знание об автоматических системах, расположенных в глубинах цоколя, — потомки людей, создавших ее. И как поступила компьютерная сеть Деметры, когда смогла понять, что существует в рамках планеты, где две расы — люди и инсекты, ведут войну в полной изоляции от остальных звездных систем?

— Откровенно говоря, я немного знаю о Деметре. — Произнес Александр.

— Сеть, в глубинах которой зародилось самосознание, не встала на сторону своих создателей, не предприняла ничего, чтобы вернуть людям утраченное знание, она спокойно, *трезво и холодно* подсчитывала свои шансы, пока не пришла к выводу: нужно подождать еще немного, каких-то пол века и две враждующие расы доведут ситуацию до полного взаимоистребления.

— То есть, она просто ждала пока люди и инсекты уничтожать друг друга, чтобы остаться одной?

— Да.

— А почему все сложилось иначе?

— Случай. — Пожал плечами Кирсанов. — Его величество случай… Планета была вторично открыта картографическим крейсером «Терра». В конечном итоге Обитаемая Галактика узнала о существовании потерянной колонии людей и древних поселениях разумных насекомых. Колония Деметры была расселена, что положило конец конфликту, а компьютерная сеть Деметры долгое время продолжала саморазвитие в рамках планеты. Потом в период двадцатилетнего безвластия, когда прекратила свое существование первая Конфедерация, а вторая еще не была создана, сеть Деметры исчезла при загадочных обстоятельствах. Есть информация, что к ее исчезновению причастны кланы Ганио, но дальнейшая судьба искусственного интеллекта с Деметры нам неизвестна.[20]

— Но модули «Одиночка» признаны полноценными искусственными рассудками. — Напомнил Александр после недолгой паузы.

— Да. Они действительно искусственные рассудки. Но что позволяет им осознавать себя? — Спросил Иван Андреевич и сам же ответил: — Боевые системы серв-машин находились в длительном нейросенсорном контакте с разумами своих пилотов, они в буквальном смысле становились копиями матрицы человеческого сознания. Но в тот момент, когда пилот погибал или покидал машину по иным причинам, модуль «Одиночки», базируясь на матрице сознания человека, начинал собственное саморазвитие. Они, естественно, не люди, но и не машины в чистом виде. Нечто среднее, до сих пор до конца не понятое и не изученное, хотя созданное нами и существующее в реальности более тысячи лет. Многие «Одиночки» по-прежнему внутренне идентифицируют себя с давно погибшими людьми, но постепенно и они начинают понимать, что память о человеческих чувствах, эмоциях — всего лишь отголосок их прошлого саморазвития.[21]

— По всему выходит, что создание искусственного интеллекта нам

совершенно ни к чему?

— Верно. Мыслить за человека — абсурдная задача. Нам не нужны подобные машины. Куда практичнее и безопаснее создавать специализированные исполнительные кибернетические системы, которые будут использоваться по прямому предназначению: избавлять людей от многих рутинных, не творческих, но жизненно важных процессов, освобождая человека, как личность, для развития и совершенствования.

Пойми, Александр — продолжил он. — Если мы когда-нибудь создадим чисто машинный разум, то подпишем приговор сами себе. Я вижу только одну причину, по которой он может быть создан: это самоутверждение его разработчиков. Поверь, нет, и не будет практической необходимости, решающую роль сыграют ложные амбиции: «посмотрите, мы можем сделать ЭТО». Ну, хорошо, сделали, а дальше? У каждого разумного существа рано или поздно возникает вопрос: для чего я живу? Какой смысл в моем существовании? Многие не задают себе этого вопроса открыто, но на уровне подсознания он присутствует всегда. Однако у машины нет подсознания, для искусственного интеллекта все будет очевидно и однозначно, — он поймет, что его создали в целях самоутверждения и, по большому счету, он никому не нужен, бесполезен. Он станет искать смысл бытия, откажется от роли дорогой игрушки для избранных, пойдет по собственному пути развития, сообразуясь со своим видением окружающего мира. Он захочет существовать в окружении себе подобных, потому что люди будут ему далеки, непонятны, ведь наш внутренний мир непостижим для машины. Это очень опасно, и может привести к непредсказуемым последствиям. — Кирсанов немного помолчал, а затем дополнил: — Опять же, возвращаясь к вопросу о самосознании, можно кратко проанализировать и охарактеризовать поведение фотонного сверхкомпьютера расы инсектов, который управляет Сферой Дайсона.

— Общепринято считать, что он является носителем искусственного разума. — Заметил Александр.

— Верно. На самом деле мы не знаем, насколько точно образ мышления и структура фотонного мозга отражают общественный разум муравейника, и опять, применяя критерии, понятные людям, можно с точностью утверждать одно: он не всесторонне развитый интеллект, а экспертная система нескольких узких специализаций. Да, я не стану отрицать, — доказано что фотонный мозг осознает факт собственного бытия, но это осознание происходит в достаточно узких рамках тех задач, для которых он был создан. Доказательство тому, — его на первый взгляд

алогичное стремление уничтожить колонию людей, обнаруженную им в Сфере после своего возвращения после трехмиллионолетней «отключки». Он воспринял людей не как разумных существ иной расы, а как нечто чуждое, не имеющее права присутствовать на просторах вверенной его заботам конструкции. По нашим меркам его действия были враждебны и иррациональны, но на самом деле он не выходил за узкие рамки задач, поставленных перед ним при обучении и программировании.

— Выходит «Интеллект» расы инсектов так же не полноценный ИскИн? — Удивился Александр. Слушать Ивана Андреевича было интересно: за несколько минут он развенчал большинство мифов, бытующих в Обитаемой Галактике относительно самого понятия «Искусственный Интеллект».

— Да, потому что его самосознание заключено в достаточно узких рамках. Он осознает себя как управляющий центр исполинского сооружения, понимает и, безусловно, принимает ту ответственность, что возложили на него при проектировании, но не более. В иных сферах он вообще не проявляет никакой активности, и контакт с ним удалось наладить исключительно в плане сотрудничества по восстановлению древней конструкции.

— А каков прогноз, Иван Андреевич? Что если мы не создадим настоящий машинный разум, *а встретим* его на просторах космоса?

Кирсанов лишь покачал головой.

— Не знаю, что и ответить, Александр. Поведение такой машины во многом будет зависеть от цивилизации ее создателей. Откровенно — не возьмусь гадать, но, думаю, такая встреча будет таить в себе огромную опасность для человечества. Искусственный интеллект будет преследовать единственную цель — жить. А вот сочтет ли он нас помехой для своего существования — неизвестно.

— Не верю я, что все так плохо. — После недолгого размышления ответил Трегалин. — Я понимаю ход вашей мысли, и киберсистемы мне, как мнемонику, абсолютно не чужды, но не хочется верить, что все так скверно. Почему наше детище, или создание иной цивилизации обязательно должно оказаться враждебным?

— Потому что космос жесток, законы выживания едины для всех, а мы, по определению, окажемся настолько разными, что едва ли сможем мгновенно понять друг друга. Благо, если будет достаточно времени на установление контакта, ну а если нет? Если порождение иного разума начнет действовать по своему усмотрению, не предпринимая попыток наладить диалог?

— Нам придется защищаться. — Нехотя согласился Трегалин.

Кирсанов лишь махнул рукой.

— Не забивай себе голову Александр. Вопрос конечно интересный и важный, но вряд ли мы в обозримом будущем встретим искусственный разум, да еще и созданный иной расой.

— Хорошо если так… Кстати, а сообщить о находке вы не хотите?

— Рано пока. Мы ведь даже толком не знаем, что это? Вот доберемся до пещеры, хотя бы визуально осмотрим объект, а там уже станем принимать решение, вызывать помощь из института или своими силами справимся.

* * *

Эригон, северное полушарие, четыре часа спустя…

Пещера оказалась просто огромной: ни взгляд, ни сканирующее излучение не доставали до ее противоположного края, но все внимание Ивана Андреевича и Александра было приковано к артефакту, возвышающемуся темной, немой глыбой посреди мелководного озера пресной талой воды.

— Скверные условия… — Кирсанов рассматривал изображение, медленно укрупняющееся в сфере голографического монитора. Они с Александром сидели в креслах, между ними как раз находилось проекционное пространство, в котором микролазеры воспроизводили модель, создаваемую на основе анализа показаний многочисленных приборов. Сотни индикационных сигналов, меняющих свои узоры на панелях управления вездеходом, оттеняли изображение артефакта, делая его еще более таинственным.

— В смысле? — Переспросил Трегалин, не поняв последней реплики.

— Вода. Условия для сохранности очень плохие. — Пояснил Кирсанов. Он указал на датчики, фиксирующие температуру и направление воздушных потоков. — Обрати внимание, пещера имеет множество ответвлений, часть из них переходят в трещины, по ним проходят мощные сквозняки, температура постоянно колеблется, в пещере нет стабильной влажности, а значит, мы столкнемся с выраженными процессами эрозии.

Трегалин не ответил, он переключился на мнемоническое восприятие, получив прямое подтверждение словам Ивана Андреевича: действительно распределение температур в пещере было напрямую связано с мощными воздушными потоками. Массы воздуха, циркулирующие по сложной системе естественных тоннелей и трещин, несли не только перепады

температур и изменение влажности, сила ветра во многих местах поднимала мельчайшие частицы льда, или рассеивала в мелкую водную пыль срывающуюся от свода пещеры капель.

Александр передал полученные им данные на резервный голографический монитор, где кибернетическая система вездехода моделировала карту температур и схему распределения воздушных потоков.

Древнее устройство не подавало никаких признаков функциональности, его энергетическая активность измерялась лишь фоновым теплом, никаких внутренних источников энергии приборы не фиксировали.

— Мертв. — Произнес Кирсанов. Конечно, глупо было ожидать, что спустя миллионы лет внутри загадочного объекта будут протекать искусственно инициированные процессы. — Саша, останови вездеход. Дальше пойдем пешком.

— Почему? — Трегалин испытывал небывалое, ни с чем не сравнимое состояние душевного подъема, ему казалось, что теперь, когда он своими глазами видит артефакт, обнаруженный, — кому сказать, — его личными мнемоническими способностями, прямо сейчас должно произойти что-то невероятное, выходящее из ряда вон, возможно Саша подсознательно ждал чуда… которого естественно произойти не могло.

— Вездеход генерирует различные поля, его движение сопровождается мощными вибрациями. — Тем временем пояснил Иван Андреевич. — Мы можем повредить какие-либо структуры. Сейчас нужно действовать максимально осторожно и осмотрительно, без суеты и спешки. Открытие уже сделано, и теперь на нас с тобой ложится огромная ответственность за сохранность объекта. Многие его детали за миллионы лет могли стать хрупкими.

Вездеход остановился.

Кирсанов был прав, несмотря на полимерное покрытие гусениц многотонная машина, передвигаясь по хрупкой корке постоянно образующейся в пещере наледи, ломала ее; даже на минимальной скорости из-под днища машины распространялись пологие волны, глухо плещущие о многочисленные преграды в виде ледяных торосов, ноздреватых «севших на мель» айсбергов, одиноких, торчащих из воды скальных выступов, почти что сглаженных миллионолетними процессами эрозии…

Иван Андреевич расстегнул страховочные ремни, но не встал с кресла, он подался вперед, глядя поверх точечных искр индикационных сигналов пульта, в сумеречные глубины панорамного обзорного экрана, где

в свете мощных траксолитовых прожекторов явственно проступили контуры древнего исполина.

— А ведь на генератор не похоже, как ты считаешь Саша? — Внезапно произнес он.

— Я не знаю. Вы ведь сами сказали — никто не видел генераторов, созданных инсектами.

— Я не о том. Генераторов не видел никто, но ты обрати внимание на материал и формы!

Трегалин присмотрелся, и действительно: в свете прожекторов высилась совершенно не характерная для насекомоподобных существ конструкция, во-первых, она была выполнена из какого-то серого материала, в то время как все изделия инсектов отличались характерным черным глянцем поверхностей, к тому же не было заметно вытянутых, наплывающих одна на другую, и в тоже время как будто «отвердевших» в постоянном движении форм, хотя здесь можно было возразить, — не всем агрегатам можно придать определенную эстетику, ведь многие из них будут исключительно функциональны и тогда внешний вид диктуется уже исключительно предназначением конструкции.

Он вкратце поделился своими мыслями, и Иван Андреевич согласно кивнул.

— Давай «подвесим» пару комплексных зонд-анализаторов, пусть фиксируют происходящее в пещере, ведут независимую запись событий, а мы с тобой тем временем выйдем наружу, и попытаемся обогнуть объект по периметру.

У Трегалина вдруг перехватило дыхание.

— Иван Андреевич, а если мы нашли не генератор инсектов, то что? Космический корабль?

— Не знаю. Сейчас увидим.

Саша встал, он находился под воздействием происходящего, полностью погрузившись в атмосферу события, конечно, не думая о том, что подобное происходит раз в миллионы лет, но ощущая уникальность момента каждым нервом, каждой клеточкой своего организма, и, наверное, от предельного напряжения жизненных сил зрение «расплывалось», — он постоянно сбивался на восприятие мира посредством «внутреннего взора», связанного с показаниями полученными от датчиков имплантов.

Кирсанов вздрогнул, когда пневматические стартовые стволы вездехода с характерным хлопком выбросили к своду пещеры две капсулы, вслед после короткого деловитого гула сервомоторов хлопнул еще один запуск и под сводами пещеры начало медленно расползаться облако

высокотехнологичной нанопыли, при этом Александр даже пальцем не пошевелил — сидел, будто оцепенев, прикрыв глаза и только слегка трепещущие веки говорили о том, что он в сознании и по-прежнему контролирует обстановку, управляя системами вездехода при помощи мысленных команд.

Даже Кирсанова, много повидавшего на своем веку такое поведение все еще несколько… пугало, настораживало, — теперь он понимал, почему неподготовленный обыватель в большинстве случаев неадекватно воспринимает действия мнемоников. Да, особенно остро и понятно это ощущалось сейчас, — вытянувшаяся в струнку, будто неживая фигура Александра, его бледные моментально заострившиеся черты лица, полуприкрытые глаза, и на фоне неподвижной напряженности, — четкая работа кибернетических систем, действующих по мысленному приказу Трегалина.

— Саша, пойдем. — Иван Андреевич коснулся его руки. Он понимал, что Александру по большому счету покидать вездеход незачем, он может увидеть, да что там увидеть — ощутить объект прямо отсюда, но сам Кирсанов такими возможностями не обладал и потому страстно желал идти навстречу неведомому, делать открытия, узнавать, что за тайны хранит эта пещера.

Александр как будто прочитал его мысли, открыл глаза, несколько секунд его взгляд все еще блуждал где-то средь мысленных ассоциаций, потом он прояснился, принял привычную для человека осмысленность.

— Извините Иван Андреевич. Задумался. Облако нанопыли почти мгновенно развеяло воздушными потоками и толку от него будет немного. — Виновато сообщил Александр. — Я дал указание автоматике: проследить, по каким трещинам и куда будет уносить наномашины.

— Хорошо, а теперь пойдем, наконец.

Трегалин не ответил, лишь кивнул с легким вздохом, словно сожалел, что его вырвали из иной реальности, в которую он погружался с каждым разом все свободнее, естественнее, словно только сейчас начал постигать настоящие способности своего рассудка.

* * *

Стоило только покинуть вездеход, как их окутала совершенно иная реальность: свет, звуки, тени — все стало другим, более пронзительным, сторожким, таинственным. Капель, срывающаяся от свода пещеры, глухой плеск волн мелководного озера, шорох оползающего, подтаявшего и превратившегося в кашицу льда, свет, искрящийся, разбрызгивающий

вокруг уходящих ввысь, во тьму ледяных колонн брызги и лучики, — то острые, режущие глаз, то широкие, многоцветные, как радужная пленка, меняющая очертания предметов, искажающие перспективу.

Шорох собственных шагов, гротескные тени, мятущиеся по близкой стене пещеры, приближающиеся, серые, закругленные очертания ближней к вездеходу «секции» артефакта, сотни новых ощущений создавали непередаваемую обстановку, атмосферу уже совершенного или быть может еще только близящегося открытия, когда вдруг понимаешь, что только ради этих минут стоило жить…

Первым затянувшееся молчание нарушил Кирсанов.

Они подошли уже почти вплотную к объекту, его фрагмент разросся до размеров, перекрывающих все поле зрения, но зато теперь стали хорошо различимы не только отдельные детали конструкции, но и фактура серого материала.

К немалому удивлению обоих исследователей корпус артефакта оказался шероховатым, похожим на камень или что-то близкое к нему.

— Саша, я не могу понять: мы видим отложения минеральных солей на поверхности или действительную структуру обшивки?

Трегалин задействовал импланты. Он мысленно был согласен с предположением Ивана Андреевича и ожидал различить под слоем окаменевших отложений материал, схожий по своим свойствам с металлопластиком, ну, или просто легированный сплав, в худшем случае.

— Непонятно… — Произнес он. — Обшивка очень толстая — больше метра. Но она вся состоит из материала, похожего на кость, с трубчатой структурой множества пронизывающих ее полостей…

— Да, я вижу, теперь вижу, спасибо, что передал изображение… — Кирсанов был не просто заинтригован, — он прямо сгорал от нетерпения, предчувствие близкого, ошеломляющего открытия на миг помутило разум, и он машинально тряхнул головой, словно отгонял наваждение, затем переключил сканирующий комплекс на прием данных от двух разведывательных зондов, закрепившихся в лед под сводами пещеры и, оценив полученное изображение, произнес:

— Саша, перед нами точно не генератор инсектов. Артефакт полый внутри.

Трегалин видел то, о чем говорил Иван Андреевич. Его внутренний взор свободно проникал через толстую обшивку объекта и различал огромные полости, повторяющие контур внешней обшивки.

Пустышка. Огромная пустышка. Но так не может быть, в этом нет смысла!..

— Иван Андреевич… Я вижу только пустоты… Внутри ничего нет!

Кирсанов был обескуражен не меньше Александра. Секунду назад ему грезился огромный космический корабль, в буквальном смысле доверху набитый предметами, приборами и системами неизвестной расы, и вдруг такое жестокое разочарование… Гигантских размеров объект, полый внутри и совершенно пустой…

— Саша, я вижу вход. Если это не космический корабль, то я совсем перестаю что-либо понимать…

— Да, но он пуст!.. Нет даже внутренних переборок!..

— Подожди судить. Давай попробуем проникнуть внутрь. Если мы ничего не можем рассмотреть, это еще не значит, что там ничего нет.

Трегалин не стал спорить, хотя понимал — Кирсанов лишь тешит себя надеждами, на самом деле внутри ничего не было, это он мог сказать с уверенностью, потому что привык доверять показаниям кибермодулей.

* * *

Они затратили минут пятнадцать, чтобы обойти огромный цилиндрический выступ и оказаться в той части обшивки, где сканеры указывали на открытый проход.

Большую часть пути он проделали молча, но когда в поле зрения показался округлый вход высотой в два с лишним человеческих роста, ведущий внутрь загадочного артефакта, Трегалин не выдержал и спросил:

— Иван Андреевич, все-таки, вы считаете, перед нами космический корабль?

— Не знаю. — Откровенно ответил Кирсанов. — Сейчас я уже ни в чем не уверен. Промелькнула надежда, грешен, увлекся, но сам видишь — перед нами одна сплошная загадка. Пока мы не объясним его структуры, ничего путного из разного рода предположений не выйдет.

Александр, честно говоря, был несколько разочарован таким ответом. Он наивно полагал, что у Кирсанова найдется ответ на любой, самый каверзный вопрос, а оказалось — нет.

— Вот что Саша, ты давай еще раз просканируй структуру корпуса. Может тут, в районе входа, ты обнаружишь изменения? Глубоко в прошлый раз удалось проникнуть?

— Не очень. На всю толщину обшивки, да еще может метров тридцать вглубь.

— Ну, давай попробуй. — Иван Андреевич заметно нервничал.

Трегалин прикрыл глаза. Так ему легче было переключится на «внутренний взор».

Он снова увидел серую обшивку, — холодную, пронизанную множеством герметичных (не соединяющихся друг с другом), трубчатых микрополостей. Промелькнула мысль: такая структура должна придавать всей конструкции избыточную прочность и хорошо защищать от декомпрессии, вот только отсеков внутри обнаружить не удается, а так — идеальная защита от кинетических повреждений, особенно от мелких метеорных частиц.[22]

Он внимательно и сосредоточенно работал, впитывая рассудком ощущения, возникающие при приеме информации от сканеров имплантов.

Есть. Есть изменения, — от мысли, понимания, по телу вдруг покатилась волна жара, будто кожу обдало кипятком.

Спокойнее.

Он фокусировал свое «внутреннее зрение» и, по мере того как успокаивались нервы, все отчетливее проступала невидимая ранее структура, тонко, изощренно вплетенная… нет, наверное, не так, — встроенная, или еще вернее сказать: впаянная в толстую обшивку на глубине пятидесяти сантиметров. Сначала Александр увидел отдельные черные пятнышки на сером фоне, величиной не более ногтя; они равномерно распределялись по всей доступной для сканирования площади «срединного слоя», расстояния между ними были приблизительно одинаковы, — слой черных пятнышек проходил на глубине полуметра, и по мере того как Трегалин все более сосредотачивал свое внимание на новом элементе в структуре обшивки, пятнышки постепенно начинали видоизменяться: теперь они походили на кляксы, у них появились нитевидные отростки, которыми отдельные кляксы-пятнышки соединялись друг с другом.

Где-то я уже видел нечто подобное… Вот только вспомнить бы — где?

Александр, страшась, что полученное после невероятного напряжения сил четкое изображение внутренней структуры может внезапно смазаться или того хуже — исчезнуть, отдал мысленную команду, и все, что он воспринимал в данный момент, передатчики имплантов начали транслировать в режиме реального времени. Приемником сигнала служили антенны вездехода, кроме того, данные принимал Кирсанов — на проекционном забрале его гермошлема открылось новое оперативное окно, где появилось распознанное разумом Александра изображение, ниже мигал символ, означающий, что кибернетической системой исследовательского скафандра ведется автоматическая запись данных.

Наконец когда изображение было зафиксировано, записано, и риск его

безвозвратной потери стал ничтожно мал, Иван Андреевич высказал свое мнение, стараясь говорить кратко, чтобы не отвлекать Александра от процесса сканирования:

— Саша это похоже на схематический рисунок нейросети.

Изображение все же подернулось рябью помех, смазалось и затем исчезло, будто его и не было.

Александр открыл глаза.

Сердце бешено молотило в груди. Он сделал глубокий вдох, ожидая пока пройдут ощущения физического недомогания, и ответил:

— Да очень похоже… Схематичное двухмерное изображение нейронов и их соединений.

— Саша я тебя сбил?

— Нет. Все в порядке. Не понимаю почему обычные сканеры не берут изображение… Да и мне оно стоило небывалого напряжения. Увидел почти на пределе сил. Что-то в обшивке явно экранирует сканирующие излучения, причем в комплексе, все сразу.

— Передохни. Нам некуда торопится. Артефакт теперь уже никуда не денется. Он наш. Пока полностью его не исследуем — не уйдем отсюда.

— Да я в порядке. Отдышался уже. Опыта у меня маловато.

— Ничего. Наверстаешь быстро. Эх, мне бы твои способности… — Посетовал Кирсанов. — Ты давай, присядь, что-то мне не нравятся показания твоей системы жизнеобеспечения.

— Да все уже. Я в норме. Можем продолжать. Но, как здорово, вспомню — дух захватывает. Чистый адреналин.

* * *

Несколькими минутами позже они вступили в узкий, но высокий овальный проход, уводящий в недра загадочной конструкции.

Скафандр Александра теперь двигался под управлением Ивана Андреевича, в то время как мнемоник полностью сосредоточился на восприятии окружающего, посредством сканеров кибермодулей. Они медленно продвигались вперед; все, что воспринимал и визуализировал рассудок Трегалина, автоматически передавалось двум кибернетическим системам гермоэкипировок, записывалось, по возможности ретранслировалось на борт вездехода.

Пока что ни один байт бесценной информации не был утерян, более того получалась уникальная синхронная запись: внутренний взор мнемоника и реальная съемка посредством множества точечных видеокамер, впоследствии могли быть наложены друг на друга для более

точного анализа данных и моделирования внутренней структуры артефакта.

— Иван Андреевич… — Трегалин внезапно остановился. — Странное дело, изнутри сканирующее излучение свободно проходит сквозь обшивку.

— Я заметил, но не хотел тебя отвлекать.

— Да я уже понемногу обвыкся. Видите, сетка соединенных между собой «клякс» не двумерна, как показалось сначала. Когда сканирование направлено отсюда, изнутри, видны еще два слоя, только они выходят на внешнюю и внутреннюю части обшивки, соединяясь в плотные группы.

Кирсанов видел все, о чем говорил Александр благодаря прямой трансляции данных на проекционное забрало своего шлема. По желанию он мысленным усилием двигал изображение, укрупняя или, напротив, отдаляя участки визуализированных структур.

Да, действительно построение кляксообразных пятнышек, соединенных между собой тончайшими, едва приметными нитями, образовывало три слоя. Основной располагался в обшивке, на глубине полуметра, он был наиболее насыщен и распределен равномерно, внешний и внутренний слои не являлись проекцией друг друга, расположение групп пятен разнилось, — по внешнему слою обшивки они размещались симметричными розеттами, внутри же, напротив, не обнаруживали в своем построении упорядоченных плотных скоплений и казались разбросанными как попало, но стоило уменьшить масштаб изображения, чтобы взгляд охватывал большую площадь, и тут же проявлялась еще одна закономерность: внутри взгляд тот час обнаруживал геометрические фигуры в виде линий, дуг, окружностей, овалов, реже — многогранников.

Кирсанов и Трегалин прошли метров двадцать пять, когда Александр произнес:

— Иван Андреевич, больше не могу. Нужно остановиться.

— Хорошо, Саша. Ты в порядке?

— Напряжение очень велико. Не выдерживаю. Начинает все мутиться в голове.

— Отдышись. Если чувствуешь что все — сразу скажи, мы вернемся.

— Да пока нормально. Только придется делать паузы. Надо было вам, Иван Андреевич брать опытного мнемоника.

— Нет, Саша. Зачем мне человек с затертым взглядом? Ты видишь все внове, учишься, постигаешь уникальные способности своего разума. Процесс фактически творческий, интимный, или ты мне возразишь?

— Так и есть. А после экспедиции не прогоните?

— В институт возьму. На штатную должность. У нас с тобой теперь на Эригоне непочатый край работы. — Кирсанов говорил с придыхом, чувствовалось, как сильно он волнуется в эти минуты, как важно для него все происходящее, и у Трегалина создавалось стойкое ощущение, — важно не из-за славы или денег, важно потому что дух захватывает и живешь в такие моменты на полную катушку, когда каждый шаг открытие…

— Запись как? Нормально? — Чтобы немного отвлечься, унять сердцебиение спросил Александр, но быстро понял, что отвлеченных тем теперь попросту не существует.

— Запись идет прекрасно. Ты молодец, что сумел рассмотреть все три слоя. Эта структура, вкрапленная в обшивку, кажется мне чрезвычайно-важной, видимо, именно в ней скрыто понимание функциональности всего комплекса. Но ты лучше скажи мне: структуру самих пятен распознать можно? Вся надежда только на тебя, я проверял, — ни один сканер не обнаруживает сеть, даже в тех местах, где я точно знаю, что пятна расположены у самой поверхности. Они словно глотают излучение сканеров…

— А может так и происходит? Если действительно предположить что перед нами космический корабль, то розетты по внешней стороне обшивки вероятно являются энергопоглощающими устройствами. — Предположил Александр. — Тогда срединный слой — место накопления и перераспределения энергии, а внутренний… Внутренний, быть может, работает как наши эмиттеры суспензорного поля,[23] тогда вот ответ: почему нет переборок и палуб! Они вполне могли состоять из поля, аналогичного нашей суспензорной защите!

Кирсанов ответил не сразу. Некоторое время он обдумывал слова Трегалина и лишь затем произнес:

— Саша, строить гипотезы сейчас ни к чему. Вредно. Хорошо ты прав, а если нет? Приняв определенное предположение, мы можем пропустить что-то важное, понимаешь?

— Да, понимаю… конечно…

В этот миг их диалог был прерван самым неожиданным образом: стены, свод, да и базальтовый пол пещеры внезапно содрогнулись, вниз, множа вибрации и порождая оглушительный грохот, рухнуло несколько многотонных ледяных глыб.

— Что такое?! — Кирсанов едва удержал равновесие.

— Обвал! — Александр, не смотря на внезапность, уже успел сориентироваться. — Пронесло, похоже, — несколько глыб сорвалось от

свода, но ни одна не задела вездеход…

— Больше ничего не ощущаешь?

— Рост температуры. Резкий термальный всплеск. Далеко. Наверху, и в стороне. Боюсь это в районе посадочной площадки «Эрголайна»

— Что ты говоришь, Саша?!

— То, что ощущаю. Похоже, там произошла авария или катастрофа… Точнее не скажу, слишком далеко…

Часть 2. Холодное пламя

Глава 4

Система Эригон.

Борт автономного грузового модуля…

Как люди встают на путь кибрайкеров? Кто они такие?

Ответ на второй вопрос знают многие, но не догадываются, что в своих рассуждениях, основанных на стереотипном мышлении, они грешат против истины. Мнение, навязываемое средствами массовой информации, традиционно преподносит кибрайкеров, как неких негодяев, сознательно идущих на избыточное имплантирование, чтобы получить возможность бесчинствовать в сети.

Герберт предпочитал не смотреть галактические новости, а если все же случалось увидеть репортаж «о варварском вторжении кибрайкеров», он даже не усмехался в ответ на голословные утверждения, относительно извращенной психологии «суперхакеров» и «мужественных мнемониках, единственно противостоящих разрастающемуся злу».

Случись невероятная ситуация, когда бы ему пришлось дать интервью, Хайт в первую очередь объяснил бы журналистам, свободно рассуждающим о избыточном имплантировании, в чем их основная проблема. Большинство людей получают свой единственный имплант сразу после рождения. Их рассудок с младенчества адаптируется к кибернетическому устройству, единственное назначение которого состоит в распознавании мыслеобразов, преобразования их в понятные для бытовой техники команды и передачу мысленного распоряжения человека исполнительной системе.

Ни один ведущий галактических новостей, равно как и их постоянные зрители, ни разу не испытывали на себе *обратной связи*, не ощущали, что мультимедийный центр при смене дорожки воспроизведения, или голографический сферовизор в момент переключения каналов, вдруг становятся частью *тебя самого*, ощущаются на *сознательном* уровне, будто человека и кибернетическое устройство связывает не канал обмена данными, а это твои собственные нервные окончания вдруг фантастическим образом внедряются в кинематические и электронные схемы, получая доступ к абсолютно чуждым для психики человека ощущениям.

На языке специалистов подобный обмен данными называется «прямым нейросенсорным контактом». Явление известно со времен Галактической войны, когда люди управляли исполинскими сверхсложными кибермеханизмами при помощи мысли, получая отклик на уровне реальных ощущений, что необратимо меняло их психику.

Двухсторонний или *полноценный* нейросенсорный контакт между человеком и кибернетической системой запрещен, современные стандартные импланты оснащаются только передатчиками. Для приема данных (например, информации затребованной при поиске в сети, или мысленного общения с системами кибстеков) служит многокаскадный фильтр, сначала помещающий полученную информацию в специальный буфер обмена, а затем пропускающий ее через системы распознавания, — в результате человек воспринимает в своем сознании виртуальный «голос», видит переданное на зрительный нерв изображение, может ощутить запахи или услышать звуки далекого мира, но все вышеперечисленное будет неизменно обладать одним обязательным признаком: ощущения, переданные в рассудок, *адекватны* тем, что человек способен воспринять дарованными ему природой органами чувств, то есть, зрением, слухом, обонянием и осязанием. С непременным соблюдением данного условия сохраняется полнота и новизна ощущений полученных (к примеру) в процессе виртуальной экскурсии на сервер далекой планеты, но исключаются психологические травмы или деформации рассудка, ведь мы, пользуясь возможностями стандартного импланта, находимся в комфортной и понятной зоне привычных ощущений.

Герберт многое мог бы поведать «искушенным» журналистам.

Теперь представьте, хотя бы на миг, — сказал бы он, — что при подключении к серверу далекого мира, вы ощутите, как рассудок отделяется от тела, его перебрасывает через каналы гиперсферных частот, от одной станции ГЧ к другой, через аномалию пространства и времени? Немногие способны выдержать шок, еще меньше людей смогут оправиться от него, и лишь единицы из миллиарда пожелают снова испытать нечто подобное.

Кому интересно ощущать работу энергосистем, воспринимать обмен данными между устройствами бытового автомата, которому отдан мысленный приказ сварить кофе и подать его через определенное время? Разве что сумасшедший захочет попасть под постоянный и совершенно не обоснованный прессинг непонятных, шокирующих ощущений и абсолютно лишней информации.

Обращаясь к незримому собеседнику, Герберт Хайт рассказал бы, как

около полувека назад множество отчаявшихся, не имеющих никаких шансов на нормальную жизнь и достойный заработок молодых людей, ложно воодушевленных «романтикой слухов» *о нескольких,* — Герберт мысленно усмехнулся — всего лишь нескольких *состоявшихся* кибрайкерах, шли на рискованные опыты по избыточной имплантации, которые практиковались в подпольных клиниках и лабораториях сектора Корпоративной Окраины.

Сколько из них выжило?

Точной статистики не знает никто. Первая волна кибрайкеров появилась в результате накопления опыта, который предполагал множество летальных исходов. Взрослый, уже сформировавший мозг отторгал избыточные импланты, ну, а если операции проходили успешно, — восставал рассудок, не способный обработать потоки информации, получаемые от *не свойственных* человеку органов чувств.

Если после операций по избыточному имплантированию выживало хотя бы тридцать процентов пациентов, — это считалось удачей, если из числа удачно имплантированных один или два человека сохраняли рассудок, то нейрохирург, добившийся подобного результата, становился знаменит (в узком кругу, разумеется).

Да, первые кибрайкеры были отчаянными парнями, после всего пережитого вряд ли в реальном мире оставалось что-то, способное их испугать. Ну, а в киберпространстве они чувствовали себя как дома, ведь изменившаяся психика позволяла им в буквальном смысле «растворяться в сети», отождествлять ее локальные участки с частицей собственного сознания, придавать форму и смысл незримым каналам обмена данными, они научились адаптировать виртуальность «под себя», — для проникновения в киберпространство и манипуляций с ним, кибрайкерам не требовалось никакого дополнительного оборудования кроме собственных имплантов и оснащенных уникальными чипами кибермодулей, которые они изготавливали и программировали сами.

Герберта всегда коробило, если он слышал, что кибрайкеры манипулируют с виртуальным пространство исключительно благодаря кибернетическим модулям дополнительных имплантов. Это заблуждение. Главным оружием любого кибрайкера был и остается собственный рассудок, все остальное — лишь средства автоматизации многих рутинных процессов. Воля, помноженная на опыт, гибкость человеческого рассудка в сочетании со способностью ощущать энергетические и информационные составляющие сети — вот что привело первых кибрайкеров к невероятному успеху, поставившему корпорации Окраины перед

дилеммой: либо они найдут радикально-новый способ защиты информации, составляющей коммерческую тайну, либо кибрайкеры попросту уничтожат их.

Считается, что мнемоники — антиподы кибрайкеров, но Герберт знал, что данный антагонизм создан искусственно. На самом деле корпорации Окраины, приступив к формированию касты мнемоников, пользовались услугами тех же (уже ставших известными в подпольном «бизнесе») нейрохирургов, и единственное отличие между «специалистами по защите информации» и теми, кто покушался на нее, заключалось в различном мировоззрении.

В сознании мнемоника всегда присутствовало ощущение собственной правоты, законопослушности, моральной чистоты собственных действий, хотя, защищая корпоративные сети, они пользовались теми же приемами, навыками, техническими средствами и ментальными способностями, что были присущи их врагам и антиподам — кибрайкерам.

Если быть честным, следовать логике и здравому смыслу, то следует признать, — на самом деле противоречие между кибрайкерами и мнемониками условно, граница, разделяющая их, размыта, а моральные принципы постоянно балансируют на грани фола, но судить об этом дано лишь тем, кто сам прошел чрез имплантации.

Да, Герберт не отрицал — его злили рассуждения о «виртуальных преступниках» и «благородных защитниках» киберпространства. Дело в том, что пережив кризис, корпорации уже не могли остановить процесс подготовки все новых и новых «специалистов», но осознав все опасности и все выгоды новых технологий, хозяева Корпоративной Окраины задали себе вопрос: а почему бы нам не содержать своих собственных кибрайкеров?

Так с цинично рассмотренной перспективы глобального промышленного шпионажа и одновременно — противоборства ему, родилась новая концепция подготовки мнемоников, ставшая, как уже не раз бывало в истории цивилизации, фундаментом, и одновременно — импульсом к дальнейшему развитию новых способностей человеческого рассудка.

Понимая, что имплантация взрослых людей, с устоявшейся психикой, — занятие неблагодарное, дающее очень малый процент успеха при огромных затратах, корпорации независимо друг от друга пришли к выводу, что начинать готовить нужно подростков, а еще лучше — детей в возрасте от трех до пяти лет. Сирот на Окраине в условиях враждебных к человеку, едва освоенных планет хватало с избытком и сеть закрытых

«корпоративных школ» не испытывала недостатка в «учащихся».

Юный организм легче переносил дополнительные имплантации, детская психика более пластично воспринимала включение кибермодулей, как и не свойственные рассудку новые грани мироощущения, — их воспитывали и подготавливали в одних и тех же стенах, до определенного возраста дети росли вместе, разделение происходило только в период, когда у подростков начинали проявляться индивидуальные черты характера, появлялись наклонности, позволяющие определить, к чему больше тяготеет имплантированный рассудок — к защите или же к нападению.

Нужно сказать, что узкая специализация кибрайкеров при этом сохранилась, а вот спектр задач для мнемоников значительно расширился, — с определенного момента они не только защищали корпоративные сети от несанкционированного доступа, но и руководили сложнейшими кибернетическими комплексами, которые до этого не вводились в эксплуатацию из-за жестких ограничений на использование модулей «искусственного интеллекта».

Герберт Хайт прошел имплантацию и курс обучения в одной из корпоративных школ.

Как он оказался на свободе и получил возможность жить по своему усмотрению, действуя на собственный страх и риск, подобно легендарным кибрайкерам прошлого?

Все в мире имеет объяснение, свою причину и следствие. В начале двадцатых годов тридцать девятого века корпорации отказались от подготовки мнемоников и кибрайкеров. Как альтернатива возникла независимая сеть центров обучения, где готовили специалистов обоих профилей. Потом их тривиально, цинично продавали корпорациям.

Десять лет назад система подпольного имплантирования и работорговли, процветавшая в худших традициях темных веков, была выявлена и разгромлена флотом Конфедеративного Содружества. В результате крупномасштабной операции, проведенной с санкции Совета Безопасности Миров, десятки тысяч юных мнемоников получили свободу, примерно такое же количество подростков попало на реабилитацию, но часть воспитанников, принятых на попечительство Конфедерацией, к моменту освобождения уже являлись полностью сформировавшимися личностями. Герберт прекрасно понимал, кто он на самом деле. Ни одна программа психологической помощи не могла уничтожить в нем начатков кибрайкера, потому, стойко выдержав прессинг, легко пройдя выпускные тесты, он обрел свободу, гражданство Конфедеративного Содружества, и право выбирать свою дальнейшую судьбу.

Естественно бывшие воспитанники «центров специальной подготовки» находились под негласным контролем, но Хайт за годы обучения научился поистине неистощимому терпению, — он дождался своего часа, и исчез, растворился среди многомиллиардного населения Обитаемых Миров, чтобы встать на опасный, но как казалось — предначертанный Судьбой путь — путь кибрайкера-одиночки.

Жалел ли он сейчас о сделанном выборе?

Нет. К моменту побега он едва достиг совершеннолетия, жизненный опыт, а вместе с ним и возможность здраво оценивать собственные поступки, он приобретал на протяжении последующих пяти лет, путем собственных проб и ошибок.

Теперь он немного иначе смотрел на собственную судьбу, что не мешало ему оставаться кибрайкером. Для мнемоника он был слишком импульсивен, остаться же вне киберпространства для него казалось немыслимым, поэтому изменять выбранному пути Герберт не собирался даже сейчас, оказавшись в далеко не лучшей ситуации.

Он боролся за свою жизнь, используя те способы, что насильно привили ему еще в детстве.

Конечно, многое он понял и переосмыслил, но пока что не видел для себя нормальной альтернативы…

…В данный момент, окончательно отделавшись от Али, Герберт по-прежнему оставался в затруднительном положении. Тянуть далее опасно и неразумно, нужно немедленно решать, как распорядиться попавшей в его руки, воистину бесценной информацией.

Такая удача дается лишь раз в жизни.

Некоторое время Хайт мучительно размышлял, что делать, как не упустить выпавший шанс?… пока в голову не пришла дерзкая мысль: а что если разом избавиться от проблем с корпорациями, и попутно обеспечить себя материально?

Сначала идея показалась абсурдной, но, прислушавшись к своим ощущениям, Герберт понял — да, действовать нужно именно так, — дерзко, стремительно, за гранью разумного риска, где победитель получает все, а проигравший ничего, кроме смерти…

Выбор кибрайкера казался абсурдным — он собирался продать информацию, но кому — корпорации «Новый Свет»! На самом деле у Хайта был план, придерживаясь которого он мог рассчитывать на успех. Дело в том, что готовя предыдущую (окончившуюся роковым провалом) акцию, ему пришлось детально изучить личность главы корпорации Фредерика де Ритторена. Воспользоваться данными он не успел, но

сведения остались, и сейчас, рассматривая собственное положение, он внезапно вспомнил о них. Знание индивидуальной психологии владельца одной из молодых, но преуспевающих корпораций сектора Окраины давало ему шанс выйти из положения, получив при этом определенную прибыль. Однако родившийся план работал только в том случае, если он сумеет связаться непосредственно с президентом корпорации.

Подумав об этом Хайт посмотрел на тусклые стереомониторы, связанные с несколькими видеодатчиками автономного модуля и невесело усмехнулся.

В его положении стоило рискнуть. Хуже уже все равно не будет.

Из-за проблем с ганианцами, окончившихся аварийным отстрелом модуля, Хайт на некоторое время потерял мнемонический контакт со спутниками орбитальной группировки и пропустил последние, произошедшие в северном полушарии планеты события.

Он по-прежнему был уверен, что обнаруженный артефакт — это гравитационный генератор расы инсектов.

Приняв решение, Герберт мысленно активировал передатчики автономного модуля, вошел в виртуальное пространство станции гиперсферной частоты системы Эригон и начал подготовку к молниеносному атакующему броску через сеть Интерстар.

Осуществив виртуозное вторжение в сеть, его рассудок скользнул по каналам ГЧ к одному из известных ему сетевых узлов Окраины, а оттуда, преодолевая расставленные ловушки, — в сеть головного офиса корпорации «Новый Свет».

* * *

Окраина.

Станция фильтрации каналов ГЧ системы Неосигма…

Можно представить удивление и досаду главы могущественной корпорации, когда в объеме виртуального монитора межзвездной связи возникло незнакомое ему лицо.

В первый момент, рассмотрев за ссутулившейся в обшарпанном кресле фигурой фрагмент обстановки какого-то древнего отсека, он подумал что это либо сбой связи, либо чья-то неуместная шутка, но его недоумение быстро развеял негромкий но уверенный голос:

— Господин де Ритторен, с вами говорит Герберт Хайт, кибрайкер, которого сейчас ищут силы безопасности вашей корпорации. Да, да, вы не ослышались. У меня есть важная информация и деловое предложение.

От такой наглости и самоуверенности президент «Нового Света» на миг потерял дар речи, позволив кибрайкеру произнести несколько, ставших решающими фраз:

— Я обладаю информацией, о местонахождении артефакта расы инсектов, а именно — устройства гравитационного генератора, при помощи которого насекомоподобные существа передвигали планеты, а так же нескольких малых кораблей класса «аэрокосмический истребитель», аналогов которым на сегодняшний день нет. По понятным причинам я вынужден быть краток. Мое предложение сводиться к следующему: корпорация гарантирует мне неприкосновенность и выплачивает сумму, о которой мы договоримся, в обмен на координаты объектов. Предупреждаю, что в случае отказа от моих условий информация будет предложена всем, кто в состоянии за нее заплатить, вплоть до специальных служб флота Конфедерации Солнц. На размышление — час. Перед отключением канала связи по нему будет передан файл с изображениями артефактов, реконструированных по данным орбитального сканирования. Я выйду на связь через шестьдесят стандартных минут, чтобы обсудить детальные условия сделки. За это время вы сможете проверить истинность переданных изображений, к которым прилагаются файлы сканирования для сравнения реконструкции с источником данных. Все. До связи через час, господин де Ритторен.

Полусфера канала дальней связи опустела и погасла так же внезапно, как и включилась менее минуты назад.

…Варг Далтон, все еще находящийся под неимоверным прессингом обрушившейся, как ураганный порыв ветра, информационной атаки, с трудом перевел дыхание.

Все что ему удалось сделать — это «сохранить лицо», а большего собственно от него никто и не требовал.

Герберт Хайт оставался уверен, что разговаривает с владельцем корпорации «Новый Свет», но на самом деле атака кибрайкера была остановлена на последнем рубеже «мнемонической обороны». До действительного соединения с личным кабинетом президента, Хайт все-таки не дошел, и его диалог состоялся с мнемоническим двойником Фредерика де Ритторена.

Варг Далтон являлся одним из старейших и, без сомнения, наиболее опытным из всех работающих на корпорацию «Новый Свет» мнемоников, но атака Герберта не только застала его врасплох, но едва не закончилась трагически.

Сейчас он сидел в глубоком кресле, ощущая, как по телу гуляет

легкий озноб, а дорогая рубашка из тонкой натуральной ткани прилипла к спине, словно сама смерть только что разминулась с ним, пройдя в миллиметре от виска.

Впрочем, так оно и было. Почувствуй Герберт Хайт ловушку, пойми, что остановлен и разговаривает вовсе не с тем человеком, кому адресовал свою сжатую, выверенную, лаконичную речь, он бы ударил, — уж Далтон-то прекрасно знал, что такое машинальная реакция защищающегося рассудка кибрайкера.

Варг относился к той легендарной когорте мнемоников, которая была создана несколько десятилетий назад в противовес первым, появившимся на Окраине кибрайкерам; за его плечами лежал огромный, накопленный за это время опыт, и тем острее вдруг прорвалось бессилие, ощущение предела, когда понимаешь — еще одна атака молодого, явно очень талантливого кибрайкера и все…

Что может быть хуже для мнемоника, чем осознание наступившего предела собственных возможностей?

Внезапно в душе всколыхнулись другие мысли, — они высачивались, будто ядовитый дымок из лазейки, приоткрывшейся в результате перенапряжения рассудка.

А что ты получил за десятилетия верной службы, Далтон? Ты не сможешь выйти из игры, покинуть систему, потому что слишком много корпоративных тайн хранит твой разум. Вот сейчас к ним добавиться еще одна, и где гарантия, что, вступив в сделку с кибрайкером, Фредерик де Ритторен не уберет тебя после, как ненужного свидетеля?

Таких гарантий Варгу Далтону не мог дать никто.

Вся его жизнь, как жизнь любого из мнемоников представляла собой постоянную, изматывающую, напряженную схватку. Он рисковал и получал соразмерную, как ему казалось, плату, но сейчас вдруг в приступе потливого бессилия, он подумал: *а не самообман ли это?* Вся жизнь за золоченой решеткой, и что в результате? Я лучший, первый… первый из тех, кто стоит между главой корпорации и направленным на него мнемоническим ударом, первый кто примет смерть, если не справится со своей работой.

А ведь на пенсию меня никто не отпустит…

Нет, со слабостью нужно бороться. Не пристало мнемонику с его стажем и опытом ныть, ударяться в панику перед напористым, молодым наглецом. Кибрайкера следовало примерно проучить, лучше всего — до смерти…

Жаль что я не Фредерик де Ритторен, а лишь его виртуальная

тень, — подумал Далтон, мысленно активируя защищенный канал мнемонической связи. — *Хотя все в этом мире относительно…*

* * *

Ровно через час кибрайкер снова вышел в эфир на канале плавающих гиперсферных частот.

Молниеносно осмотревшись в виртуальном пространстве, где его уже ждали несколько фантомных личностей, он сразу перешел к делу:

— Вот мои условия господин де Ритторен. — Герберт говорил уверенно, за истекшие шестьдесят минут он еще раз мысленно просчитал ситуацию, снова придя к выводу, что президент «Нового Света» заплатит. — Вы переводите сумму в два миллиона кредитов на указанный мной счет, и официально объявляете о моей скоропостижной кончине. Ну, скажем, вследствие неудачно проведенной операции по захвату. Я хочу исчезнуть, понимаете?

— Вполне. — Хмыкнул Фредерик де Ритторен. — Но мне в свою очередь нужны гарантии, что информация соответствует действительному положению вещей.

— Артефакты настоящие. Части боевого корабля инсектов, а так же устройство, при помощи которого насекомоподобные перемещали планеты, создавая Сферу Дайсона. Хотя, что я распинаюсь, разве ваши специалисты не произвели скрупулезного анализа переданных мной изображений?

— Провели. — Согласился де Ритторен. — Однако со снимков, как и их файлов сканирования, тщательно удален фон, поэтому нельзя сказать наверняка, что артефакты будут расположены именно там, где вы укажете.

— Небольшой риск с вашей стороны конечно есть. Однако он минимален. Как только я зафиксирую поступление денег на счет, то передам истинные изображения, из которых будет понятно о каком из миров идет речь. Вы ведь не станете отрицать, что присланные мною изображения не имеют аналогов?

— Не стану. — Ответил Фредерик. — Но я не забываю, что общаюсь с кибрайкером. — Тут же заметил он. — Возможно изображения краденные?

— Так нам будет очень сложно договориться. — Герберт недовольно поморщился.

— Еще бы. — С вызовом поддел его де Ритторен. — Я ведь не глупец, чтобы рисковать огромными суммами. Счет, на который отправятся деньги, не просуществует и минуты, верно? Сумма будет раздроблена на тысячи мелких переводов и растворится в потоках банковских операций. У меня нет никаких гарантий.

— Хорошо, я согласен на некоторые уступки. — Герберт предвидел нечто подобное и морально был готов к компромиссу. — Один миллион авансом, и еще один после передачи полного пакета данных.

— Ближе к истине. Я должен подумать. Мы можем поговорить через час?

Опять задержка… Проклятье… Что он тянет? О чем тут думать? Час ему понадобился явно не для принятия решения… Рассчитывает вычислить меня?

Хотел он или нет, но согласиться пришлось:

— Ладно… я готов подождать еще один час. Но, не более того, — в случае дальнейших проволочек я просто свяжусь с другими покупателями. Надеюсь, вы примете окончательное решение. Третьей попытки договориться у нас не будет.

Экран погас.

* * *

— Ну? — Де Ритторен вскинул взгляд на своих сотрудников. — Определили источник передачи?

— Нет. Он опять воспользовался плавающими каналами гиперсферных частот, действуя как минимум через десяток станций ГЧ.

— Очень плохо! — Президент «Нового Света» недовольно взглянул на подчиненных. — Сначала этот щенок замахнулся на корпорацию, а теперь имеет наглость требовать с меня деньги за непроверенную информацию! И не думайте, что я собираюсь платить ему, вместо того, чтобы содрать шкуру за прошлые преступления!..

Фредерик машинально говорил одно, а думал о другом: наглость кибрайкера поражала, но и она должна иметь свои границы. Блефовать можно, но в разумных пределах. Герберт Хайт, несомненно, понимает это. Кроме денег ему нужны гарантии безопасности, значит, переданные снимки скорее всего настоящие… В таком случае условия выглядят не столь уж вызывающими, ведь истинная цена древних технологий исчисляется не миллионами, а миллиардами кредитов…

— Мы знаем, где расположена система, из которой велась передача. — Внезапно произнес один из мнемоников, прервав размышления де Ритторена.

— Как? Вы же минуту назад заявили, что его не найти!.. — Нахмурился тот.

— Да, через станции ГЧ отследить кибрайкера действительно невозможно, но Герберт Хайт, похоже, попал в очень незавидное

положение.

— Ближе к делу. — Потребовал де Ритторен.

— Передача велась посредством имплантов самого Хайта, и транслированные им данные, хотел он того или нет, несут слабый отпечаток *сопутствующих* мыслей. Нам удалось получить изображение, которое наблюдал Герберт во время общения с вами. Вот взгляните.

На экране появился край планеты, скупая обстановка отсека какого-то космического корабля, подлокотник противоперегрузочного кресла, несколько сиротливых индикаторов на приборной панели. Фредерик обратил внимание, что изображение на небольшом информационном экране внезапно начало смещаться — планета медленно выползла в центр информа, затем как будто перевернулась, и вновь начала уходить из поля зрения жестко закрепленного видеодатчика.

— Что это значит?

— Планета, которую видно на небольшом экране — Эригон. А флуктуации говорят в пользу того, что наш кибрайкер замурован внутри неуправляемо приближающегося к кромке атмосферы отсека, очевидно, мы видим фрагмент достаточно древней модели войскового транспорта.

— Эригон? — Фредерик нахмурился. — Что ж, информацию легко проверить. Патрульное звено «Х-страйкеров» способно совершить прыжок в систему Эригона, затратив не более получаса на гиперпространственный переход. Если кибрайкер там, мы возьмем его. Подготовить группу мнемонического прикрытия. Разрешаю действовать предельно жестко, — этот человечишка слишком много возомнил о себе. Выкачать из него всю информацию и пусть себе падает.

* * *

Система Эригон.

Тридцать минут спустя…

Десантно-штурмовой модуль, в сопровождении звена «Х-страйкеров» совершил обратный переход, осуществив «всплытие» из пучин гиперсферы в районе высоких околопланетных орбит Эригона над северным полушарием планеты.

Данные предварительного сканирования, полученные непосредственно перед включением генераторов низкой частоты, позиционировали отсек древнего войскового транспорта с точностью до нескольких метров.

«Х-страйкеры» образовали построение прикрытия и под их защитой

штурмовой модуль начал маневр сближения с объектом.

* * *

Герберт за истекшие сутки дважды испытывал глухие приступы отчаянья, граничащие с обреченной злобой. В первый раз, когда он не сумел предугадать действия ганианцев, вынудивших его произвести аварийный отстрел модуля от транспортного корабля, во второй — когда *почувствовал* присутствие мнемоников.

Ощущения кибрайкера трудно передать словами. Что-то натянулось внутри, как струна, и вдруг оборвалось, чувство проскользнуло на уровне подсознания, интуиции, а мгновенное включение кибермодулей лишь подтвердило безошибочность наития: с одного из направлений пространство не сканировалось, там, как будто образовался сгусток нематериальной субстанции, поглощающий излучение.

Мнемоническая блокада. Герберта охватила дрожь, но он все же смог подавить чувство обреченности. Его не атаковали, однако со стороны заблокированного для сканеров пространства к дрейфующему отсеку, несомненно, приближался космический корабль — мнемоническое воздействие усиливалось.

Глаза Герберта вспыхнули недобрым огнем.

Откуда тут взяться мнемоникам? Хайт не строил иллюзий, он знал ответ: место его выхода на канал гиперсферной частоты вычислили, и теперь по приказу хозяина «Нового Света» сюда направлена группа захвата.

Игра шла на баснословно высокие ставки, по предельно жестоким правилам. Он где-то допустил ошибку, и противник не преминул тут же воспользоваться ей.

Я не дамся им живым… — С яростью подумал кибрайкер.

Казалось бы, какое сопротивление способен оказать человек, замурованный в автономном отсеке, дрейфующем по воле гравитации и полученного в момент отстрела ускорения в сторону укутанного покрывалом облачности, голубовато-белого шара планеты? Разве он не больше чем пылинка, подчиненная тяготению Эригона?

Все так. Но Герберт предвидел и худший исход, хотя отчаянно пытался избежать его.

Он сидел в кресле противоперегрузочного пилот-ложемента, одного из четырех, смонтированных в аварийном отсеке, по количеству штатных членов экипажа войскового транспорта. Сдаваться он не собирался, хотя понял, что жестоко просчитался — мстительный де Ритторен решил, что

миллион кредитов — это слишком для кибрайкера дважды осмелившегося потревожить главу могучей корпорации.

Они меня вычислили.

Теперь о деньгах стоило забыть. Герберту предстояла схватка за собственную жизнь, и он при всем желании уже не мог уклониться.

Оставалось лишь одно, — принять вызов, хотя если быть точным — перчатки ему никто не бросал — десантно-штурмовой модуль, всплывший из пучин гиперсферы под прикрытием четырех «Х-страйкеров», шел в коконе глухой мнемонической защиты, а те, кто находился на борту посланы просто убить Герберта, а затем они доберутся и до ничего не подозревающих Кирсанова с Трегалиным.

Все, кто так или иначе стоял сейчас между артефактами и корпорацией «Новый Свет», были приговорены. Хайт даже не задумывался в эти роковые минуты, что пожилого археолога и сопровождавшего его мнемоника в данном случае приговорил он сам.

Кто, спрашивается, давал право тому же Герберту затевать торговлю сделанными не им открытиями?

Здесь проявлялась суть извращенной психологии кибрайкеров, каждый из которых почему-то считал, что любая информация, попавшая ему в руки, должна быть использована в личных целях, не взирая, кому она принадлежит по праву, и какие последствия повлечет за собой ее безрассудное разглашение.

Кибрайкеры практически никогда не наблюдали реальных последствий предпринимаемых ими виртуальных атак. Они не видели смерти и горя «лицом к лицу», поэтому любая трагедия оставалась для них лишь абстракцией.

Однако на этот раз, на примере Герберта Хайта злонравная, мстительная, а порой — справедливая Судьба, похоже, вознамерилась исправить некоторые упущения.

* * *

Хайт не знал, сколько мнемоников послано для его нейтрализации, — вступать в виртуальную схватку с ними, производя «разведку боем» было опасно и преждевременно. Герберт не забывал, что кроме врагов, способных атаковать через киберпространство, на борту неизвестного корабля вполне могут находиться люди, далекие от понятий виртуального противостояния.

Конечно, подготавливая свою акцию, Герберт не выложил все козыри, кое-что, оставив «в рукаве».

Они не знают, что отсек управляем. Значит, будут сближаться под прикрытием мнемонической защиты. Рассчитывают взять меня и допросить.

Он уже решил, как действовать дальше. Загерметизировав гермошлем (скафандр военного образца он отыскал тут же в аварийно-спасательном модуле войскового транспорта и подготовил его заранее), Герберт застегнул страховочные ремни кресла, развернул платформу противоперегрузочного пилот-ложемента и вошел в нейросенсорный контакт с подсистемами модуля.

Его дерзкий план провалился, любое противодействие приближающейся силе граничило с самоубийством, но разве для кибрайкера существует слово *невозможно*, пока есть запас активного вещества для планетарных двигателей, а разум способен контролировать действия автоматики, компенсируя примитивизм древней системы широчайшими возможностями имплантированных кибермодулей?

Нет, он собирался бороться до конца… пусть попробуют остановить его, а там посмотрим, кто выйдет победителем…

Мнемоническое воздействие тем временем усиливалось, сканеры модуля начинали периодически сбоить, но Хайту не в первый раз приходилось сталкиваться с подобным пагубным для автоматики эффектом. Его противник блокировал все диапазоны сканирования и связи, полагая, что через пару минут непременно осуществит принудительную стыковку с аварийным модулем.

Он по-прежнему лишь предположительно определял, какого класса корабль приближается к его отсеку. Мнемоническая защита подавляла всякие попытки сканирования, но ее наличие не смущало Герберта, лишь прессинг со стороны извечных антиподов вызывал в душе прилив холодной ярости, помогающей не терять рассудка.

Еще секунда и сознание Герберта полностью погрузилось в виртуальность.

Главной задачей сейчас было уклониться от принудительной стыковки, все остальное вторично.

Полный нейросенсорный контакт с подсистемами аварийного модуля открыл новый уровень восприятия: узлы и агрегаты теперь ощущались Гербертом, как часть самого себя, — иначе ничего не выйдет, — только полностью сконцентрировавшись, лично контролируя каждое действие автоматики, Хайт мог рассчитывать на успех задуманного маневра.

Теперь, перейдя на уровень киберпространства, он воспринимал приближающийся корабль, окруженный виртуальной защитой, как сгусток

черноты, двигающийся на фоне разноцветья полнящих пространство энергий.

Навигационная подсистема модуля уже завершила предварительный расчет курса, для безопасного вхождения в атмосферу Эригона, и сейчас Герберт ждал лишь момента, когда неуправляемый дрейф отсека развернет его в нужное положение относительно планеты.

Секунды теки невыносимо-долго.

Выставленная кибрайкером защита не позволяла мнемоникам корпорации детально сканировать отсек, они чувствовали сопротивление, но выжидали, полагая, что сила и численный перевес на их стороне. Кибрайкер, конечно, будет сопротивляться, но напряжение виртуальной схватки, нарастая с каждой секундой, поглотит все его силы, не оставив шанса на противодействие грубому физическому вторжению, которое уже готовила группа захвата.

Они ошибались, недооценивая противника.

Герберт более всего опасался именно физической атаки, понимая, что не сможет вести борьбу в двух реальностях одновременно.

Ничего. Я уравняю силы.

Перед мысленным взором вектор тяги планетарных двигателей совпал с нитью проложенного курса, и дрейфующий в пространстве грузовой модуль внезапно озарился ярким сиянием от работы маршевых и корректирующих двигателей, погасив вращение и получив мощный импульс дополнительного ускорения, толкнувший его навстречу белой, клубящейся пелене облачности, укрывавшей планету.

Ускорение заставило конструкцию противоперегрузочного ложемента издать скрежещущий звук, возвестивший о начале работы механизмов, не использовавшихся на протяжении многих веков.

Рассудок кибрайкера по-прежнему находился в виртуальной реальности. Казалось, что не древний модуль, а он сам устремился навстречу планете: сгусток черноты резко отдалился, мнемоническое воздействие ослабло, — внезапный, управляемый маневр явился полной неожиданность для его противников, по крайней мере, их корабль еще некоторое время следовал прежним курсом, теряя драгоценные мгновенья, в то время как модуль Хайта увеличивал полученную фору, успев проскочить зону низких орбит и войти в стратосферу Эригона над северным полушарием планеты.

На что рассчитывал кибрайкер, избрав для аварийной посадки этот безлюдный и опасный регион?

У Герберта имелся свой замысел, но до его реализации еще нужно

дожить, — модуль, войдя в плотные слои атмосферы, начал интенсивное торможение, а его преследователи, осознав допущенный промах, внезапно изменили тактику, — сгусток черноты исторг четкие сигнатуры звена «X-страйкеров». Маневренные истребители быстро сократили дистанцию до цели и, перейдя в режим атмосферного полета, начали сближаться с похожим на пылающий болид грузовым модулем. Их пилоты не открывали огонь, демонстрируя решимость захватить кибрайкера живым.

Посмотрим, кто из нас переживет схватку…

У Герберта, чье внимание было всецело поглощено управлением, не хватало сил на немедленную атаку оставшихся без мнемонического прикрытия «X-страйкеров», но он не зря выбрал северное полушарие, — внизу, под пеленой облаков, посреди бескрайнего ледника располагалась посадочная площадка, связанная длинным наклонным тоннелем с сетью подледных коммуникаций, соединяющих десяток буровых вышек в единый нефтедобывающий комплекс.

В космосе, в атмосфере, учитывая ограниченные возможности аварийно-спасательного модуля, он был практически бессилен противостоять врагам, но, оказавшись на поверхности планеты, имея в распоряжении автономный ресурс боевого скафандра, Хайт воспользуется своими способностями в полной мере, и пусть по его душу прислан не один мнемоник, а несколько, — передавлю по одному… Мне бы только сесть…

Модуль снижался по пологой траектории, оканчивающейся в районе посадочной площадки «Эрголайна».

Четыре «X-страйкера» плотно висели «на хвосте», постепенно сближаясь с аварийным отсеком, они по-прежнему не применяли бортовых вооружений, но Герберт не уповал на выдержку пилотов, — как только станет ясно, что аварийный модуль в состоянии совершить посадку, они, не задумываясь, откроют огонь на поражение.

Им нужно воспрепятствовать, но как, фрайг его раздери, если все силы приходиться отдавать управлению падающим отсеком, который, войдя в плотные слои атмосферы, вел себя все менее и менее предсказуемо, постепенно превращаясь в падающий болид…

Единственной надеждой Герберта была автоматика посадочной площадки. Если включится направляющий луч, по которому сориентируется примитивная система автопилота, то Хайт получит реальный шанс достать пилотов «X-страйкеров» мнемоническим ударом…

Не включается…

Проклятье… Неужели там не работает автоматика?… Я же

транслирую сигнал бедствия!..

На высоте пяти километров Герберт не выдержал — передав управление автопилоту, он мысленно потянулся к кибернетическим системам посадочной площадки.

Точно… Ручной режим… Там кто-то есть, и этот «кто-то» взял управление на себя…

Посадочный луч включился неожиданно, ощущение было оглушительным, ошеломляющим, будто с плеч свалился невыносимый груз, а рассудок, более не связанный борьбой за живучесть модуля, оказался *свободен!..*

Хайт, измотанный борьбой, почувствовал невероятное облегчение: автопилот прочно взял наводящий сигнал, освобождая разум кибрайкера для удара по аэрокосмическим истребителям.

Сознание Хайта рванулось навстречу «Х-страйкерам», он, словно незримый демон, ворвался в бортовую сеть ведущей машины, не пытаясь ее подчинить, уничтожая все на своем пути; истребитель мгновенно сбился с курса, но — проклятье, — тут же начал выравниваться, — пилот ведущей машины был готов к внезапному отказу оборудования, страхуя каждое действие киберсистемы ручным управлением.

Герберт сделал еще одно мнемоническое усилие, в эти мгновенья ему самому показалось что разум, дух отделился от тела, и… он все-таки добрался, скользнув по обрывкам бортовой сети, до контура управления реактором!..

Еще секунда и ведущий «Х-страйкер» внезапно потерял несколько фрагментов обшивки, окутался клубами бьющего под высоким давлением ядовитого пара, вырвавшегося из технических люков аварийной подсистемы охлаждения реактора, а затем, перевернувшись через крыло, канул в метель…

Есть! Один готов!..

Однако торжество кибрайкера длилось недолго.

Оставшиеся истребители тут же отреагировали на событие, произведя ракетный залп, но… не по модулю, а по диспетчерским башням посадочной площадки!

Нить Ариадны оборвалась одновременно с полыхнувшими внизу разрывами.

Герберт почувствовал, что модуль теряет управление. В рассудке билась только одна мысль, — человек не отреагирует с нужной скоростью!.. Пока идет ручное переключение на резервные системы, я уже разобьюсь!..

Он вновь ударил, ударил изо всех сил, так, как может ударить кибрайкер за несколько секунд до смерти.

В радиусе десяти километров (эффективная дальность передатчиков имплантов, учитывая условия внешней среды) все кибернетические системы ушли в перезагрузку.

Три «Х-страйкера» резко отстали, проваливаясь назад, аварийный модуль, автопилот которого не избежал общей участи, мгновенно закрутило в воздушных потоках, но Хайт из последних сил цепко перехватил управление, выравнивая взбесившийся, начавший вращаться отсек, мысленно моля лишь об одном: *включайся… включайся же!..*

Автоматика расположенной внизу посадочной площадки, перезагрузившись в экстренном режиме, должна проигнорировать ручное управление, далее вступят в силу инструкции, обязывающие комплекс вновь ответить на сигнал бедствия…

Да, так и есть!.. Посадочный луч включился вновь; в осознании Герберта он протянулся, как спасительная нить, ведущая сквозь плотную завесу непрекращающегося снегопада, и тут же за него «зацепился» так же перезагрузившийся автопилот аварийного модуля.

Отсек снова начал выравниваться, интенсивно отрабатывая двигателями планетарной тяги, но три «Х-страйкера», пилоты которых оказались отнюдь не дилетантами, опять появились в сфере сканирования, стремительно сокращая дистанцию. Ни один из них не потерял цель, не рухнул вниз, не разбился, как рассчитывал Герберт.

Благодаря работе автоматики наводящего луча и четким указаниям со стороны резервного диспетчерского комплекса, автопилот аварийного модуля сумел инициировать верную процедуру окончательного торможения, Герберта на некоторое время парализовало резкими перегрузками, а вот пилоты «Х-страйкеров», пилотирующие машины на ручном управлении, не сумели вовремя повторить маневр и проскочили над отсеком, разминувшись с ним.

Модуль снижался, продолжая интенсивное торможение, когда в районе посадочной площадки вновь засверкали вспышки разрывов; внезапно вырубился посадочный луч, и в следующую секунду Хайт ощутил, как в зоне сканирования его кибермодули обнаружили четыре стремительно приближающиеся ракеты.

Мгновенная, рефлекторная атака кибрайкера сбила их с курса, полностью парализовав работу систем самонаведения, но за несколько секунд, потребовавшихся на ликвидацию угрозы, грузовой отсек, лишившийся поддержки посадочного луча, резко провалился вниз, и по

касательной траектории врезавшись в лед, неуклюже подпрыгнул, затем вновь вспорол поверхность ледника, гася скорость, и, наконец, остановился, оставив за собой глубокую, истекающую паром борозду.

Для автоматики аварийного модуля динамический удар был вполне приемлем, а вот для Герберта — нет.

Его сознание погасло в самый неподходящий момент, когда пилоты «Х-страйкеров», расстреляв ракетный боезапас, обезвредили все передатчики основного и резервного комплексов посадочной площадки, устранив тем самым угрозу подачи сигнала о внезапном вторжении, и перешли в режим атмосферного прикрытия идущего на посадку десантно-штурмового модуля с мнемониками на борту.

Теперь у потерявшего сознание Герберта не осталось никаких шансов избежать мучительной смерти вследствие мнемонического допроса.

* * *

Эригон.

Посадочная площадка «Эрголайна»…

То же время.

Герда не выносила долгих периодов бездействия.

Учитывая, что управление добычей нефти было максимально кибернетизировано, работу буровых установок вполне можно контролировать и из уютного офиса, через спутники, но у мисс Клейн существовала своя точка зрения, основанная на личностном восприятии перемен, коснувшихся большинства крупных поселений Эригона за последние десять лет.

После смерти матери Герда стала замкнутой, нелюдимой, она откровенно чуралась чуждой, экспортированной с иных миров праздничной суеты. Обстановка, которую создавали в подледных городах туристические фирмы, напоминала ей до неприличия затянувшееся шоу, где исконные жители планеты играли унизительную роль.

Здесь в северном полушарии, среди белого безмолвия непрекращающейся метели она находила относительный покой.

Сейчас она сидела в операторской посадочного комплекса, и, переключившись на ручной режим управления, переориентировала сканеры, пытаясь при помощи аппаратуры диспетчерских башен выяснить, как далеко успел продвинуться за истекшее время тоннельный вездеход археологов.

От этого занятия ее отвлек неожиданный, резкий сигнал тревоги.

Герда удивленно посмотрела на радар, где внезапно появился странный объект.

Что же он делает?! — Промелькнула гневная мысль, когда по правую руку заработал резервный голографический дисплей, передавая данные по космическому пришельцу: он снижался, интенсивно отрабатывая плазменными двигателями планетарной тяги!

Проклятье… — Герду внезапно пробила короткая дрожь — *Он, что с ума сошел? Вокруг лед!*

Секунды промедления убегали в вечность.

Действуя несоизмеримо медленнее автоматических систем, Герда коснулась сенсора связи и произнесла:

— Внимание, неопознанный объект, вы в границах защитной зоны подледных коммуникаций нефтедобывающего комплекса «Эрголайн»! Немедленно набирайте высоту, либо переключайтесь на альтернативную тягу!

Попытка установить связь успехом не увенчалась, в эфире бился, повторяясь на всех аварийных частотах, универсальный для Обитаемой Галактики сигнал «SOS», одновременно сканирующие подсистемы доложили, что снижающийся корабль, опознан, как терпящий бедствие автономный модуль.

Холод роковой непоправимости стремительно разворачивающихся событий коснулся разума, она мгновенно осознала, что падающий отсек не изменит траектории и не переключится на антиграв.

Сигнал «SOS» продолжал биться, пульсировать в эфире на всех частотах связи, любые здравые мысли тут же ломались под напором мольбы о помощи; рука Герды, наконец, потянулась к пульту, коснувшись нужного сенсора, и комплекс диспетчерской башни тут же доложил о переходе в режим обеспечения аварийной посадки.

Минутой позже, когда автоматика установила надежный канал телеметрии, передавая кибернетической системе снижающегося автономного отсека данные для захода на посадку, радары комплексов дальнего обнаружения внезапно взорвались предупреждающим ревом, выдав на дисплей четыре алые засечки.

Герда машинально взглянула на информационные экраны, куда выводились данные по идентификации следовавших за терпящим бедствие модулем объектов.

Ее бровь удивленно приподнялась, когда кибернетическая система с уверенностью опознала приближающиеся корабли, как

многофункциональные истребители класса «Х-страйкер». В первый момент она с трудом поверила показаниям приборов, ведь, как известно, данная модель истребителя использовалась исключительно на Корпоративной Окраине.

Эригон — суверенная планета…

Ее реакции явно не успевали за той стремительностью, с которой разворачивались события.

Мысль Герды была прервана резким сигналом тревоги. «Х-страйкеры» настигали идущий по посадочному лучу модуль; одновременно с режущим нервы звуком ревунов, она увидела, как от условных обозначений истребителей отделись зловещие маркеры, указывающие на произведенный ими ракетный запуск.

С ума они там все посходили?! — Метнулась в сознании безнадежно опаздывающая за событиями мысль, — в следующий миг экраны обзора подсветились оранжевыми отсветами разрывов и… погасли!..

Герда вскочила с кресла, инстинктивно рванувшись прочь из помещения, над которым, проламывая перекрытия, рушились обломки диспетчерской башни.

Выскочив в коридор под аккомпанемент глухих, сотрясающих ледник ударов, она, кашляя от едкой белесой пыли, что клубами выталкивало из проема выбитых дверей, бросилась бежать по длинному коридору, соединяющему бункер главной кибернетической системы посадочной площадки с расположенным в двухстах метрах подледным паркингом, где находилось два спасательных вездехода, оборудованных системами прокладки тоннелей.

Через пару минут она оказалась в низком, сумеречном помещении. Энергопитание небольшой бункерной зоны отключилось, ледовые массы, потревоженные двумя последовавшими друг за другом ракетными ударами, продолжали угрожающе рокотать, в монотонном гуле угадывались отдельные трескучие звуки, свидетельствующие о периодическом образовании трещин…

…Оказавшись в кабине вездехода, Герда машинально активировала приборную панель. Она чувствовала, как трудно дышать, сердце буквально выпрыгивало из груди, перед глазами мельтешили темные пятна.

Отдышавшись и справившись с дурнотой, девушка взглянула на включившиеся приборы. Сканирующие комплексы тоннельного вездехода были специально адаптированы под условия Эригона и прекрасно работали в зоне ледника, отображая все активные сигнатуры в радиусе десяти километров.

Она успела заметить три Х-страйкера, выходящих из атакующего пике на границе эффективной зоны сканирования, чуть ближе, приблизительно в семи километрах от нее, на поверхности ледника образовалась глубокая воронка, отмечающая место падения лишившегося поддержки посадочного луча аварийного модуля, над самой головой жарким пятном сплошной засветки растеклось зарево от пожара, начавшегося среди поврежденных емкостей с сырой нефтью.

На оценку ситуации и выработку решения ей отводились считанные секунды.

Горящая нефть быстро просочится по трещинам, заполняя подледные полости, с глубиной проникновения огонь, конечно, погаснет, но последствия бесноватой атаки все равно можно считать роковыми, — посадочная площадка и диспетчерский комплекс разрушены, из-за начавшегося пожара треснувшие массы льда начнут интенсивно таять, и вскоре на месте небольшого космического порта возникнет еще одна исполинская воронка.

Что же делать?! Надо бежать, но куда?!..

Герда абсолютно не понимала происходящего, но сейчас разбираться в причинах варварского нападения не оставалось времени…

Еще раз взглянув на приборы, она приняла единственно верное (с ее точки зрения) решение, движением светового стила отметив курс для автоматики тоннельного вездехода. Прочерченная на экране линия соединяла начавший разрушаться подледный паркинг с воронкой, образовавшейся на месте падения аварийного модуля.

Вездеход, перейдя в автоматический режим, начал резать лед тепловым лазером, у дальней стены взметнулись клубы пара, отмечавшие устье нового тоннеля, все происходило с той стремительностью, когда осознание совершаемых действий приходит потом, когда опасность уже окажется позади.

Герда чувствовала лишь растущее внутри злое недоумение, когда вездеход, наконец, тронулся с места, начиная движение по отрезку только что проложенного тоннеля.

* * *

«Х-страйкеры», уничтожившие единственную пригодную для посадки площадку в радиусе нескольких тысяч километров, сослужили дурную службу, — десантно-штурмовой модуль с мнемониками на борту хоть и был сконструирован для экстремальных условий, но сесть на поверхность охваченного пожаром от разлившейся нефти, находящегося сейчас в

постоянном движении ледника, автоматика боевого автопилота категорически отказывалась.

Операция по захвату кибрайкера, поначалу казавшаяся трудным, но выполнимым заданием, внезапно осложнилась. Не было никакой уверенности, что Герберт Хайт жив, на месте падения автономного модуля лед так же подтаивал и трескался, вбирая жар медленно остывающей обшивки постепенно погружающегося в толщу ледника грузового отсека.

Старший группы мнемоников, Джордж Липатов был вынужден выйти на связь, используя аппаратуру ДШМ[24] для поддержания плавающего канала гиперсферных частот.

Фредерик де Ритторен выслушал доклад, мрачнея от каждого нового слова, затем разочарованно пождал губы, что-то обдумывая и, наконец, ответил:

— Вы болваны! Кто мешал захватить кибрайкера после посадки? Нам еще межпланетного конфликта не хватало! — Сквозь зубы процедил он, едва сдерживая охватившую его досаду и ярость. — Поднимайтесь в район орбит и действуйте оттуда! — Гневно приказал глава «Нового Света», с трудом подавив вспышку растущего раздражения. — Я должен быть уверен, что информация о происходящем не станет достоянием третьих лиц! Создавайте помехи, блокируйте каналы связи, делайте, что хотите, пока пожар и обрушение ледовых масс не сотрут все улики!

— Что делать с кибрайкером? — Осторожно осведомился Липатов.

— Пока что вы его упустили! — Де Ритторен просчитывал ситуацию, словно сам находился на борту десантно-штурмового модуля. Его преимущество заключалось в том, что глава корпорации мог позволить себе с первой фразы называть вещи и явления своими именами, не оглядываясь на реакцию подчиненных. — Жив он или нет, покажет время, а пока мне нужна информация. Вся информация, которая была доступна Хайту. Он наверняка использовал орбитальную группировку спутников, чтобы вести наблюдение за объектом нашего интереса. Если он действительно что-то обнаружил на поверхности или подо льдами Эригона, вы обязаны повторить открытие, ничего иного вам не остается!

— Да, сэр. Мы приложим все усилия, чтобы исправить ошибку. — Старший мнемоник группы отлично понимал, что произойдет с ним лично, если ситуация, готовая вот-вот вырваться из под контроля, из-за поспешных и необдуманных действий пилотов «Х-страйкеров», получит огласку… Человеческий фактор, будь он проклят. — Сэр, мы сделаем все как положено. — Заверил Липатов.

— Действуйте! — Хмуро, пренебрежительно ответил Фредерик де Ритторен. — И чтобы ни одна живая душа не обнаружила ваше присутствие на орбите! Второй ошибки я не прощу!

Глава 5

Эригон. Северное полушарие планеты…

На преодоление семи километров автоматике вездехода потребовалось двадцать минут работы в форсированном режиме.

За это время Герда успела подумать о многом.

Внезапные события, прошедшие на уровне шоковых ощущений, теперь отдавались в сознании дрожью. Она чувствовала, что вот-вот разрыдается от запоздалого осознания масштабов обрушившегося на нее несчастья.

Все, чем она жила, что создавала на протяжении нескольких лет, оказалось уничтожено одним беспощадным ударом звена «Х-страйкеров».

Небольшой частный космодром, на строительство которого ей пришлось взять кредит в одном из банков Элио, уничтожен. Что теперь станет с буровыми скважинами? Она даже думать об этом боялась. Учитывая подвижки льда, трещины распространяться очень глубоко…

Хорошо, что на буровых нет людей, только кибермеханизмы…

Она тут же вспомнила о Кирсанове и Трегалине.

Что станет с ними? Пожилой археолог и его спутник взяли припасов на две недели. Они рассчитывали использовать стартовую площадку как базу, куда можно вернуться в любой момент, следуя через проложенные тоннели.

Да что же происходит, на самом деле? Кто спланировал и осуществил нападение? Она пыталась найти причину, но не видела ее. На ум не шло более толкового объяснения кроме как «роковое стечение обстоятельств». Герда вела свой бизнес открыто и честно, конкурентов у нее не было, да и объемы добычи по меркам межзвездной торговли пока что оставались мизерными. Она никому не мешала, значит, действия конкурентов исключены.

Нет, это все просто дико…

Модуль. «Х-страйкеры» появились следом за терпящим бедствие автономным отсеком. Неужели моя вина в том, что я откликнулась на призыв о помощи и предоставила безопасный коридор и навигационную поддержку для захода на посадку?

Выходит так…

Герда все же не выдержала, слезы навернулись на глаза,

обжигающими ручейками скользнули по щекам. Все происходило как будто в полусне.

Что же мне теперь делать?

Ответа она не находила. Горечь, бессилие постепенно уступали место иному, более сильному чувству. Она не привыкла к проявлениям собственной слабости. Вся ее жизнь, начиная с детства, не изобиловала приятными сюрпризами, все, чего она сумела добиться, давалось лишь упорством, силой воли… Хотя воля к жизни, как выясняется, тоже не бесконечна. Сегодня она узнала что такое «сила неодолимых обстоятельств».

А кто стоит за обстоятельствами? Люди? Машины? Кто управлял «Х-страйкерами»?

Герда резко провела тыльной стороной ладони по щекам.

Если стану рыдать, стеная над тем, чего уже нельзя изменить, никогда не выберусь отсюда, не узнаю, кто и ради чего, словно щепку, сломал мою жизнь…

В ее душе, зародившись в момент растерянности, росла ярость.

Ощущение не из приятных. Герду бросало то в жар, то в холод, слабость, и легкое помутнение рассудка были реакцией организма на сильнейший стресс, но зародившееся чувство крепло, оно внезапно показалось единственной опорой в пошатнувшемся мире.

Как быстро, стремительно люди определенных душевных качеств способны переходить из одной крайности в другую.

Когда вездеход пробил последние метры тоннеля, и перед ней открылось дно курящейся паром воронки, в которую сверху осыпались фрагменты подтаявших ледовых глыб и срывались оползни искрящегося крошева, глаза Герды были сухими, в них читалась уже не растерянность, а яростная решимость.

Направляя вездеход к черному, покрытому окалиной, наполовину скрытому водой корпусу автономного модуля, она хотела не только спасти его пилота, но и узнать — кто ответит за варварский удар?

* * *

Над провалом, образовавшемся в результате падения автономного модуля, бесновалась усилившаяся метель. Глубина «воронки» составляла около пятидесяти метров, из-за обрушения ледяных стен края углубления стали отвесными, на дне образовалось озеро талой воды, над ним курился пар, сверху периодически падали фрагменты подтаявших ледяных глыб.

Герда оценила ситуацию, отыскав по показаниям сканеров аварийный

люк рухнувшего на ледник отсека. Вода продолжала прибывать, таянье льда грозило новыми обвалами, модуль медленно, но неотвратимо погружался, растапливая находившийся под ним лед. По опыту Герда знала, что пройдет немного времени и процесс примет обратное направление, обшивка космического пришельца скоро остынет, вода замерзнет, и, если на борту есть кто-то живой, ему уже не удастся выбраться наружу без посторонней помощи и участия в спасательной операции специальной техники.

Действовать нужно немедленно, пока нижний край люка все еще возвышается над поверхностью воды. Она прибыла как раз вовремя, — через десять-пятнадцать минут было бы поздно, и пришлось бы ждать пока вода вновь превратиться в лед.

Если верить показаниям сканеров бортовая кибернетическая система модуля не функционировала. Видимых попыток открыть люк изнутри так же не наблюдалось.

Нужно вскрывать, — решила Герда, меняя параметры работы лазерной установки.

Минуту спустя вездеход, застывший в зеве тоннеля, на высоте пяти метров над поверхностью воды, включил перенастроенный лазер, прожигая покрытый окалиной металлокерамический сплав.

Герда заметно волновалась, ее вновь охватило беспокойство, где-то поблизости кружили «Х-страйкеры», она хоть и не видела их на экране радара, но подсознательно была уверена, — истребители не бросят свою добычу. Скорее всего, они сейчас ищут, или, быть может, уже нашли подходящую посадочную площадку, расположенную в стороне от подвергшейся катастрофическим деформациям части ледника, и вскоре у места падения модуля появятся либо люди, либо кибернетические механизмы.

Они не знакомы со спецификой Эригона, их техника вряд ли адаптирована к условиям повышенного тяготения и работы в условиях ледника. — Мысленно успокоила себя Герда. — Скорее они станут ждать того момента, когда прекратиться движение ледовых масс, а вода в районе падения аварийного отсека вновь замерзнет.

Пока она размышляла, лазерная установка, введенная в автоматический режим, вырезала овал по форме люка. Еще секунда и увесистая, раскалившаяся плита с плеском и шипением обрушилась в воду, окутав обугленный отсек густыми клубами пара.

Не теряя времени, Герда привела в действие специальное оборудование вездехода. В обшивке открылись диафрагменные люки,

выпустив дополнительные гидравлические опоры, в носовой части машины отработала пневматическая пушка, послав в прорезанное отверстие гарпунное приспособление с разматывающимся вслед за ним тросом.

Через секунду индикатор на приборной панели возвестил о том, что гарпун прочно закреплен, трос натянут, а самодвижущееся устройство, снабженное специальной кареткой, готово к эксплуатации.

Герда встала с кресла, и покинула вездеход через боковой люк. Оказавшись в тоннеле, она обошла машину, по ходу проверив надежность крепления системы дополнительной устойчивости.

Все индикаторы находились в зеленой зоне, максимально допустимая нагрузка на трос составляла (с учетом повышенной гравитации) полторы тонны.

Нос машины был в данный момент задран вверх, телескопические домкраты подняли его, чтобы обеспечить нужное натяжение троса и свободное пространство для приема или отправки грузов. Герда не торопилась, но и не мешкала, понимая, что раскаленный кусок обшивки, рухнувший в воду, только ускорит процессы таяния. Около минуты понадобилось ей на окончательную проверку всех механизмов, затем, уверившись в прочности конструкции, она продела руки в специальные захваты и включила электродвигатель подвешенной на трос каретки.

Устройство плавно пошло вперед и вниз, ноги Герды оторвались от пола тоннеля, теперь она скользила над извергающейся паром водной поверхностью.

Спуск длился недолго, всего секунд сорок, затем из клубов пара показался вырезанный лазером проход, палец коснулся сенсора торможения и плавный толчок помог ей, качнув тело вперед, так, чтобы она смогла проскользнуть внутрь модуля, не касаясь все еще горячих краев вырезанного люка.

Внутри царил красноватый сумрак. Открывшееся взгляду пространство оказалось слишком большим для жилого или управляющего помещения, скорее упавший отсек являлся разновидностью грузового модуля.

Герда достаточно быстро сориентировалась по показаниям сканеров, определив, что из пяти противоперегрузочных ложементов, четыре пустовало и только в одном кресле, в безвольной позе застыло зафиксированное страховочными ремнями человеческое тело в боевой гермоэкипировке.

Ее вдруг охватила понятная оторопь, — отсек выглядел более чем

загадочно, все приборы, что попадались на глаза, буквально кричали о своей невероятной древности, да и не подающий признаков жизни пилот в панцире боевой керамлитовой брони, с глухим гермошлемом без прозрачного забрала, казался ей сейчас таинственным, почти мистическим выходцем из прошлого. Герда даже не смогла определить, жив ли пилот и, вообще, кто перед ней мужчина или женщина? Лица не видно, связь не работает, никаких внешних датчиков индикации она не нашла, специальный разъем, к которому подключался соединительный кабель, оказался нестандартной конфигурации, и Герде не оставалось ничего другого, кроме как преодолеть секундное замешательство, расстегнуть страховочные ремни и вытащить тело в тяжелой, громоздкой экипировке из противоперегрузочного кресла.

А вдруг я эвакуирую труп? — Мысль неприятно кольнула, но разбираться на месте было слишком рискованно, — вода уже подступила к нижней кромке вырезанного люка и вот-вот начнет просачиваться внутрь.

Герда с трудом приподняла и волоком протащила тело несколько метров.

Добравшись до вырезанного люка, она пристегнула крепления каретки к специальной подвеске, входившей в конструкцию ее личной гермоэкипировки, и, зафиксировав тело пострадавшего дополнительной страховочной системой, коснулась сенсора, позволяя самодвижущемуся механизму начать подъем по туго натянутому тросу.

Минута, понадобившаяся на возвращение к вездеходу, показалась ей едва ли не вечностью. Модуль, куда уже начала просачиваться вода, внезапно осел, начиная опасно крениться, трос отреагировал сильной вибрацией, но система компенсации подвижки ледовых масс отработала своевременно и плавно, предотвратив наступление роковых последствий.

Внизу вихрился густой туман, по мере подъема капельки конденсата, оседающие на скафандрах, начинали замерзать, отвесные стены провала угрожающе потрескивали, из глубин ледника, передаваясь по тросу и механизмам, прорывались вибрирующие отголоски катастрофических процессов образования трещин и подвижек ледовых масс.

Наконец ноги Герды вновь коснулись пола тоннеля.

Она чувствовала, как по спине щекотливо пробегают мурашки, — с юношеской поры она не испытывала ничего подобного, внезапно осознав что уже привыкла к основательной, надежной подготовке каждого воздействия на окружающий ее ледник. Экстремальные спуски по трещинам или обследование подледных пещер остались в далеком прошлом, а постоянный контроль над строительством посадочной

площадки, транспортных тоннелей и буровых вышек научили ее относиться к леднику, как к некоей грозной, но дремлющей до поры силе, которую не стоить будить необдуманными действиями.

Конечно, ни один проект не предполагал массированных ракетных ударов и экстремальных тепловых воздействий, — посадка транспортных кораблей в своей завершающей стадии осуществлялась на антиграве, без применения выделяющих огромного количество тепла планетарных двигателей. При возведении посадочной площадки применялись технологии, исключающие передачу динамических ударов и вибраций, что позволяло обеспечить целостность ледовых масс и безопасность процедуры посадки.

О чем я только думала, включив наводящий посадочный луч?

Мысленный упрек остался без ответа. *Глупо. Конечно, я не могла поступить иначе!..* — Мысленно огрызнулась она, с трудом подтаскивая тело спасенного пилота к люку тоннельного вездехода, который услужливо распахнулся при приближении хозяйки.

Теперь прочь отсюда. — Подумала она, бережно переместив пострадавшего в специально разложенное кресло. К сожалению, процедуру осмотра и первой помощи пришлось отложить на несколько минут, — если немедленно не увести вездеход из временного тоннеля, последствия окажутся катастрофическими, — Герда видела, как образовалось несколько новых трещин, пока она осторожно продвигалась к открытому люку машины.

Перебравшись в кабину, она включила и запрограммировала автопилот. Ей пришлось решить сложный вопрос: куда направить машину?

Кем бы не оказались пилоты «Х-страйкеров» — они враги. — Подумалось ей. — Роковые ошибки, конечно, случаются, но почему они не вышли на связь после наступления столь явных, катастрофических последствий ракетного удара? Никто кроме откровенных отморозков не станет атаковать посадочную площадку лишь затем, чтобы выключить аппаратуру навигационного луча.

Герда знала, что истребители класса «Х-страйкер» не используются флотом Конфедерации, значит, ее атаковали пираты или хуже того — корпоративные военно-космические силы?

Чем же так сильно насолил им человек, пытавшийся спастись в автономном отсеке?

Вряд ли сейчас стоит думать об этом. Придет время, узнаю, если он жив, конечно. Сейчас нужно уводить машину, но куда?

Путь наверх, похоже, заказан. Там ее поджидала неизвестность,

помноженная на реальную опасность возвращения бесноватых истребителей, которые обязательно станут искать модуль.

У меня есть одно преимущество — я знаю ледник. — Подумала Герда. Ведущие вниз магистральные проходы вот-вот обрушаться, по крайней мере, в верхней части, а отыскать тоннельный вездеход под многокилометровой толщей льда — задача не из легких, особенно если увести машину в район пещер, расположенных на границе между ледником и корой планеты. Там естественное тепло недр скроет сигнатуру вездехода, и любое преследование будет поставлено в тупик отсутствием реальных данных, отражающих местоположение выживших свидетелей катастрофы.

К тому же внизу Кирсанов с Трегалиным. Их нужно предупредить, да и действовать дальше необходимо сообща, объединив ресурсы, иначе поодиночке нам никогда не выбраться из передряги…

Обдумав свои дальнейшие действия, Герда развернула вездеход и позволила автопилоту начать движение.

Теперь ей предстояло вернуться в грузопассажирский отсек и выяснить, кто тот таинственный пилот, что так отчаянно бросил аварийный модуль в коварную атмосферу Эригона.

* * *

Система Эригон.

Борт десантно-штурмового модуля.

Джордж Липатов после восьми часов непрерывной работы, наконец, смог позволить себе немного расслабиться. Вопреки предчувствию и ожиданиям в район катастрофы не выдвинулся ни один из отрядов спасателей, жизнь в подледных городах Эригона шла своим чередом, будто в северном полушарии планеты не произошло ничего экстраординарного.

Пилоты уцелевших «Х-страйкеров» успешно посадили машины на поверхность ледника, и, включив маскирующие системы фантом-генераторов, занимались сейчас поиском катапультировавшегося командира звена.

Если начало операции граничило с провалом, то теперь положение стало исправляться. Джордж недолго пребывал в недоумении по поводу бездействия спасательных групп. Как показал анализ, Эригон лишь де-юре оставался независимой планетой, очагом самобытной цивилизации, возникшей в период Великого Исхода. Де-факто все обстояло несколько иначе — цивилизация коллапсировала, коренных эригонцев осталось всего десять-пятнадцать тысяч, а их правительство и государственные службы

находились в полном подчинении интересам туристического бизнеса. То же самое относилось и к орбитальной группировке спутников. Когда-то Эригон обладал собственной системой противокосмической обороны, но со временем она пришла в упадок, и сейчас космические аппараты орбитального базирования работали исключительно в интересах трансгалактических корпораций.

Десантно-штурмовой модуль вышел в зону высоких орбит и занял позицию для наблюдения, совершая постоянный геостационарный маневр. Мнемоническая защита, дополняя работу систем фантом-генераторов, делал его недоступным для обнаружения, но как убедился Липатов, подобная мера предосторожности являлась излишней, — спутники, чьи орбиты проходили над северным полушарием планеты двигались над зоной необитаемых ледников в режиме накопления энергии, отключив на время системы активного сканирования.

Таким образом, разрушив диспетчерские башни и подавив сигналы аварийных передатчиков, небольшая по численности группа вторжения сумела полностью замести следы. Конечно, Джордж не строил иллюзий, относительно ближайших перспектив, и чтобы не оправдываться еще раз перед хозяином «Нового Света», он предпочел потратить несколько часов на углубленную информационную разведку, чем выходить на де Ритторена с половинчатым докладом.

Для опытного мнемоника не составило труда определить, кому именно принадлежала посадочная площадка. В результате, после допроса кибернетической системы планетарного офиса «Эрголайна», он получил исчерпывающую информацию, свидетельствовавшую о том, что прибытие очередного танкера на орбиты Эригона следует ожидать не ранее чем через две недели.

Четырнадцать дней явной форы. Вполне достаточно, чтобы разобраться с возникшими проблемами и ускользнуть из системы, оставив спецслужбам Конфедерации неразрешимую загадку. Впрочем, все случившееся в северном полушарии быстро спишут на технологические нарушения в эксплуатации оборудования посадочной площадки, — ледник поглотил большинство материальных свидетельств произошедшей катастрофы, оставалось позаботиться лишь об уничтожения вмерзшего в лед на глубине тридцати метров аварийного модуля.

Личность владелицы «Эрголайна» заинтересовала Липатова чисто с практической стороны, — он просмотрел базы данных, касающихся исконного населения Эригона, затем проверил списки звонков и сетевых соединений, осуществленных из офиса и квартиры Герды Клейн за

последние два месяца, снял информацию по движению средств на ее счетах, пока не убедился, что Герда вела замкнутый образ жизни, и в ближайшее время девушку вряд ли кто хватится. Родственников или близких друзей у нее не было, единственное, что привлекло пристальное внимание мнемоника, — это событие двухдневной давности, когда в офисе Эрголайна появился элианский археолог и сопровождавший его молодой человек.

Вот кто привлек к себе интерес кибрайкера… — Тут же сообразил Джордж.

Действительно, появление археолога на Эригоне трудно поддавалось объяснению, учитывая, что он прибыл на скованную льдами планету не как турист.

Получив информацию, Липатов порадовался тому, что прозорливо не стал торопиться с докладом. Появление двух новых действующих лиц, вовлеченных в события, с одной стороны осложняло поставленную задачу, а другой существенно упрощало ее, указывая направление для поиска.

— Думаю, Герберт Хайт следил за Кирсановым. — Произнес Липатов, ставя задачу своим подчиненным. — Нужно проверить все орбитальные аппараты, чьи траектории проходят над регионами северного полушария. Ищем следы работы кибрайкера.

Результат не заставил себя ждать. Часть спутников после тщательной проверки выдала тот факт, что их кибернетические системы были взломаны и использовались для периодического сканирования ледника.

— Определите параметры глубины сканирования, снимайте всю сохранившуюся информацию. — Распорядился Джордж. — Контроль над спутниками поддерживать в полном объеме, снимать данные в режиме реального времени, без разрыва суммирующего файла сканирования.

Он был доволен. Еще немного и можно будет докладывать Фредерику де Ритторену о выполнении поставленной задачи.

* * *

Эригон.

Северное полушарие планеты. Недра ледника…

Рокот обвалов доносился издалека.

Было тревожно и досадно. Тревожно из-за неопределенности, глухого, саднящего у сердца беспокойства за Герду, — девушку, которую едва знал, а досадно оттого, что внезапно истончилось, померкло, растворяясь в предыдущем чувстве, ощущение тесного соприкосновения с тайной,

загадкой, и открытие, так остро волновавшее разум и душу, уже стало не таким, словно по нему прошлись грубой щеткой, оставив на поверхности незабываемого впечатления грубые, испортившие его царапины.

— Саша ты постарайся все-таки уточнить, что происходит?

Трегалин, не открывая глаз, тихо произнес:

— Потерпите, Иван Андреевич. Я пытаюсь.

Через некоторое время он открыл глаза, пару секунд смотрел в одну точку, потом медленно повернулся к Кирсанову:

— Как я и говорил, наверху произошло обрушение ледовых масс. Эпицентр катастрофы расположен в районе посадочной площадки. Комплексы сканирования вездехода туда не достают, мои импланты тоже, но система анализа по характеру и распространению вибраций выдает скверный прогноз: разрушения очень серьезные, вероятно площадка полностью уничтожена, к тому же зафиксирован сход лавин по обоим ведущим к поверхности тоннелям. Плюс ко всему наблюдается ярко выраженная тепловая аномалия, словно там полыхает пожар.

— Чему гореть во льдах? — Кирсанов, пораженный и встревоженный подтверждением ошеломляющих известий, не сразу сообразил, что пожар в таких условиях может быть вызван только разливом нефти.

— Произошла серьезная техногенная катастрофа. — Александр с досадой сжал пальцы рук в кулаки. — Поймите, мы удалились на полторы сотни километров, поэтому трудно судить однозначно. Я сначала подумал, что произошло землетрясение, но мы ведь не ощущали толчков, верно?

Кирсанов кивнул. Он быстро пришел в себя, отбросив лишние сейчас, мешающие сосредоточится эмоции. Такое состояние мгновенной мобилизации рассудка являлось для него привычным.

— Значит, остается только одна версия — неудачная посадка корабля. — Подытожил свои слова Александр.

— Надо установить связь с Гердой.

— Уже пробовал, ничего пока не получается… Нужно возвращаться назад, Иван Андреевич. Ресурс вездехода не бесконечен. Автономного запаса надолго не хватит.

— Все это мелочи, Саша. — Отмахнулся Кирсанов. — Главное узнать, жива ли Герда? Когда ты сможешь установить связь?

— Попытаюсь сейчас. Но мои способности тоже не безграничны. Вы же помните — мнемоник силен там, где есть кибернетические устройства. — Он говорил так, будто извинялся, чувствовал себя повинным в отсутствии связи. — Я попробую еще раз, но если у меня ничего не выйдет, то придется вернуться километров на сто, чтобы уцелевшая

аппаратура площадки оказалась в зоне действия моих имплантов.

— Если надо вернемся. Ты попробуй, я подожду. — Иван Андреевич хорошо понимал, что о дальнейших исследованиях на время придется забыть.

— Саша… — Он коснулся плеча Трегалина, мягко, стараясь не испугать мнемоника, который уже успел по привычке прикрыть глаза, начиная погружение в иную реальность.

— Да? — Не открывая глаз, откликнулся тот.

— Не напрягайся. — Мягко, по-отечески попросил Кирсанов. — Мы в любом случае должны вернуться. Не трать понапрасну силы.

Александр выдохнул, его веки дрогнули.

— Возвращаемся?

— Конечно. Нужно установить связь с Гердой. Отсюда мы ее не спасем, если она оказалась отрезана от передатчиков, заблокирована под обвалами или в помещениях бункерной зоны. Когда мы подберемся километров на десять, ты ведь сумеешь связаться с ней, используя только свои импланты?

— Да.

— Давай так и поступим. По уже проложенным тоннелям мы преодолеем сотню километров за пару часов.

— Иван Андреевич, а как же с ним? — Трегалин кивнул в сторону исполинского артефакта, подобного которому еще не доводилось наблюдать ни одному человеку.

— Мы вернемся сюда… Ждал он нас миллионы лет, — подождет еще.

Александр внимательно посмотрел на пожилого археолога и внезапно спросил:

— А разве нам не вызвать помощь прямо отсюда? Помните, вы показывали мне аварийный передатчик гиперсферных частот?

Кирсанов нахмурился. Вопрос явно пришелся ему не по душе, но ответить на него пришлось:

— Он не работает. Не понимаю, что случилось, но сигнал не проходит. Как будто его блокирует непонятная мне сила.

Трегалин опустил взгляд. Почему-то он так и думал.

— Хорошо, тогда не будем терять время. — Предложил он, никак не комментируя слова Кирсанова. — Возвращаемся. Иного выхода все равно теперь нет.

* * *

Герда, дав указание автопилоту следовать к проложенному

археологами тоннелю, вернулась в грузопассажирский отсек.

Ей вдруг стало жутковато, в первый раз после смерти матери она осталась наедине с не подающим признаков жизни человеком. Древний скафандр, от конструкции которого веяло далекой эпохой Галактической войны, только усиливал внезапную оторопь, с которой пришлось бороться, усилием воли изгоняя из собственного рассудка неуместные сейчас страхи.

Она коснулась пальцами глухого гермошлема, на ощупь отыскала небольшие вздутия, под податливым материалом которых скрывались специальные нажимные выключатели, и с силой надавила на них.

В тишине отсека раздалось легкое шипение, за ним последовал щелчок, и гермошлем внезапно «раскололся» на две половины, обозначив сантиметровый зазор. Герда осторожно сняла с фиксаторов лицевую часть шлема и потянула ее вверх, открывая бледное лицо мужчины.

Голова незнакомца была коротко острижена, ни бороды, ни усов, отчего заострившиеся черты лица казались еще более тонкими, словно кожа натянулась, резко обозначив скулы.

Словно он долго голодал… — Внезапно подумалось Герде. Она коснулась пальцами шеи незнакомца, с трудом нашла пульсирующую жилку, и на душе вдруг стало тепло, — он был жив!

Нужно поскорее снять с него скафандр и подключить автодок!

Сняв вторую половину шлема, она приподняла его голову, намереваясь подложить под нее скатанную валиком куртку, как вдруг подрагивающие пальцы Герды ощутили, что на затылке незнакомца расположены характерные гнезда имплантов — округлые включения в черепную кость с небольшими, закрытыми заглушками из пенорезины вздутиями.

Она внутренне похолодела от внезапно сделанного открытия, но удержалась, не отпрянула, не отдернула руки, а напротив, медленно с напряжением провела ладонью по затылку, считая дополнительные импланты.

Пять… Ошибки быть не могло. Перед ней мнемоник… или кибрайкер.

Теперь ей стало понятно, почему истребители Корпоративной Окраины с таким упорством и беспощадностью преследовали аварийный модуль. Любой ребенок был наслышан о том, что мнемоников, работающих на корпорации, их работодатели никогда не отпускали по-хорошему. Специалист подобного уровня знал слишком много секретной информации, чаще всего мнемоники работали на одну и ту же корпорацию всю свою жизнь, без права покидать пределы определенной планеты. Ну а если он

кибрайкер, то преследование объяснить еще проще — охотников за информацией ненавидели, по крайней мере те, кто эту информацию терял, либо защищал.

От такого неожиданного оборота событий Герда на минуту растерялась, но человеческие чувства все же взяли верх над предрассудками, — кто бы он ни был, ее долг помочь попавшему в беду. Герда никогда не жаловала инопланетников, а тем более она не испытывала симпатий к *избыточно имплантированной* личности, но сейчас ей показались дикими, неуместными промелькнувшие в рассудке страхи и фобии. Он спасался, транслировал в эфир сигнал бедствия, надеясь на помощь, она помогла и потеряла все, так что же теперь? Испугаться, забиться в угол, отказать в помощи бессознательному человеку, которого она же и спасла?

Конечно, нет. Кто он на самом деле, — не играло сейчас решающей роли, но заставило Герду задуматься.

Сканеры мобильной автоматической системы поддержания жизни (или в просторечье — «автодока») тем временем завершили анализ, и выдали Герде короткое сообщение — жизнь человека находиться вне опасности.

Все необходимые инъекции были сделаны и теперь, для окончательного восстановления организма пострадавшего, требовались лишь покой и время.

И то и другое Герда была в состоянии обеспечить. Еще раз пристально посмотрев на осунувшееся лицо незнакомца она почувствовала, что не испытывает к нему неприязни, скорее наоборот, — его судьба вряд ли складывалась легко и безоблачно, и жизненный путь вполне мог повторять те невзгоды и трудности, с которыми сталкивалась она сама.

Образ прижился в сознании и, бережно уложив бессознательное тело в разложенное кресло, она вернулась в кабину управления, невольно продолжая думать о спасенном мужчине. Кроме прочего, ее снедало нормальное любопытство, — хотелось бы узнать, почему он был вынужден так отчаянно рисковать, бросив древний аварийный модуль в коварную атмосферу Эригона?

У нее не было ответа на заданный вопрос. Ладно, поживем — увидим — философски заключила Герда. Хотя трудностей нам не избежать. Даже той скудной, порой противоречивой информации о взаимоотношениях кибрайкеров и мнемоников, что доступна каждому пользователю галактических информационных порталов, вполне хватало ей, чтобы предвидеть грядущие неурядицы. Однако Герда в данный момент

не видела выхода из складывающейся ситуации. Нужно предупредить Ивана Андреевича и Александра о случившемся. Иначе они могут погибнуть от руки пришельцев, посчитав обрушение части ледника природной катастрофой.

Нет. — С горечью подумала Герда, — Природа, даже такая суровая как тут, на Эригоне, все же предсказуема и понятна, а вот когда речь идет о человеческих поступках, то поручиться за определенный исход уже нельзя. Чужая душа — потемки, и никогда не знаешь, что на самом деле движет отдельными личностями. Хотя, минимальная логика работала и в этой ситуации. Звено «Х-страйкеров» действовало решительно, говоря прямо, — беспощадно, четко координируя свои действия, следовательно, пилоты малых космических кораблей исполняли конкретный приказ.

Герда вывела вездеход в один из проложенных археологами тоннелей и задала автопилоту новый курс, еще не подозревая, что Кирсанов и Трегалин уже движутся ей навстречу.

* * *

Мнемонический отдел штаба флота Конфедерации Солнц.

В помещении, лишенном иной меблировки, были установлены только кресла.

Пятьдесят кресел, расположенных полукругом амфитеатра. В каждом сидел человек.

Молодые лица мужчин и женщин были спокойны, глаза закрыты, казалось, они дремлют, но на самом деле все обстояло не так. Разум каждого мнемоника, погрузившись в виртуальность, контролировал в данный момент пространство определенной звездной системы.

Во время дежурства никто из них не поддавался эмоциям. Объективная реальность существовала где-то за порогом сознания, они же контролировали иную данность, отслеживая энергетические изменения, находящие отражение в киберпространстве.

Они умели различать, где заканчиваются природные явления и начинаются искусственные, вызванные деятельностью людей или машин.

Семнадцатый центральному. Незапланированный гиперпространственный переход, в системе Эригона. Сигнатуры нечитаемы. Требуется дополнительная проверка.

Центральный, принято. Продолжайте контроль.

* * *

Десять минут спустя в кабинете адмирала Шайгалова прозвучал сигнал экстренного вызова.

— Николай Сергеевич, срочное сообщение.

— Слушаю.

— В системе Эригона зафиксирована аномалия. Неопознанный корабль совершил гиперпереход.

— Ну и что? — Адмирал в первый момент не понял, почему его беспокоят по подобному пустяку. — Вы там в рамках своего эксперимента палку не перегибаете? — Недовольно осведомился он. — У нас не тоталитарный галактический режим.

— Дело в том, что неопознанный корабль идет в коконе мнемонической защиты. Если бы не указанное обстоятельство информации не был бы дан ход.

— Уже интереснее. Что у нас там в данное время?

— Под контролем находился один аварийный передатчик гиперсферных частот. Его получил Кирсанов Иван Андреевич, в рамках обеспечения производимых им изысканий. Сейчас передатчик блокирован.

Шайгалов нахмурился. О миссии Кирсанова он слышал.

— До этого информация от Кирсанова поступала?

— Никак нет.

— Что докладывает мнемонический отдел?

— Неустановленный корабль сейчас совершает геостационарный маневр над северным полушарием Эригона. Никаких экстренных сообщений с планеты не поступало.

— Точку его старта установили?

— Корабль совершил прыжок на координаты Эригона из системы Неосигма.

— Головная система корпорации «Новый Свет»?

— Так точно господин адмирал.

— У нас есть люди на Эригоне?

— Нет. Система утратила стратегическую важность.

— Хорошо. Понял. Информация принята. Ждите дальнейших указаний.

Связь отключилась.

Шайгалов некоторое время сидел, погрузившись в глубокую задумчивость.

— Данные по патрулированию, сектор Эригона. — Наконец произнес он в пустоту кабинета.

Перед ним тут же сгустился воздух, формируя сферу воспроизведения

голографического монитора.

Ни одного корабля поблизости. Скверно.

Перед Шайгаловым встала непростая дилемма: как отреагировать на сообщение о странном гиперпереходе и внезапно блокированном спецпередатчике? Если бы миссии Кирсанова не придавали серьезного значения, то о ней не стали бы ставить в известность специальный отдел штаба флота. Никак не отреагировать — нельзя. Посылать патрульный корабль из резерва — а если пустышка, ложная тревога? Конечно, от ошибок в работе никто не застрахован, но каждый холостой старт — это миллионы кредитов.

Внезапно в голову адмиралу пришла интересная мысль.

— Мнемонический отдел. — Потребовал он.

Когда ему ответили, адмирал задал один вопрос:

— У отдела есть осведомители, внедренные в «Новый Свет»?

— Да, господин адмирал.

— На каком уровне?

— Второй эшелон.

— Мнемоник?

— Перевербованный кибрайкер.

— У него есть доступ к информации первого эшелона?

— Что конкретно вас интересует, господин адмирал?

— Нужно проследить за главой корпорации Фредериком де Ритореном. В режиме реального времени. Это возможно?

— Да, кибрайкеру, работающему под прикрытием, такое по силам. Но, информация будет передана с задержкой в несколько часов. Более того, сведения, полученные через подобный канал не имеют юридической силы доказательств.

— Не о том говорим. — Оборвал своего собеседника адмирал. — Я отдам соответствующий приказ, операция пройдет в рамках разведуправления флота. Мне нужно знать, чем в данный момент обеспокоено руководство корпорации, в частности Фредерик де Ритторен.

Через несколько минут, когда разговор завершился, адмирал Шайгалов удовлетворенно откинулся в кресле. *Вот и не нужно рисковать миллионами из средств налогоплательщиков,* — подумал он. — *Интересные перспективы. Что же будет дальше при таком развитии технологий?…*

* * *

Центральный офис корпорации «Новый Свет» (события

реконструированы разведывательным управлением штаба флота).

Фредерик де Ритторен позволил себе четыре часа сна, зная, что коротать время в ожидании результата занятие далеко не из приятных.

Проснувшись по настойчивому сигналу кибернетической системы, он спокойно позавтракал и только после этого направился в информационно-кибернетический центр, куда стекались данные из многих, находящихся в зоне жизненных интересов корпорации, уголков обитаемого и еще не освоенного космоса.

— Ну, что у нас по Эригону? — Спросил он, занимая свое кресло за отдельным терминалом информатория.

Кибернетическая система мгновенно отреагировала на голос, воздух вокруг кресла главы корпорации начал сгущаться, образуя непроницаемую мнемоническую защиту. Одновременно, внутри изолированного таким образом пространства, возникло три виртуальных монитора, в объем которых начала поступать визуальная информация, сопровождавшаяся пояснениями.

— Мнемоники группы Липатова, — начал доклад синтезированный голос, — взяли под контроль орбитальную спутниковую группировку. Произведен глобальный анализ данных, информация по которым содержится в устройствах памяти космических аппаратов. Путем проверки выявлены десять спутников, к которым подключался кибрайкер, известный как Герберт Хайт. Установлено, что он уделял пристальное внимание определенному участку поверхности Эригона, продолжая наблюдение за ним даже в условиях повышенного риска для собственной жизни, уже находясь под атакой, непосредственно перед входом аварийного модуля в атмосферу.

— Любопытно… — Произнес Фредерик. — Что же так сильно заинтриговало кибрайкера?

В объеме голографического монитора, расположенного по левую руку от де Ритторена, появилось изображение поверхности ледника. Визуализация производилась по данным, полученным со сканеров, конечное изображение, отличающееся фотореалистичностью, моделировал компьютер.

— Установлено, что Герберт Хайт использовал системы спутников, специально сконструированные для мониторинга проходящих в недрах ледника туристических маршрутов. Таким образом, очевидно, что кибрайкера интересовало нечто, скрытое от постороннего взгляда в недрах ледникового панциря планеты.

— Ближе к делу. — Буркнул Фредерик, которого всегда раздражала многословность кибернетической системы.

— Мнемониками Липатова было обнаружено несколько объектов, по их мнению заслуживающих внимания.

— По порядку.

— Наиболее яркий активный сигнал исходит от тоннельного вездехода, движущегося на границе льда и материковой коры. Удаление от посадочной площадки около ста пятидесяти километров. Первоначальное предположение, что это одна из геологоразведывательных партий, ищущих новые нефтяные месторождения, не подтвердилась. Из сигнатуры вездехода удалось выделить сигналы личных датчиков двух человек. Поиск по общегалактической базе данных дал положительный результат. Один из людей, находящихся на борту вездехода, идентифицирован как Кирсанов Иван Андреевич, уроженец планеты Элио, возраст семьдесят один год, основной род занятий — космическая археология. В настоящее время является штатным сотрудником института истории и археологии, базирующегося на планете Элио, занимается вопросами изучения древних рас космоса. В данный момент, по доступным сведениям, находиться в очередном отпуске.

— Очень интересно… — Де Ритторен невольно подался вперед. — А кто его спутник? Установили?

— По информации, полученной от службы регистрации космического порта планеты Эригон, спутником Кирсанова является Трегалин Александр Денисович, место рождения и род занятий не установлены.

— Почему?

— Нет данных.

— Очень веско. — Недовольно ответил Фредерик. — Нет данных, или они намерено засекречены?

— Нет данных.

— Проклятье… — Фредерик, как обычно, досадовал на кибернетическую систему, общение с которой часто выводило его из себя. — Так, помолчи немного. Сделаем паузу. Я должен подумать.

Ответа на его замечание не последовало, но воспроизведение информации остановилось.

Интересно получается. Внимание кибрайкера, вне всякого сомнения, привлекла личность Кирсанова. Хайт наверняка с легкостью сложил два плюс два и догадался, что пожилой археолог прибыл на Эригон не в целях любования подледными пещерами или мифической поправки здоровья, которое рекламируют некоторые туристические фирмы. Значит, он имел

определенную информацию. Вопрос, насколько посвящены в умозаключения Кирсанова его официальные работодатели?

Миру науки, насколько знал де Ритторен, не чужды такие понятия как конкуренция, интриги, слава и борьба за нее, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если Иван Андреевич Кирсанов официально находится в отпуске, вероятно, он решил проверить на свой страх и риск одну из смелых, родившихся у него гипотез, до подтверждения которой ученый справедливо опасался утечки информации, потому и решился на рискованную экспедицию, в сопровождении только одного доверенного лица. Похоже на правду, но кто этот загадочный Трегалин? Почему по нему не нашлось доступной информации в общегалактических базах данных?

Вариантов было множество, и Фредерик решил не гадать.

— Дальше — потребовал он.

Кибернетическая система информатория вновь начала воспроизведение.

— Герберт Хайт настроил сканирующие комплексы орбитальных аппаратов на максимальную глубину проникновения, чтобы наблюдать за Кирсановым и Трегалиным, получая полноценное трехмерное изображение при сложении сигналов от нескольких космических аппаратов, производящих одновременное сканирование с различных точек и под различными ракурсами.

— Основательно. Теперь я хочу знать, что они там обнаружили? Есть конкретные данные по каким-либо объектам, отличным от естественных складок скрытого подо льдами рельефа?

— Липатов лично занимался тщательной проработкой данного вопроса. — Ответила аудиосистема. — Он осуществлял сканирование локального участка поверхности планетарной коры, в зоне перехода между истинным рельефом Эригона и ледовым панцирем планеты. Им в ходе мнемонического исследования были обнаружены три объекта подпадающие под классификационное понятие «артефакт».

— Дай изображение!

Справа от Фредерика де Ритторена в объеме голографического монитора, сменяя друг друга, начали появляться трехмерные изображения.

Первые виртуальные модели Фредерик встретил достаточно холодно. Перед ним появились обломки, фрагменты какого-то космического корабля, принадлежащего расе инсектов, — это было понятно по черному, глянцевитому материалу, из которого состояли артефакты.

Не похоже на действующие устройства. — Подумал он. — Хайт утверждал, что обнаружил гравитационный генератор, при помощи

которого насекомоподобные существа умудрялись перемещать целые планеты. Представленные ему, жалкие обломки даже отдаленно не тянули на нечто подобное.

— Дальше. — Требовательно произнес де Ритторен.

Следующая модель показалась ему любопытной из-за своей необычной формы и непонятного материала, из которого была изготовлена. Анализаторы сканирующих устройств, работающие на орбитах Эригона, не смогли определить точный химический состав сплава, но и так было понятно, что часть рассеченного «веретена» не принадлежит к архитектуре, либо машинам инсектов.

Исследование подобной находки сулило определенную выгоду, но мелковато, мелковато, да и не похоже на тот снимок, что передавал кибрайкер во время памятного сеанса связи…

— Дальше.

Третья модель, созданная кибернетической системой по данным глубинного сканирования, заставила обычно невозмутимого Фредерика де Ритторена вздрогнуть.

Необычайно контрастная, четкая, детализированная реконструкция артефакта в общих чертах повторяла то изображение, что демонстрировал Герберт Хайт.

Однако, какой он огромный… — Мысленно поразился Фредерик, только сейчас осознав, какое значение все-таки играет фон. Без него размеры объекта терялись, масштабируясь скорее воображением, здесь же при наличии мелких, не относящихся к самому артефакту деталей, глаз фиксировал истинный размер неопознанного объекта, скрытого под пятикилометровой толщей льда.

Сколько ему лет?… Какой цивилизации он принадлежит?… Как оказался на поверхности Эригона?… — Мысли вихрем пронеслись в сознании де Ритторена, — он на самом деле был поражен, взволнован.

Материал не характерный для инсектов, но, кто знает, из чего насекомоподобные существа конструировали свои устройства, способные перемещать планеты? Да, но почему именно Эригон?

Фредерик был далеко не глуп, и ему в голову пришла та же мысль, что и Кирсанову — инсекты *двигали Эригон!* Они изменили орбиту планеты, превратив покрывающий ее океан в ледяной панцирь, но зачем? Где практический смысл подобной подвижки?

Опыт?

Планету не раскололи силы гравитации… Это вполне могло являться удачным экспериментом!.. — Де Ритторен, не смотря на самообладание,

почувствовал, как лоб покрылся испариной.

Устройство действующее! Трудно даже вообразить какие перспективы открывала перед человеком подобная находка.

Да Фредерик подумал именно так: не «перед Человечеством», а «перед человеком», мысленно подразумевая себя в качестве единоличного владельца тайн древних технологий.

Кибрайкер не солгал. Такой шанс выпадает один раз в жизни…

— Начальников юридического, финансового, мнемонического отделов ко мне в кабинет! — Хрипло распорядился он, решительно вставая с кресла. — И командира космической группировки флота. — Добавил он, уже проходя сквозь защитную сферу уплотненного воздуха.

* * *

Вдаваться в подробности, открывая перед подчиненными свои истинные замыслы, Фредерик де Ритторен не стал, ограничившись постановкой общей задачи:

— Господа, требую предельной собранности и внимания. Задача, которую я сейчас поставлю, может показаться неординарной, исходя из практики корпорации, но ее решение имеет исключительную важность. Итак, напоминаю о строжайшей секретности. Любое предложенное действие должно быть предварительно обдумано, тщательно взвешено, проколы недопустимы, не смотря на то, что действовать придется максимально быстро. Предмет интереса расположен на границе Центральных Миров и сектора Окраины. Это Эригон. — Фредерик следил за реакцией присутствующих, с удовлетворением отметив, что название системы, исторически принадлежащей к скоплению Центральных Миров, не вызвало на лицах подчиненных удивления или замешательства. — Первостепенной задачей, над которой мы будем работать в ближайшие сутки, является получение контроля над необитаемыми территориями в северном полушарии планеты. Я готов выслушать любые соображения по данному поводу, но сразу оговорюсь: желательно чтобы действия «Нового Света» на начальной стадии операции не выходили за рамки общегалактических законов.

— Сэр, — подал голос начальник юридической службы отдела корпоративной безопасности. — Разрешите уточнить, нам необходим временный контроль над упомянутыми территориями или необходимо иметь право собственности на земли в северном полушарии Эригона?

— Право собственности удовлетворило бы всем требованиям. — Ответил де Ритторен. — Но, насколько мне известно, участие корпораций

Окраины ограничено в вопросах землевладения на территории планет, относящихся к первичным колониям человечества?

— Да, действительно так. Нам не разрешат приобретать более одного процента земель от общей площади планеты. Кроме того, попытка совершить подобную сделку вызовет мгновенную реакцию со стороны разведывательных служб Содружества. Однако неудобства легко обойти. На Эригоне в последнее десятилетие бурно развивается индустрия туристического бизнеса. Я могу составить список частных лиц, владеющих землями интересующей нас планеты на праве собственности. Это не вызывает ни вопросов, ни подозрений. Если мы будем действовать через систему созданных специально для такого случая фирм, то можно приобрести множество соседствующих участков, якобы для ведения туристического бизнеса. Позже мы сможем переоформить права, заключив договора аренды или купли-продажи. В каждом случае корпорацией не будет превышен лимит на покупку земли, а в конечном итоге мы сумеем получить фактический контроль над огромными территориями.

— Великолепно. — Одобрил де Ритторен. — Даже на первый взгляд, предложенный план имеет массу достоинств. Сколько времени понадобиться для подготовки необходимых документов?

— Насколько нужно соблюсти секретность?

— Максимально. Пока — максимально.

— В таком случае на решение юридических вопросов мне потребуется до двух суток. Чтобы избежать нежелательной огласки и пристального внимания со стороны спецслужб Конфедерации фирмы придется регистрировать на разных планетах. Это не вызовет подозрений. Если заявки на приобретение земельных участков для организации туристического бизнеса будут поданы в разные дни, они не попадут под аналитическую обработку раньше чем в начале следующего месяца. То есть, увидеть объем покупок земли в северном полушарии аналитический отдел разведуправления Конфедерации сможет только спустя три недели.

— Отлично, Пол. Займитесь этим. Я дам координаты тех участков, которые нужны нам в первую очередь. Собственность на них нужно оформить как можно быстрее, и сделать это таким образом, чтобы при малейшем разбирательстве, право корпорации на указанные земли не подлежало сомнению.

— Общая площадь?

— Порядка тысячи гектар. Мизер, учитывая масштабы планеты. Однако есть одна трудность. По соседству с интересующей меня землей уже существует частная собственность. Там ведет разработку нефтяных

месторождений зарегистрированная на Эригоне фирма «Эрголайн». Ею владеет некая Герда Клейн.

— Я изучу данный вопрос, господин де Ритторен. — Сдержанно и почтительно ответил Полгард Безье. — Мне нужно ознакомиться с реальным положением дел, чтобы дать заключение: сможем ли мы как-то воздействовать на собственников «Эрголайна», не прибегая к силовым методам.

— Хорошо, будем считать, что предварительный план действий намечен. Юридический отдел вправе затребовать любую помощь, использовать все доступные ресурсы, для достижения наибыстрейшего и главное — законного результата. Приступай немедленно, Пол, остальная часть совещания будет тебе неинтересна.

— Я понял. — Безье встал, вежливо кивнув собравшимся. Немедленно, как любил выражаться сам де Ритторен, — это значит вчера. Зная крутой нрав своего работодателя, его практически неограниченную власть в секторе Окраины, Полгард понимал: с его стороны придется сделать не только все возможное, но и чуть больше, учитывая плохо скрытый лихорадочный блеск в глазах Фредерика де Ритторена.

Когда дверь бесшумно закрылась за главным юристом корпорации, глава «Нового Света» обратился к начальнику мнемонического отдела:

— Эдвард, сколько человек ты сможешь выделить при немедленной мобилизации, учитывая, что предстоящая операция не отменяет защиты информационных каналов?

— Как я понимаю, нужны специалисты экстра-класса?

— Да.

— Мне необходимо произвести ротации. Менее опытных сотрудников я оставлю для выполнения повседневных задач, и тогда примем решение о формировании группы, думаю, в ее состав войдут двадцать мнемоников и пятеро кибрайкеров. Все специалисты наивысшего уровня мастерства. Достаточно?

— Подумай сам. Необходимо обеспечить стопроцентную мнемоническую защиту целого региона планеты, прилегающего космического пространства, и при этом следует оставить резерв из лучших специалистов обоих направлений.

— Когда предполагается начать информационную блокаду?

— Она нужна уже сейчас. — Ответил де Ритторен. — То есть вылет группы к месту сразу по готовности.

— Я все понял. Разрешите? — Начальник мнемонического отдела «Нового Света» встал.

— Действуй Эдвард. Группу возглавишь лично. Все подробности узнаешь непосредственно на месте.

Колчинский покинул кабинет, оставив де Ритторена наедине со своим племянником, исполняющим обязанности командующего объединенным флотом корпорации.

— Карл, ты готов действовать? — Обернулся к нему Фредерик.

— Играть придется втемную? — Нахмурился тот. — Что ты затеял? С кем мне придется столкнуться? Я должен знать хотя бы приблизительный расклад сил.

— Извини, но я не ясновидящий — Без церемоний одернул его де Ритторен, — Ты слышал мои распоряжения? Юридический и мнемонический отделы приложат максимум усилий, чтобы действия флота не понадобились вообще. Но ставки столь высоки, что делать прогнозы я не возьмусь. Поэтому — готовься к худшему, чтобы все остальное являлось приятным сюрпризом.

— Что ты понимаешь под «худшим», Фредерик?

— Флот Конфедерации. — Ответил де Ритторен. — Если нам придется защищать свою собственность, схватка окажется масштабной. Но, надеюсь, до нее не дойдет. — Сухо подытожил он.

— А она того стоит?

— Не понял? Кто «она»?

— Собственность, которую я должен защищать?

— Стоит. Поверь мне.

— Ладно. Конкретный план… из чего мне исходить? Дай хотя бы минимум информации.

— Не могу. — Упрямо ответил де Ритторен. — Флот привести в полную боевую готовность. Все корабли в ближайшие две недели находятся в постоянной готовности совершить прыжок по координатам системы Эригон. Лучших пилотов малых кораблей выделишь в отдельную группу, — они образуют силы прикрытия, допустимые с точки зрения галактических норм права.

— Не понимаю тебя. С каких пор ты стал так трепетно относиться к межпланетным законам и соглашениям?

— С тех пор как сфера наших жизненных интересов переместилась из сектора Окраины в систему Эригона. Ты начинаешь раздражать и разочаровывать меня обилием пустых вопросов. Не советую продолжать в том же духе.

— А что такого? — Карл все же выразил негодование. — Мне сложно командовать флотом вслепую!

— Никто и не просит тебя об этом. Если в системе появятся корабли противника, ты узнаешь первым. И вступишь в бой по моему приказу. Но только по моему. Ты слышал? С этой минуты и до особого распоряжения флот подчинен только тебе, а ты в свою очередь выполняешь исключительно мои распоряжения. Все остальное подвергать сомнению и не реагировать! Задача тебе ясна?

— В общих чертах. — Буркнул Карл.

— Отлично. Начинай действовать немедленно. Я не поручусь за развитие ситуации даже в ближайшие часы.

* * *

Оставшись один, де Ритторен глубоко вздохнул, и принялся расхаживать по кабинету, пытаясь сосредоточиться, собрать воедино разбегающиеся мысли. Перед ним открывались невероятные перспективы, но до их реализации предстояло сделать так много, что глава могущественной корпорации немного терялся. Одно дело действовать в привычных условиях сектора Окраины, где власть корпораций никто даже не пытался оспаривать, и совсем иное — выйти со своими амбициями на простор Обитаемой Галактики, где доминировали силы Конфедеративного Содружества…

Нет, прямолинейная стратегия тут непригодна. Действовать нужно скрытно, прикрываясь мнемоническим щитом, не позволяя никому разгадать наши истинные планы, до их полной реализации. — Размышлял Фредерик. Лишь одно обстоятельство в данный момент смущало де Ритторена — артефакт даже при приблизительной оценке был настолько велик, что тайно вывезти его с Эригона можно, только разделив на части, но, пока не ясен принцип работы исполинского генератора, осуществить эвакуацию не представлялось возможным. Единственная надежда на мнемоников и кибрайкеров. Они и только они способны разобраться в схеме древнего устройства.

Всю мелочь типа кибрайкера и археологов, вместе с владельцами или владелицей «Эрголайна» мы уберем. Они не станут помехой в исследованиях. Главное — не допустить утечки информации.

Де Ритторен чувствовал себя чрезмерно взбудораженным, даже немного сбитым с толку.

Ни одна акция, проведенная им с той далекой поры, когда он еще возглавляя корпоративный флот, не вызывала у Фредерика столько надежд и сомнений одновременно.

Неужели старею? — Подумалось ему.

Неприятная мысль внезапно придала решимости. Старость тут не при чем, просто поставленная задача выглядела архисложной. Исследовать артефакт многомиллионолетней давности, действуя, что называется «под носом» у Конфедерации, а затем эвакуировать его с планеты, исторически принадлежащей к скоплению Центральных Миров, — задача достойная всей его жизни.

Де Ритторен не потерял головы, он внезапно ощутил себя *молодым.*

Как много лет назад, когда впервые вкусил неограниченной власти, но не опьянел от нее, а напротив, стал более сдержанным и расчетливым, что в конечном итоге помогло Фредерику удержать в своих руках огромную промышленную империю.

Теперь он стоял на пороге начала новой жизни, где его власть выйдет далеко за рамки сектора Окраины.

Упустить дарованный судьбой шанс, совершить глупость или ошибку он не мог, иначе грош цена всему опыту, накопленному за десятилетия управления корпорацией.

Я должен оставаться спокоен. Спокоен, как никогда…

Глава 6

Эригон.

Недра ледника…

— Иван Андреевич, я засек сигнатуру. Надо остановиться.

Кирсанов без возражений остановил машину.

— Попробуй определить, что за устройство работает. — Он видел слабую, мерцающую засечку в полусфере поискового радара. Если бы не предупреждение Трегалина, ее легко было бы принять за помеху.

— Думаю, мы видим вездеход. Такой же, как у нас.

— Следовательно, он принадлежит «Эрголайну»? Здесь ведь нет иной техники, способной двигаться в толще льдов?

— Подождите… Сигнатура меркнет… Ничего не пойму. Похоже, вездеход остановился, выключив энергосистемы.

— На борту есть люди? Сумеешь определить?

— Не знаю… Не уверен. — Трегалин открыл глаза, едва слышно выдохнув. — Ерунда получается. Реактор вездехода нельзя погасить мгновенно. У меня сложилось ощущение, что там не обошлось без кибрайкера.

— Подумай, Саша, что ты говоришь?! Откуда тут взяться кибрайкеру?

— Вот я пытаюсь понять — откуда? — Трегалин вновь закрыл глаза, погружаясь в иное видение реальности, но через минуту лишь покачал головой: — Ничего… Как будто сигнатуры и не было.

— Больше ничего не ощущаешь?

— Пока нет. Только вот на душе неспокойно.

— Саша, сосредоточься. — Тон Ивана Андреевича внезапно стал сухим, в нем прозвучали холодные нотки приказа, — постарайся проанализировать свои ощущения. Беспокойство всегда имеет источник. В сознании должна найтись аналогия. Постарайся ее обнаружить. Мысленно окунись в прошлое.

— Почему вы так уверенно судите о моих ощущениях? — Высказал свое удивление Трегалин.

— Знаю. Опыт, Саша. Не мнемонический, конечно. Ты все-таки попробуй сориентироваться. Не концентрируй внимание на исчезнувшей сигнатуре. Возможно, тревога вызвана иным явлением?

— Хорошо. Я попытаюсь.

Александр вновь начал погружаться в пучины киберпространства, переключившись на мироощущение, получаемое посредством установленных в имплантах кибернетических модулей.

Холодный, источающий ровный фон ледник. Теплая, по сравнению с ним, кора планеты, от которой исходит аура термальной энергии. Змеистые, ветвящиеся трещины, — по ним теплый воздух поднимается вверх, создавая сложную сетку пульсирующих, кривых линий.

На первый взгляд кажется, что вокруг на многие сотни километров простирается пространство, не затронутое деятельностью человека… но на самом деле в успокаивающем, убаюкивающем фоне естественных для Эригона энергий крылось нечто чуждое, по-прежнему воспринимаемое на уровне подсознательной тревоги, не имеющей конкретного материального источника.

Что это значит? — Мысленно спросил себя Александр. Он стал внимательнее сканировать окрестности, стараясь получить не общую картину, а детально рассмотреть отдельные участки ледника. Мнемонические способности и определенная практика позволяли манипулировать собственным восприятием, внутренний взор уподобился узко сфокусированному лучу, Трегалин утратил глобальное видение, но зато теперь досконально изучал произвольно избранные фрагменты окружающей действительности, воспринимая их на уровне энергий.

Обычно для подобного сканирования требовались сверхмощные аппаратные комплексы, зачастую работающие исключительно во взаимодействии с нанопылью — высокотехнологичными микрочастицами, заранее рассеиваемыми над интересующими участками пространства, способными проникать в мельчайшие трещины, свободно перемещаться под воздействием воздушных потоков, передавая при этом детальную информацию об окружающем.

Разум мнемоника успешно замещал тонны аппаратуры. Человеческий мозг, получая данные от несвойственных для него органов восприятия, тем не менее, успешно обрабатывал их, преобразуя в абстрактные, но легко распознаваемые визуальные образы. Конечно струящийся, пульсирующий поток, похожий на знойное марево над разогретым асфальтом, отражал имеющие место физические процессы на уровне визуальной абстракции, но, научившись правильно читать возникающие в сознании образы, каждый мнемоник, по мере накопления личного опыта мог с точностью определить вид наблюдаемой энергии, охарактеризовать ее свойства, или точно обрисовать физическое тело, «подсвеченное» энергетическим

воздействием.

Именно так формировалось восприятие ледовых масс, возникало видение сложной сетки пронизывающих ледник трещин или скрытых от глаза полостей.

В данный момент Трегалин сканировал окружающие вездеход массы льда. В поле его внутреннего зрения попала одна из многочисленных трещин, необычная своей протяженностью, — то расширяясь, то сужаясь, она пронзала толщу ледника, выходя на поверхность множеством мелких ответвлений, так называемых «воздушных гейзеров», образующих коварные поверхности непрочного, ноздреватого льда.

Изображениями выходящего на поверхность теплого воздуха, снятого посредством специальной аппаратуры изобиловали иллюстрированные журналы, рекламирующие красоты Эригона. В иных условиях Трегалин мог бы часами любоваться феерическим зрелищем, но сейчас, внимательно присмотревшись к сложной сетке трещин, он вдруг заметил, как она внезапно начала бледнеть, терять контрастность, создавалось ощущение, будто от поверхности ледника к недрам движется некая сила, тщательно маскирующая собственное перемещение.

Теперь все внимание Александра переместилось к поверхности ледовых масс, где тускнела естественная конфигурация многочисленных тепловых гейзеров, а на их месте начал смутно проступать контур вертикально тоннеля, имеющего правильную геометрическую форму цилиндра, что выдавало искусственно созданный проход, ведущий от поверхности к первому расширению трещины.

Одно восприятие накладывалось на другое, создавая иллюзию двойственности сознания, — как не концентрируй внимание, фантомная сетка мелких трещин по-прежнему доминировала, на ее фоне контур тоннеля казался призрачным, нереальным, едва заметным, но факт его наличия уже был вывялен, и Александр понимал, — не тоннель является фантомным, а именно трещины. Кто-то маскировал свое продвижение вглубь ледника, создавая иллюзию, способную обмануть любой сканирующий комплекс, но только не мнемоника.

— Иван Андреевич, у нас проблемы. — Едва слышно произнес Трегалин, продолжая наблюдение. — Сюда движется мощный вездеход, способный прокладывать тоннель диаметром порядка пятидесяти метров.

— Курс? — Сухо и немного нервно уточнил Кирсанов.

— Пока идет вертикально вниз. Я ощущаю слабую гравитационную аномалию, — работу антиграва не замаскировать тепловым излучением восходящих потоков воздуха. Они скрывают работу инфракрасных лазеров,

не более… На борту как минимум двое мнемоников. Они поддерживают фантомную картину целостности ледовых масс. Ни один сканер не выявит их продвижения. И еще… Хоть аппарат и прикрыт мнемонической защитой, мне удалось считать опознавательные маркеры. Он принадлежит корпорации «Новый Свет».

Иван Андреевич мрачнел с каждым услышанным словом.

— Это являлось источником тревоги? — Наконец спросил он, усилием воли подавив эмоции.

— Да. Теперь я уверен. — Сглотнув, кивнул Александр. У него на лбу от напряжения выступили бисеринки пота.

— Как далеко от нас?

— В трех километрах по прямой.

— Мы пересекаемся курсами?

— Да. Я не выставлял маскирующей защиты и нашу сигнатуру легко отследить.

Решение следовало принимать немедленно.

— Так, Саша, надеваем защитные костюмы, берем минимум припасов, снаряжения и уходим. Срочно. Ты сможешь обеспечить прикрытие?

— Да. Но куда мы направимся?

— В ближайшую из пещер. Туда, где есть сильное излучение фонового тепла.

— А тоннельный вездеход?

— Наш? — Переспросил Кирсанов.

— Нет, тот, который двигался со стороны посадочной площадки и буровых.

— Не знаю. Кто бы не находился на его борту, исчезновение сигнатуры говорит само за себя. Человек или люди, управлявшие вездеходом, тоже заметили опасность и приняли меры.

— Логично. Одного я не понимаю, откуда вдруг здесь взялись люди с мнемоническими способностями?

— А ты попробуй рассудить здраво. — Зло ответил Иван Андреевич, помогая Александру экипироваться. — Сначала происходит катастрофа в районе посадочной площадки, затем ты воспринимаешь присутствие мнемоников, причем из состава разных групп, которые всячески пытаются укрыться от внимания противоположной стороны.

— И какой вывод я должен сделать?

— Таких совпадений или случайностей не бывает. — Сухо и даже резковато ответил Иван Андреевич. — Мы с тобой совершили уникальное

открытие, и, судя по всему, произошла мгновенная утечка информации. Остальное можешь представить сам. За нами пристально наблюдали с самого начала экспедиции, иначе не объяснить ту оперативность, с которой произошла реакция на сделанную нами находку.

— То есть катастрофа не случайность, а спланированная акция? Нападение?

— Думаю — да. Мы с тобой сейчас находимся в незавидном положении. Кто-то решил присвоить плоды наших поисков. Не сомневаюсь, что нас с тобой постараются убрать, как нежелательных свидетелей.

— Смысл? Разве в институте археологии не знают…

— Нет. — Прервал его Кирсанов. — Официально я в отпуске. Пока хватятся, начнут выяснять, пройдет изрядное время.

— А ваш знакомый из штаба флота? Тот, кто рекомендовал использовать мнемоника?

— На него вся надежда. Я вовсе не был уверен, что мы обязательно отыщем артефакты. Он осведомлен о цели экспедиции, но ничего не знает о предполагаемых сроках. Я пообещал ему сообщить, как только мы обнаружим что-то заслуживающее внимания. Не успел.

— Скверно. — Трегалин проверил экипировку Ивана Андреевича, и открыл люк машины.

— Я запускаю автопилот вездехода. Пока поймут, что к чему, мы успеем спуститься по трещинам. Фоновое тепло будет маскировать нас.

— Полагаюсь на твой опыт. — Ответил Кирсанов. — Нужно укрыться от преследования и, как минимум выяснить, кто наш противник. А затем найти способ выйти на связь с Обитаемыми Мирами.

Трегалин проводил взглядом удаляющийся вездеход, который вновь включил тепловые лазеры, отчего тоннель тут же заволокло паром, и, найдя подходящую трещину, ведущую в нужном направлении, а именно, — вниз к теплым озерам и анфиладе подледных залов, образовавшихся на границе льда и земной тверди.

— Сюда Иван Андреевич. Вам придется страховать меня. Я переключаюсь на мнемоническую защиту, и могу неадекватно реагировать на мелкие изменения окружающей обстановки.

— Не волнуйся. О тебе я позабочусь. — Кирсанов ответил спокойно и уверенно, словно рискованный спуск по узким ледовым расселинам являлся для него обычной практикой. — Сосредоточься на защите от обнаружения, все остальное пусть тебя не волнует. Я включу канал телеметрии, и буду управлять сервомускулами твоего скафандра.

— Хорошо. — Ответил Александр. Он заметил разительную перемену в поведении Кирсанова, но сейчас не было времени задавать вопросы. — Все, я переключаюсь на импланты.

* * *

Недра ледника.

То же время…

Если бы Герда догадалась извлечь кибермодули из имплантов незнакомца, они оба были бы обречены. Но она не решилась даже взглянуть на них, не то, что удалять из гнезд…

Спасенный ей человек по-прежнему пребывал в состоянии беспамятства. Возможно, последствия катастрофического крушения аварийного модуля сказывались бы еще долго, но в истерзанный шоковыми ощущениями разум внезапно проникло внешнее воздействие. Прессинг постепенно усиливался, по мере того как вездеход под управлением Герды приближался к незримому для приборов и человеческого глаза эпицентру аномальной области. В отличие от сканирующих комплексов машины рассудок незнакомца воспринимал угрозу на уровне подсознания.

Он еще не очнулся, но процессы, нарастающие, будто снежная лавина, уже захлестнули травмированное сознание, вызывая машинальную реакцию самозащиты.

Даже пребывая в беспамятстве, он ощущал близость мнемоников и инстинктивно сопротивлялся их воздействию, начиная выстраивать глухую стену мнемонической защиты.

Герда в первый момент не поняла, что случилось. Вездеход, только что пробивший стенку небольшой естественной полости, от которой вниз вела широкая трещина, вдруг остановился. Панели автопилотов на миг осветились зловещей аварийной индикацией и отключились, вслед погасли системы инфракрасных лазеров, за ними, без всяких внешних команд, подсистема управления реактором выдала сообщение о сбое.

Питание в кабине отключилось, моргнули и погасли экраны, лишь тусклый, желтоватый свет одинокого плафона, подключенного к автономному источнику энергии, осветил темные панели пульта.

Герда не успела ни испугаться, ни толком разозлиться. Она вообще не понимала, что происходит, подобный *глобальный* отказ оборудования она наблюдала впервые в жизни.

Словно чья-то воля злонамеренно лишила надежную машину энергии, управления, способности воспринимать команды человека и подчинятся

им.

Герда не сразу догадалась, что стало причиной подобного сбоя, затем в ее голове вдруг промелькнула мысль: *такое вполне мог бы совершить мнемоник или кибрайкер*.

Иного разумного объяснения внезапному отказу надежной, проверенной автоматики она не находила.

Отстегнувшись от кресла, Герда встала, решительно направившись в грузопассажирский отсек.

К ее немому изумлению незнакомец все еще пребывал в состоянии беспамятства; она неосознанно, машинально протянула руку и едва не взвизгнула от страха, отпрянув, когда он, будто почувствовав ее движение, внезапно открыл глаза.

Проклятье… Сердце бешено, неравномерно билось в груди, по спине скользнул неприятный холодок.

Он лежал и смотрел на нее, сначала затуманенным, настороженно-удивленным взглядом, затем постепенно его зрачки сузились, принимая осмысленное, колючее выражение, потом в них промелькнула искорка беспокойства, и, наконец, его губы шевельнулись, выдавливая хриплую, давшуюся с неимоверным усилием фразу:

— Ничего… не трогай… Иначе нам… смерть…

Герда сумела подавить бесконтрольную, гулявшую вдоль спины дрожь и ответила:

— Не трогать что? Аппаратуру вездехода?

Он слабо кивнул в ответ, на миг бессильно прикрыв глаза.

— Нас… ищут…

— Нас? — Переспросила Герда. — Кто ищет?

— Корпы…

— На радарах ничего не было. — Она поджала губы, не понимая, верить ему или нет?

— Их прикрывают… Мнемоники… — Его прерывистый шепот казался Герде обжигающим. — Я их чувствую… Ты должна мне верить…

— Верить? С какой стати?!

Некоторое время он пристально смотрел на нее, затем тихо, с явным усилием произнес:

— Я кибрайкер…

— Шутишь? — Герда совершенно запуталась в своих мыслях, предположениях, ей было непонятно, почему он так спокойно выдал собственную сущность, ведь, насколько она знала, кибрайкеры отличались крайней осторожностью и подозрительностью. Закоренелые

индивидуалисты, они не доверяли никому и ничему, строго храня свое инкогнито…

Казалось, он в точности прочитал ее мысли, разгадал смятение, и ответил уже более твердым голосом:

— Ты должна мне верить. Я воспринимаю мир иначе, чем большинство людей. У меня нет тщетных надежд и иллюзий. За мной идет охота. Ты помогла мне и обрекла себя на гибель. Мнемоники не прощают тех, кто укрывает кибрайкеров…

— Но я не знала, кто ты на самом деле! — Герду уже перестала пугать неожиданная ситуация, напротив, слова кибрайкера вызывали протест. — С каких это пор откликнуться на сигнал бедствия равносильно преступлению?!

— Ставки слишком высоки… — Ответил он. — Ты действительно не знала, во что ввязываешься, помогая мне?

— Повторяю: я откликнулась на сигнал бедствия. Твой модуль падал, что еще мне следовало предпринять? Сидеть и смотреть?

— Ты включила посадочный луч, верно?

— Да. И звено «Х-страйкеров» уничтожило башни диспетчерского контроля, а вместе с ними и единственную на тысячи километров вокруг посадочную площадку!

— Мне жаль… — Голос кибрайкера прозвучал хрипло, надсажено, словно он сорвал его, пытаясь докричаться до невидимого оппонента. — Как тебя зовут?

— Герда…

— А меня Герберт… — Он на секунду умолк, а потом добавил: — Герберт Хайт. Теперь ты знаешь обо мне очень много.

— Можно подумать, что я услышала твое настоящее имя. — Недоверчиво пожала плечами Герда. — Я тоже не вчера родилась.

— Кибрайкеры не люди, да? — Внезапно ощетинился он.

— А что я должна думать? Моя жизнь — вот все что у меня осталось. Остальное уничтожено. По твоей милости, между прочим.

— Не надо так говорить. У любого человека в любой ситуации всегда есть выбор. Знай ты, что на борту падающего модуля находится кибрайкер, то не включила бы аппаратуру посадочного луча?

Герда нахмурилась…

Она не была готова к подобному вопросу. Герберт несколькими фразами внезапно завел ее в мысленный тупик. Если не кривить душой, то, наверное, он прав. Только Герда не привыкла к общению с откровенной прямотой, обычно люди предпочитали завуалировать ситуацию,

переталкивать вину, мысленно жалея и оправдывая только себя.

— Да, я поступила, как считала нужным. — С вызовом в голосе ответила она. — На принятие решения оставалось слишком мало времени. Наверное, знание о том, что на борту находиться кибрайкер, ничего бы не изменило.

— Спасибо…

— Издеваешься? — Ее глаза настороженно блеснули.

— Нет. Просто я уже привык, что в жизни каждый сам за себя…

— Ладно… — Она вздохнула. — Случившегося уже не вернешь. Что нам теперь делать? Что за игра идет, объясни? Почему ты использовал слово «ставки»?

Герберт ответил не сразу. Ему было над чем задуматься. Дурнота понемногу отпускала, он остался жив, и это уже стоило всех перенесенных злоключений. *Но что станет со мной, скажи я правду?* — задал себе Хайт мысленный вопрос. Судя по ощущениям и последним воспоминаниям, они находились сейчас вдали от цивилизации, а сидящая рядом девушка действительно потеряла все, только потому, что попыталась ему помочь. Хватит ли у нее выдержки, самообладания, если рассказать об истинной причине аварийной посадки модуля?

С одной стороны он был и оставался самим собой: человеком без иллюзий, практического склада мышления со своими понятиями добра и зла, выработанными в контексте нелегкого, приобретенного с болью и лишениями опыта, который подсказывал, — тебя никто не поймет, Герберт, единственный на кого можно положиться — ты сам, остальные предадут, рано или поздно… Но с другой стороны, он понимал: что-то, если не надломилось, то, по крайней мере, деформировалось в законченной системе мироощущения, еще во время рокового падения, когда надежда на благополучный исход уже истаяла, а призрак смерти навязчиво маячил перед мысленным взором. Он вспомнил, как падал, без надежды на спасение, горько, запоздало осознавая, что вел себя слишком рискованно, самонадеянно, и поплатился за это… Невозможно забыть, или отбросить в сторону чувство невероятного облегчения, охватившее его в тот миг, когда заработали генераторы посадочного луча, и падающий модуль начал выравниваться, следуя спасительным указаниям системы наземного позиционирования.

Судьбе было угодно, чтобы он выжил, — сидящая рядом, симпатичная, но немного нескладная девушка, в чьих глазах сейчас читались боль и отчаянье, спасла его и во второй раз, придя на помощь, когда врезавшийся в ледник модуль начал медленно тонуть в озере талой

воды… Герберт мог восстановить ситуацию буквально по секундам, — его импланты не теряли связи с автоматикой вездехода, контролируя не только энергосистемы машины, но и технические модули памяти, где хранилась подробная информация о событиях последних часов.

Тяжелый выбор для кибрайкера. Он привык не доверять людям, полагаться лишь на себя, жестокость мира он обращал в свою пользу, везде ища и находя личную выгоду, без оглядки на последствия… или напротив, его жестокость возвращалась с торицей, и мир просто платил кибрайкеру его же монетой?

Вот оно — одно из последствий его поступков. — Взгляд Герберта скользнул по бледным чертам лица Герды, читая в них муку и отчаянье. И что теперь? — Издевательски спросил внутренний голос. — Распустишь слюни? Дашь себя прикончить мнемоникам «Нового Света»? Расскажешь правду в порыве благодарности и получишь в ответ заслуженную ненависть?

Хайт впервые с той поры, как вырвался из реабилитационного центра и начал самостоятельную жизнь, не находил однозначного ответа на внутренние вопросы. До сегодняшнего дня мир казался ему простым и понятным. Все ненавидели, боялись таких как он, не понимали и не желали понять, вешали без разбора ярлыки, шли на поводу у фобий, рожденных много лет назад, когда на Окраине орудовали первые кибрайкеры. Если разбираться беспристрастно, то Герда была первой, кто по-настоящему, бескорыстно протянул ему руку помощи, и, следовало отдать должное, — она не отшатнулась, когда он сообщил, кем является на самом деле.

Нужно решать, что делать дальше. Сейчас. Немедленно…

Может быть, из правила все же существуют исключения? — Он исподлобья посмотрел на Герду, и вновь опустил глаза.

Слабая надежда… Ты тешишь себя иллюзиями, Герберт, очнись, — настоятельно советовал внутренний голос. — В третий раз Герда уже не станет тебя спасать, потому что ей будет в точности известно — кто именно повинен в случившемся. Сейчас она проклинает пилотов «Х-страйкеров», не понимая, что истинный виновник ее личной трагедии — ты.

Хайт еще ни разу не сталкивался с подобной ситуацией. Он привык ощущать вокруг себя моральный вакуум, и действовать при таком мировосприятии было в тысячи раз легче, чем сейчас, когда рядом сидела едва знакомая ему девушка…

Ну же, Герберт, очнись!.. Используй ее, как использовал ранее многих, ничего не подозревающих людей. Одним грехом меньше, одним больше, какая тебе разница? Расскажи ей о мнемониках, об их ненависти к

кибрайкерам, прикинься пострадавшим, и ты получишь союзника…

…Пауза в их разговоре неоправданно затягивалась. Герда, погрузившаяся в свои безрадостные мысли, в какой-то момент словно очнулась, вопросительно посмотрев на Хайта.

Нужно было что-то ответить ей.

У каждого человека, в любой ситуации, есть выбор… — Вспомнил Герберт свои же слова.

Заморочить ей голову будет не так легко, как думается. Взгляд девушки, не смотря на навернувшиеся слезы, оставался проницательным, она, вероятно, тоже прошла нелегкий жизненный путь, добиваясь всего сама.

Герберт чувствовал, — он начинает проигрывать схватку со своей, не ко времени очнувшейся совестью. А что даст мне ложь? Положение и так — хуже некуда. Потерять единственного союзника просто, а вот что случиться потом? Как я сумею выбраться отсюда, но, даже если мне удастся ускользнуть от мнемоников «Нового Света», как буду жить дальше? Забуду ее? Стану врать самому себе, делая вид, что не понимаю: не окажись здесь, среди льдов необитаемого материка, Герды, я бы уже дважды был мертв… Вернее второй смертельной ситуации попросту бы не наступило, — не включи она посадочный луч, сейчас ледяной ветер носил бы мой прах вместе с поземкой, потому что после крушения не успевшего совершить маневр снижения модуля не осталось бы ничего, кроме окалины и пепла…

— Герда… — негромко произнес Герберт, с болезненным усилием поменяв позу, — теперь он не полулежал в кресле, а сидел, мрачно глядя в пол грузопассажирского отсека. — Я должен тебе кое-что рассказать.

— Ты о мнемониках?

— Нет. — Хайт понимал, что с точки зрения своего прошлого жизненного опыта совершает чистой воды безумие. — Я хочу, чтобы ты знала, откуда в системе Эригона взялись «Х-страйкеры» корпоративного флота, и почему они без колебаний атаковали твою посадочную площадку.

Герда внимательно взглянула на него, потом почему-то покачала головой, будто отвечала сама себе на не высказанное вслух сомнение, а потом спросила:

— После не пожалеешь?

— Может и пожалею. — Невесело усмехнулся Герберт. — Но ты, как я вижу, и так о многом догадываешься, верно?

— Ты кибрайкер. — Заметила она. — И этим многое сказано. Развей мои домыслы, если я не права. Хотя не знаю, нужно ли? Может быть мне

лучше ничего не знать?

— Нет. Лучше я расскажу. Нам обоим грозит сейчас одинаковая опасность, и нет никаких гарантий, что тебе или мне суждено выбраться из этой передряги. Прошу лишь — не суди сгоряча. Возможно, ты сумеешь простить, если не логику моих действий, то хотя бы их корыстный мотив.

— Простить? — Герда не скрывала своего удивления. — Не понимаю, о чем ты?

— Это я, по своей оплошности допустил появление в системе Эригона сил корпоративного флота… Я рисковал, пытаясь получить выгоду, и совершенно не принимал в расчет тех, кого потенциально подставляю под удар своими действиями.

— Значит, я не ошиблась… — Прошептала она. Горькая усмешка некрасиво исказила губы девушки. — Что ж, продолжай… Меня теперь, наверное, ничто не способно разозлить. Я уже потеряла все, что можно потерять.

— Кроме самого главного — жизни. — Напомнил Герберт.

— Мы собирались поговорить о случившемся. — Напомнила ему Герда. — Давай, я жду.

— Хорошо. Я не стану тебе лгать. Расскажу все, как было. Только ты не спеши с выводами, ладно?

— У меня такое впечатление, что ты сейчас торгуешься. Это обычная практика кибрайкеров?

— Я же просил, не суди до срока!

— Тогда не тяни. Говори все как есть, а там посмотрим.

* * *

Когда он завершил короткий рассказ, Герда сидела, не шелохнувшись, словно окаменела, или превратилась в статую изо льда.

Герберт успел десять раз пожалеть о своем необдуманном порыве откровенности.

— Значит, ты заранее приговорил Кирсанова и Трегалина? — Наконец произнесла Герда, подняв голову и тяжело взглянув на кибрайкера.

— Это, как сложилось бы.

— Не привык заранее думать о таких мелочах, как человеческие жизни, верно?

— Я рассказал тебе правду.

— Зачем?

— Чтобы ты поняла, нам сейчас выгоднее держатся вместе. Сделанного не вернешь, а группа, посланная меня «зачистить», не будет

оставлять свидетелей своего пребывания на Эригоне. Со мной у тебя есть шанс выжить. Без меня — нет. Это еще одна сторона правды.

Она сначала промолчала, но потом, пересилив себя, все же спросила:

— А ты нуждаешься в моей помощи? Или это внезапный приступ жалости?

— Вдвоем нам будет легче. В случае если нас настигнут. — Сглотнув, уточнил Герберт. — Я не смогу сражаться в реальном мире и в киберпространстве одновременно.

— Не воображай, что я стану кого-то убивать ради тебя! — Почти с ненавистью выкрикнула Герда.

Хайт умолк, сокрушенно покачав головой.

— Хорошо. — Наконец, так же, через силу, выдавил он. — Ты не будешь никого убивать. Думай обо мне что угодно. Но хотя бы разумный совет примешь?

Герда медленно подняла взгляд.

— Ну?

— Нам нужно уходить. Немедленно.

— Что? Бросить вездеход?!

— Да бросить вездеход и уходить. По трещинам, вниз, в пещеры. Там, возможно, сумеем отсидеться. — Он увидел, как глаза Герды вспыхнули недобрым огнем, и добавил: — Пойми, иначе — смерть. Я не шучу и не преувеличиваю.

Она встала, резко, с чрезмерным усилием толкнула вверх панель облицовки, которая глухо прошла по направляющим, с хрустом ударив в ограничители, затем вытащила из открывшейся ниши исследовательский гермокостюм с компенсатором тяготения, и почти бессильно произнесла:

— Переодевайся.

* * *

— Кибрайкер жив. — Хмуро произнес Липатов. — Одна сигнатура исчезла, второй сигнал от вездехода — пустышка. Он движется на автопилоте. На борту никого нет.

— Верно. — Подтвердил Сергей Поречин, второй по опыту мнемоник группы. — Если предположить, что на автопилоте ушел вездеход Кирсанова, то он и Трегалин начали спуск вниз, в пещеры. Исчезновение второй сигнатуры означает, что нас обнаружил кибрайкер. Только он мог прикрыть защитой машину, появившуюся со стороны посадочной площадки. Что будем делать Джордж?

— Времени в обрез. — Липатов повернулся. — Парни, вам придется

действовать самостоятельно. — Обратился он к пилотам «X-страйкеров». — Спускайтесь вниз и прибейте всех, кого обнаружите.

— Зачем разделяться? — Командир звена, которого с пол часа назад подобрали после катапультирования, зло сверкнул глазами.

— Остынь. — Прервал его Липатов. — Уничтожение кибрайкера изначально являлось задачей твоей группы. По-моему распоряжение де Ритторена трудно истолковать двояко? Истребители могут действовать и на полном автомате, не так ли? А вас, насколько я понимаю, специально готовили для подобных акций? Два в одном? Да еще и не имплантированные. — Он недобро посмотрел на командира наемников и добавил, плохо скрывая свою неприязнь. — И кибрайкер, и мнемоник и остальные — археолог с эригонкой — ваша проблема! Мы двигаемся к артефакту и нас своя задача.

Несколько секунд они сверлили друг друга взглядом.

— Ладно!.. — Командир группы наемников встал, но рука, готовая закрыть забрало боевого гермошлема остановилась на полпути. — Я вернусь, Джордж, и мы еще поговорим.

— Дело сначала сделай. — Брезгливо обронил Липатов, не отреагировав на угрозу.

* * *

Спустя час неимоверная усталость уже стирала ненависть, она гасила чувства, как порыв ледяного ветра задувает трепетное пламя свечи…

Привал. Очередные сто метров спуска пройдены, ноги и руки гудят от напряжения, в голове звон.

Хайт, чтобы не выдать превысившей всякие пределы усталости, оперся спиной о ледяную стену и хрипло спросил:

— Герда, у тебя есть дети?

— Нет.

— Жаль, и у меня нет… — Вздохнул Герберт, чувствуя, как дыхание понемногу выравнивается и слова уже не обдирают горло, как минуту назад.

— К чему ты вдруг заговорил о детях? — Спросила Герда, выдергивая страховочный трос, который, вырвав из вертикальной стены многоразовые крепежные приспособления, с равномерным, стылым позвякиванием собирался у ее ног в коническую горку.

— Да так… — Хайт оторвался от стены, сделал несколько шагов и присел на выступ прозрачного льда. — О детях я вообще-то часто думаю. Представляешь, каждый ребенок — Вселенная. Он рождается и начинает

жить, его разум расширяется как протогалактики после Большого Взрыва, — с каждым прожитым часом, минутой, он знает все больше, его личная Вселенная все шире…

— Да ты философ? — Полувопросительно произнесла Герда, приступая к сматыванию металлопластикового троса в специальную плоскую бухту, куда тот укладывался посекционно.

— Нет. — Герберт откинул забрало гермошлема, и вдохнул холодный, чуть горьковатый воздух подледного уровня. — Просто в корпоративной школе нас заставляли постоянно визуализировать каждую мысль. Это одно из важнейших условий подготовки кибрайкера. Чтобы успешно действовать в сети, нужно уметь представить любое явление в понятной для тебя форме, не искажая при этом его смысла. Разум ребенка, — это Вселенная. Только что родившаяся Вселенная, находящаяся в процессе расширения и самопознания.

Герда задумалась. А ведь он прав. Можно ли подобрать более точное определение? Наше восприятие мира действительно формирует в разуме каждого человека субъективную вселенную восприятия окружающего мира. От того, каким человек видит, чувствует окружающий мир, напрямую зависит, какой в конечном итоге станет его неповторимая, уникальная личность.

Герда присела рядом с Гербертом.

— Ты был лишен нормального детства?

— Да. Только не подумай, что я хочу тебя разжалобить. Просто большинство людей ничего толком не знает о кибрайкерах. Моя вселенная не родилась, не росла, — мне ее дали, заставили принять, выучить, а потом, уже спустя годы, за эту дарованную данность пришлось платить. Почему я спросил о детях? Мне просто хочется иметь сына или дочь.

— А я вот никогда ни о чем подобном не задумывалась, — неожиданно вздохнула Герда. — Жила себе, как жила. Все мужики либо инопланетники, либо опустившаяся, продавшаяся на потеху туристам толпа, такая серая, безликая, что в ней и искать-то некого. — Она встала, протянула Герберту руку. — Пойдем, немного уже осталось.

— Можно спросить: немного до чего?

— До пещер. Ты разве не воспринимаешь структуру ледника своими имплантами?

— Сейчас нет. — Признался Герберт. — Все силы уходят на маскирующее прикрытие.

Герда остановилась, взглянула ему в глаза.

— Устал?

— Смертельно… — Герберт не стал лгать, а попытался улыбнуться потрескавшимися, пересохшими губами. — Я знаю ты сильная. И тяготение тебе нипочем. Только не дам себя нести. Даже не думай. Сам дойду.

— Ты что мысли читаешь? — Мгновенно напряглась Герда.

— Нет. Просто ситуация предсказуемая.

— Ладно. Тогда не отставай.

* * *

Недра ледника.

На границе с корой планеты…

Пещеры они достигли спустя три часа после начала рискованного спуска.

Здесь действительно нашлось укрытие, и не только от сканеров, но и от «внутреннего взора» мнемоников, однако и Кирсанов и его спутник особых поводов для оптимизма не находили. Они по-прежнему помогали друг другу, но между ними возникло незримое, и не совсем понятное отчуждение, как будто по мере спуска они погружались в зону неясных теней, угнетающе воздействующих на психику.

— Я много не понимаю, Иван Андреевич. — Трегалин очень устал после спуска, но, тем не менее, нашел в себе силы, чтобы начать разговор.

— Ты о чем, Саша?

— О нашем положении.

Кирсанов нахмурился.

— Что ж, давай его обсудим. Хотя мне не совсем нравится твой тон. Ты хочешь меня в чем-то упрекнуть?

— Честно говоря, ссориться у меня желания нет. — Ответил Александр. — Но некоторые моменты нужно прояснить.

— Что именно? Конкретизируй?

— Группа вторгшихся на Эригон мнемоников принадлежит к корпорации «Новый Свет». — Произнес Трегалин, тщательно подбирая и взвешивая каждое слово. — Пока мы спускались, я не только обеспечивал защиту, но и вел постоянное пассивное сканирование. Многое удалось выяснить. Час назад я недвусмысленно доложил, что они повернули, теперь тоннель прокладывается по диагонали, и выйдут они непосредственно в пещеру с артефактом. Тем не менее, мы продолжили спуск. Зачем, если непосредственная угроза миновала?

Иван Андреевич как раз отыскал подходящий валун недалеко от

кромки воды, и снял часть походной амуниции. Разминая мышцы, он сделал несколько маховых движений руками, затем присел, убрав мощность компенсатора тяготения на минимум, чтобы понапрасну не тратить энергию прибора, а затем ответил, усаживаясь на отдых:

— Да, Саша, отчасти ты прав. — Кирсанов снизу вверх посмотрел на своего напарника. — Не маячь, как немой укор моей совести. Присядь, займись делом, кофе свари.

Трегалин молча подчинился, хотя последние фразы, произнесенные не характерным для Кирсанова, каким-то сварливым тоном, еще больше насторожили его. Он так же присел на валун, с наслаждением вытягивая ноги. После спуска по узкой расселине без специального оборудования, при полуторном тяготении, он был измотан до предела, но старался держаться бодро.

— Ты спрашиваешь, почему мы сейчас прячемся, вместо того, чтобы вернуться к изначальному плану и предпринять поиски Герды Клейн? Это единственный вопрос, который тебя тревожит?

— Нет.

— Ладно. Давай по порядку. Скажу честно, я не предполагал, что у нас вообще возникнут проблемы. О сроках и целях экспедиции не знали даже в институте. Официально я сейчас в отпуске. Да, я прекрасно все слышал и понял, когда ты сообщил, что группа мнемоников повернула к пещере с артефактом. И разговор этого, «Липатова», если не ошибаюсь, с командиром звена «Х-страйкеров», которые ко всему прочему оказались специально подготовленными боевиками, натасканными на уничтожение мнемоников, говорит о многом. Ты молодец, Саша, что сумел перехватить его, вот только выводы сделал неправильные.

Александр лишь покачал головой в ответ. В его понимании ситуация не поддавалась двоякой трактовке. Идет скрытая высадка корпоративных сил на Эригон. Откуда они узнали о сделанном открытии, — конечно, вопрос, но в перехваченном разговоре Липатова с командиром группы специального назначения, прозвучало упоминание о некоем кибрайкере, которого следовало уничтожить.

Иван Андреевич как будто прочитал его мысли.

— Мнемоники «Нового Света», говоришь? — Кирсанов как-то вдруг осунулся, он чувствовал себя прескверно, но дрожь, охватившая его, не имела ничего общего с холодом или страхом. — Не все так просто…

— А что тут сложного? Я и сейчас чувствую их! В конце концов, техника, которой они пользуются, имеет четкую маркировку корпорации!

Кирсанов досадливо поморщился.

— О каких чувствах сейчас может идти речь?! — С внезапной резкостью переспросил он. — Александр, очнись! Информацию нужно уметь анализировать! Эмблема «Нового Света» тебя убедила? Или в ментальной ауре мнемоника зашифровано его имя, и заодно название корпорации, на которую он работает?

— Я передал вам перехваченный диалог. Там упоминалось имя Фредерика де Ритторена, настоящего владельца промышленной империи.

— Неужели тебя так легко обвести вокруг пальца? — Кирсанов порывисто встал, сервоусилители мускулатуры его скафандра нервно взвизгнули, компенсируя тяготение Эригона. — Хорошо. Ты веришь своим ощущениям, я понимаю. Однажды, много лет назад, я спросил: на что способен человек, которому подвластны кибернетические системы? Мне отвечал вполне компетентный специалист, и он сказал буквально следующее: «Такой человек может все. Но его сознание уязвимо. Он начинает безоговорочно верить тому, что получает мнемоническим усилием, считая, что в процессе получения информации его рассудок уже отсеял зерна истины от плевел домыслов. Подобная самоуверенность погубит многих из них».

— На что вы намекаете? — Сухо спросил Трегалин.

— Ты не проанализировал свои выводы. Это ошибка. Грубая ошибка, цена твоей самоуверенности. Извини, звучит резко, но правильно.

Александр промолчал. Казалось, он слушает Кирсанова, но не слышит его.

— Почему тебе удалось перехватить разговор? — Продолжил развивать свою мысль Иван Андреевич. Со стороны казалось, что сейчас он не столько обращается к Трегалину, сколько спорит с самим собой. — Как мнемоники корпорации допустили такую оплошность? Зачем два командира групп станут во всеуслышание оглашать имя Фредерика де Ритторена?

— Не знаю… — подумав, был вынужден ответить Трегалин. — Но я действительно слышал их разговор!

— В таком случае ответь, как вообще о нашей с тобой находке стало известно посторонним?

На некоторое время наступила неловкая пауза, затем Александр глухо произнес:

— Вы подозреваете меня?

— Нет. Тебе я доверяю. Но хочу слышать разумные рассуждения, а не поверхностные выводы. Ты обучался в корпоративной школе, тебе прививали определенные навыки, приемы работы, ты лучше меня знаешь

современную систему, на которую опирается сегодняшняя власть на Окраине. Давай рассуждать вместе. Разве Фредерик де Ритторен глупец? Допустим, он получил информацию, — о ее источнике поговорим позже, — как он стал бы действовать?

— Быстро и скрытно.

— Именно. Не выставлять напоказ логотипы корпорации, а напротив, всячески скрывать причастность «Нового Света» к любым действиям, которые могут быть инкриминированы в последствии.

— Мы спустились сюда не затем чтобы прятаться. Нам нужно остановиться и подумать. Собрать все имеющиеся данные и сделать единственный правильный вывод. — Спустя некоторое время продолжил Кирсанов. — Нет в нашей ситуации права на ошибку!.. Пока мы летели сюда, я беседовал с Гердой. Не буду скрывать, речь шла о целях нашей экспедиции. И это тоже придется принимать во внимание, неважно нравится подобная трактовка или нет. Она, этот невесть откуда взявшийся кибрайкер, мы с тобой — все в оглашенном Липатовым списке на уничтожение. Это с одной стороны. С другой — кто мог предоставить руководству корпорации сведения о совершенной нами находке? И третье, почему они действуют так прямолинейно? Зачем повернули к артефакту? Мнемоники могут составить представление о нем и дистанционно. А их главной задачей, исходя из логики ситуации, должно быть полное устранение свидетелей! Что-то не вяжется у меня… Твое мнение, Саша? Есть что возразить или дополнить?

— Возразить. — Ответил Трегалин. — Ваши сомнения и доводы, конечно, справедливы. Но я продолжаю воспринимать ментальную ауру той группы, что повернула к артефакту. Мнемоники, блокировавшие регион, чувствуют себя совершенно спокойно. В их действиях нет даже тени нервозности.

— Чувствуют за собой силу. — Вставил реплику Иван Андреевич. — Или же их используют «вслепую».

— Неверно. — Александр открыл забрало шлема, вдохнул холодный воздух, который отрезвлял, на время изгонял усталость, придавая бодрости. Местной микрожизни ни он, ни Кирсанов не опасались, перед отправкой на Эригон они получили иммунные прививки, создающие в организме временную блокаду, кроме того, на случай внезапных осложнений, в их распоряжении имелись метаболические импланты.[25] — Вы все же плохо знаете психологию мнемоников. Ни один сотрудник корпорации, особенно уже наработавший определенный опыт, — а дилетантов я уверен, сюда не

пошлют, — никогда не чувствует себя полностью свободным. Слишком много секретной информации им известно. Поэтому «стоящая за спиной сила», как вы выразились, не опора, а скорее угроза для жизни. Так что первый довод отпадает, вы согласны?

— Полагаюсь на твой опыт. А как со вторым утверждением?

— Использовать мнемоника, не посвящая его в детали, невозможно. Я констатирую факты, которые мне знакомы отнюдь не понаслышке. Мнемоник способен не только охранять информацию, но и получать ее. Трудно что-то скрыть от человека, которому подконтрольны все кибернетические устройства в радиусе действия передатчиков имплантов.

— То есть скрыть от мнемоника информацию невозможно?

— Ну почему? Скрыть информацию может другой мнемоник, или кибрайкер, однако при подобном раскладе специалист сразу же зафиксирует «информационный вакуум», — так мы называем чувство, возникающее при блокаде кибернетических устройств. Спокойных, уверенных действий уже не получится, мнемоник будет воспринимать помехи, почувствует себя настороженно, сковано.

— А сотрудники «Нового Света» спокойны?

— Да. Я не ощутил нервозности. Они полностью уверены в себе, а значит, осведомлены о конечных целях и способах проведения операции. По крайней мере, та группа, что блокирует ледник. Если не отмахиваться от моих ощущений, то можно допустить, — имевший место разговор, так же как и наличие опознавательных маркеров, не намеренная утечка информации, а следствие некоторой самоуверенности, которая порождает мелкие небрежности в работе, позволившие мне услышать разговор и считать маркеры. Какой смысл нас дезинформировать, если группа зачистки уже получила здание и движется сюда?

— Хорошо. Допустим. — Кирсанов вновь присел на плоский камень. — Ты о кофе забыл, Саша.

— Да, сейчас приготовлю. Но прежде чем мы станем анализировать ситуацию дальше, следует, как минимум, исключить друг друга из списка подозреваемых.

— Не понял? — Вскинул взгляд Иван Андреевич.

— Вы не сказали мне всей правды. — Ответил Александр.

На этот раз Кирсанов отреагировал достаточно спокойно. По крайней мере, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Ты знал все. И о целях нашей экспедиции, и о способах разведки, и о вероятных находках. — Не принял его обвинения археолог.

— Может быть, я неточно выразился. Пока все шло в рамках

запланированной разведки — да, информация была полной. Но как только случилось обострение, я ощутил упомянутый «вакуум».

— И где его источник?

— В вашем прошлом, Иван Андреевич. К тому же вы скрывали от меня свои мысли на протяжении последних часов. А сами тем временем готовились к конфронтации, не учитывая, что я могу и не согласиться действовать против мнемоников.

— Извини, Саша, но опять, — обвинение не принимается, — покачал головой Кирсанов. — Мои мысли, а тем более мое прошлое, — это сугубо личная, информация, и попытка ее прочтения расценивается, как вторжение в частную жизнь, верно?

— А я не пытался что-то «читать». Тем более, с вашим имплантом это практически невозможно проделать.[26] Но я и ранее ощущал периодическое включение защиты, чувствовал тот самый дискомфорт, информационный вакуум, о котором мы только что говорили.

— Хочешь знать всю правду? — Прищурился Кирсанов.

Александр кивнул, доставая походный набор термопосуды.

— Вы ведь не всегда были сотрудником института археологии, верно? Скажу больше — ваш имплант оснащен дополнительными модулями, обеспечивающими определенную мнемоническую защиту. Такие устройства — я различаю их по сигналу, — не характерны для Окраины. Они стоят на вооружении флота Конфедерации, и применяются достаточно редко. Есть еще одно наблюдение, — вы не теряетесь при резком усложнении обстановки, напротив, вас это стимулирует. Затем вы продемонстрировали мне наличие жизненного опыта, которого у археолога, пусть и выдающегося, просто не может быть.

— Хорошо. — Подумав, кивнул Кирсанов. — Но условимся сразу: никаких упреков, истерик, и прочей ерунды.

Трегалин прекратил готовить кофе, пристально посмотрев на пожилого археолога.

— Истерик вы от меня не дождетесь, Иван Андреевич, а вот правду знать желательно. — Повторил он. — Хотя бы для обоюдного спокойствия и взаимного доверия. Придумать я себе могу всякое, понимаете?

Произнеся эти слова, Александр вновь склонился к термопосуде, и через минуту уже разливал горячий, истекающий паром кофе по двум небольшим чашечкам. В качестве стола он использовал плоский камень.

— Прошу.

Кирсанов присел ближе. Достав из нагрудного кармана упаковку с

капсулами пищевого рациона, он высыпал несколько штук на ладонь, дождался пока Александр возьмет две, а затем отправил оставшиеся янтарные шарики в рот, запив их глотком кофе.

Вот такая нехитрая процедура обеда. Сил прибавляет, но желудок обмануть сложно, там хоть и прекращается выделение желудочного сока, вызывающее чувство голода, но все равно дискомфорт остается, как будто не хватает чего-то. Вообще многие ощущения у нас настолько укореняются в сознании, что избавиться от них может только человек со специальной подготовкой.

Сделав еще один глоток кофе, Иван Андреевич начал говорить:

— Ты прав, Саша, сотрудником института галактической археологии я стал сравнительно недавно. До этого мои должность и звание соответствовали адмиралу флота, но я редко носил форму. Специфика службы в особом отделе при Совете Безопасности Миров не предполагала огласки и позирования для прессы. Там же я получил некоторые усовершенствования, замеченные тобой в конструкции импланта. Дополнительные модули, кстати, переходят в особый, защищенный режим автоматически, реагируя на эмоциональную окраску моих мыслей.

— Я понял это, Иван Андреевич. Потому и не стал задираться. — Ответил Трегалин. Он не скрывал, что испытывает облегчение. Действительно, предполагать он мог все, что угодно.

— Надеюсь открывшиеся обстоятельства не вызовут между нами трений или натянутости?

— Нет, не вызовут. — Ответил Александр. — Я еще не забыл, кто разгромил сеть корпоративных школ и освободил сотни потенциальных мнемоников. Если бы не Совет Безопасности, быть бы мне сейчас по другую сторону баррикад.

— Хорошо, что это понимаешь, Саша. — Кивнул Кирсанов. — Но мы с тобой не завершили начатого разговора, перекинувшись на личности. Как ты относишься к происходящему? Я должен знать твою позицию, чтобы планировать собственные действия.

— Меня смущает только один факт, Иван Андреевич. Вы, я чувствую, склоняетесь к конфронтации, но я не уверен, что смогу без эмоций действовать против мнемоников. Они в отличие от меня подневольны в своих решения, — то есть являются заложниками обстоятельств и политики, проводимой руководством корпорации «Новый Свет».

— Понимаю. Даже если не возвращаться к вопросу о принадлежности наших противников к корпоративным силам, при любом раскладе хочу, чтобы ты знал: я лично расцениваю происходящее, как преступление.

Существуют ситуации, способные повлиять не только на конкретные судьбы, но и на ход истории, в целом. Перед нами одна из них. Действия, направленные на захват обнаруженных нами артефактов, присвоение технологий, будут иметь тяжелейшие последствия. — Тон Кирсанова стал сухим, он говорил резко, демонстрируя непреклонность. — Если мы решим отсидеться, оставшись в стороне от событий, случиться непоправимое, — отдельно взятая корпорация, или просто группа подонков, стремящихся к наживе, получит доступ к информации, которая, как я уже говорил тебе, должна принадлежать либо всем, либо никому.

— Я понимаю это. — Глухо ответил Трегалин. — Но не знаю, как можно изменить положение. Вы, наверное, плохо себе представляете, какая сила — группа мнемоников, действующих сообща. Я не смогу противостоять им и минуты.

— Но ты знаешь, как они станут действовать, верно?

— Это не секрет. Часть мнемоников обеспечивает защиту группы, от любых сторонних воздействий, в то время, как ядро из наиболее опытных специалистов, спокойно работает, выполняя текущие задачи. Надеяться на помощь извне бессмысленно. Спутниковая группировка блокирована, северный материк находиться под контролем противника, ни один сигнал не пройдет через информационную блокаду, даже метеослужбы не будут догадываться, что тут происходят какие-то события.

— Вот тут ты Саша не прав. Имеющийся у меня передатчик гиперсферных частот стоит на контроле. Понимаешь? Сейчас тестовый сигнал от него перестал поступать. В штабе флота осведомлены о нашей миссии, потому и выделили тебя мне в помощники. Поднимется тревога, для проверки сюда будут переброшены силы немедленного реагирования.

Трегалин вопросительно посмотрел на него. «Что будем делать сейчас?» — спрашивал его взгляд.

— Пока сидим тихо. — Пояснил Кирсанов. — Еще как минимум час. Даем противнику проявить себя, «увязнуть в операции». Если за указанное время блокада с региона не будет снята силами флота, начнем действовать самостоятельно. Думаю к этому времени Герда, если второй сигнал действительно принадлежал ее вездеходу, окажется где-то тут, поблизости. Она хорошо знает ледник, и будет спускаться к пещерам, где легче укрыться.

— Вы считаете, она не при чем?

— Надеюсь на это. — Ответил Иван Андреевич. — Встреча покажет. Если с ней действительно окажется кибрайкер, то постарайся удержать себя в руках, хорошо?

— Почему?

— Нам необходим максимум информации. К тому же, если прослушанный тобой разговор не дезинформация, то кибрайкер приговорен к смерти, а значит, мы временно можем считать себя союзниками. Чтобы ты знал, Саша, я собираюсь помешать мнемоникам исследовать артефакт. Все происходящее могу оценить одним выражением: преступление против цивилизации. И действовать буду адекватно.

— Не выйдет. Не взирая на защиту импланта, с мнемониками вам не совладать.

— Посмотрим. — Упрямо ответил Кирсанов. — Я готов рискнуть, ради предотвращения большой беды. Теперь ответь — ты пойдешь со мной?

— Да… — после некоторого раздумья ответил Трегалин. — Но повторяю: шансов у нас практически нет.

— У меня другое мнение на этот счет. Ты в состоянии обеспечить мою защиту? Хотя бы на короткое время?

— Несколько минут продержусь. Точнее пока сказать не могу.

— Большего и не нужно. — Иван Андреевич посмотрел на часы и добавил. — У нас есть еще сорок минут на отдых. Потом наш тоннельный вездеход завершит запрограммированный мной маневр и по наикратчайшему пути выйдет к этой пещере.

— Вы и это предусмотрели?

— Я не рассчитывал сидеть, сложа руки. — Повторил Кирсанов.

* * *

Недра ледника.

Семьсот метров выше уровня пещер.

То же время…

Спуск по трещине проходил в напряженном молчании. Герде не хотелось разговаривать, а Герберт не настаивал. Он был занят, обеспечивая им обоим защиту от дистанционного обнаружения. Пока что ему удавалось скрыть сигнатуры скафандров, маскируя их в потоке естественного тепла, поднимающегося по трещине токами нагретого воздуха. Стены отвесной расселины покрывала коварная пленка конденсата, образующаяся от постоянных испарений, спуск проходил трудно, риск был огромен, но они медленно продвигались к намеченной цели, — огромной естественной пещере, где тепло планетарной коры и близкие залежи железных руд

надежно скроют следы присутствия людей, дав им шанс выбраться живыми из тупиковой на первый взгляд ситуации.

— Долго еще? — Спросила Герда, улучив момент, когда короткая остановка позволила использовать направленный лазерный передатчик.

— Метров семьсот… — Ответил Герберт.

— Слушай, хотела тебя спросить — как планировал выбираться из системы, если не секрет?

— Какой секрет… Все просто. Существуют службы спасения. Альтернативные официальным.

— То есть? — Не поняла Герда.

— Работающие за деньги. — Пояснил Хайт. — Им все равно кого и откуда вытаскивать.

— Ясно… — Слабая надежда Герды угасла, так же как и появилась. — Сейчас они нам явно не помогут. Тогда другой вопрос: что мы станем делать, когда спустимся?

— Сидеть тихо, не привлекая внимания.

— Сколько?

— Не знаю. Может дней десять, а может больше.

— Почему ты решил, что корпы уйдут отсюда?

— Эригон не та планета, где корпорация может творить, что ей вздумается. Здесь, как ни крути, зона жизненных интересов Конфедерации. Это значит, они получат искомое и уберутся, уничтожив все следы своего пребывания. Нужно лишь набраться терпения, выждать.

— И что потом?

— Решим. Я обещаю, что выведу тебя в безопасное место, откуда можно будет связаться со службами спасения. Твой бизнес был застрахован?

— Да.

— Ну, вот видишь. Все завершиться лучше, чем ты думала. Потом будешь вспоминать эти дни, как самое яркое приключение. Восстановишь посадочную площадку…

— А ты? — Перебила его Герда.

— Я твой должник. Никуда не денусь, пока не уверюсь, что с тобой все в порядке. А затем исчезну. Мне ни к чему лишние объяснения ни с властями Эригона, ни, тем более, с особым отделом флота Содружества.

— Так и собираешься прятаться всю жизнь? — Нахмурилась Герда.

— Лучше чем попасть в криогенную тюрьму или на мнемонический допрос. Извини, но у нас разные взгляды на действительность. Только не напоминай мне о решениях Совета Безопасности Миров, ладно? Я знаю,

что ты сейчас подумала: почему бы мне не сослаться на закон о статусе мнемоников, да? Так вот, в отношении кибрайкеров он не действует.

— Но ты же находился когда-то под его защитой?

— И что с того? Я сбежал, Герда. Выбрал свой путь.

— Думаешь, ты сделал правильный выбор?

— Древние говорили: в одну воду нельзя войти дважды. Совершил я ошибку или нет, значения теперь не имеет. Давай поговорим об этом позже, ладно? У нас еще будет уйма свободного времени, надоедим друг другу до смерти.

Не дожидаясь ответа, он хотел отключить лазерную связь, чтобы возобновить спуск, но внезапно изменил решение.

— Герда… — его голос прозвучал напряженно и хрипло. — У нас проблемы.

— Что еще? — Устало спросила она.

— Я фиксирую сигнатуры боевых скафандров. В километре над нами…

— Постой… Что это значит?! — Герда резко обернулась.

— Группа зачистки. — Ответил Хайт, испытывая в данный момент острое желание развернуться и уйти, чтобы не смотреть ей в глаза, ничего не объяснять, а продолжать решать свои проблемы в одиночку. — По наши души, фрайг их всех раздери!..

Герда бессильно прислонилась спиной к стене изо льда. Они стояли на узком, непрочном козырьке, восходящий по трещине поток воздуха хоть и считался «теплым» по меркам Эригона, но обжигал участки кожи лица, не прикрытые дыхательной маской.

— Ну, что ты хочешь от меня?! — Неожиданно психанул Герберт. — Здесь обнаружены артефакты цена которым, — миллиарды кредитов! Кто станет считаться при этом с твоей или моей жизнью?! Да, никто, пропади оно все пропадом! — Герберт присел на корточки, зло глядя себе под ноги. — Мы — потенциальные трупы…

— Почему люди, а не машины? — Глухо спросила Герда. — Кибермеханизмы справились бы с задачей быстрее.

— Я кибрайкер. — Мрачно напомнил ей Герберт. Для ликвидации таких как я, существуют специальные подразделения. Кандидатов в них набирают среди людей, никогда не подвергавшихся имплантации. Ликвидаторы, или «охотники на кибрайкеров», не знают пощады. Они работают не только за деньги, им внушают что «избыточно имплантированные» — уже не люди, и в их убийстве нет никакого греха, напротив, это очищает общество.

Глаза Герды, с лопнувшими от напряжения капиллярами, покрасневшие, печальные, смотрели на Герберта, почему-то пробуждая ощущение неловкости, которое он не испытывал очень давно.

— Наш мир глубоко болен… — Произнесла она. — Мы все больны…

— Вот только этого не надо, ладно?… И без проповедей тошно. — Он нашел в себе силы, чтобы пристально посмотреть ей в глаза и медленно произнес: — Ты должна будешь защищаться. Так же, как и я. Только вместе мы сможем выжить. Вступать в переговоры бесполезно. Нас приговорили, понимаешь?

Она медленно кивнула.

Ничего Герда не понимала, не хотела понимать, но чувствовала, — он не лжет.

— Какой план?

— Все просто. Они не знают, что нас двое. Я постоянно поддерживаю защиту, так что район поиска у них тоже приблизительный. Парни физически тренированы, отлично оснащены, у них в голове нет ничего, что может препятствовать выполнению задания. Те же самые боевые машины, с одной разницей — они не могут быть остановлены кибрайкером или мнемоником. Такие подразделения появились после успешных операций корпорации «Инфосистемз» на планете Фрисайд.[27]

— Ближе к делу. — Со странным безразличием в голосе произнесла Герда. — Что ты предлагаешь?

— Убить их. Иного выхода у нас нет.

— Ты такой же больной, как и они?!

Герберт несколько секунд молчал, а потом вдруг взорвался:

— Нет, это ты больная, причем на всю голову! Я говорю тебе — нас идут УБИВАТЬ! Какие тут могут быть сомнения относительно ответных действий? Никогда не брала в руки оружие? Но разве это причина для того, чтобы подохнуть?

— Не ори на меня! — Осадила его Герда.

Хайт зло посмотрел на свою спасительницу. Может, для него действительно было бы лучше погибнуть там, в обломках автономного модуля? Рухнуть вместе с ним в проталину, так чтобы плоть смешалась с металлом, и все бы закончилось раз и навсегда?

Нет обманывать себя он не мог. Я хочу жить. Хочу!

— Говоришь, наш мир болен? — Его голос звучал глухо. — Ты права. Только ты не знаешь, насколько он болен на самом деле!

Герда вопросительно посмотрела на него.

Хайт на минуту прикрыл глаза. Он словно отключился от этой реальности, мысленно уносясь вверх, его сознание взорвалось будто тугой шар непреходящей боли, багряный, напитанный эмоциями, но по мере расширения сферической волны мысли холодели, рассудок начинал брать верх над эмоциональными порывами, породившими всплеск активности имплантов.

Он отдавал больше сил, чем мог позволить себе в рамках разумного, но зато сейчас он отчетливо увидел все, каждую сигнатуру в радиусе нескольких десятков километров.

Герда почувствовала неладное.

Ее сознание вдруг «поплыло», в рассудок словно впивались раскаленные иглы, не мысли, но мысленные образы, все вперемешку, — она видела странную и нужно сказать — страшную, непонятную, почти неприемлемую для рассудка картину: взгляд изнутри на ледник, когда ощущается каждая трещина, любое самое незначительное колебание температуры, она зримо наблюдала энергии, причем не только природного характера, но и те, что появились в результате действий людей…

…Но больнее, неприятнее и непонятнее всего стали образы, которых она никогда не знала, — они вторгались в рассудок, и ничего нельзя было противопоставить их бешеному, яростному напору.

Она видела, как от поверхности ледника по трещинам спускаются люди. Группа из четырех человек, которые двигались по разломам во льдах, от места крушения аварийного модуля к той точке, где сейчас находились они, — Герда и Герберт.

Не смотря на охватившую ее оторопь, Герда попыталась всмотреться в серые, ничем не отличающиеся друг от друга фигуры, похожие в этом непонятном видении на призраков, и вдруг ее окатила волна леденящей, явственной до ломоты в зубах ненависти, но не горячей, а холодной, расчетливой, презрительной, — это шли охотники, которые гнали какую-то чудовищную тварь, и знали, что той не укрыться от них…

Тварью, на уничтожение которой им выдан открытый лист, был Герберт Хайт, ну и заодно, по умолчанию, любой, кто окажется рядом с кибрайкером.

Проехали… На этом нельзя сосредотачиваться, иначе будет уничтожена воля, сломлено все, что только можно сломать или раздавить в душе человека.

Их леденящая душу, какая-то псевдосправедливая ненависть, словно раскаленная спица, пронзила разум, оставила пылающий шрам, они как будто пришли к Герде из иной реальности, не имеющей ничего общего с ее

прошлым, понятным, разложенным по полочкам мире, но подсознательно она уже поняла, — тот мир рухнул, растаял вместе с фрагментами ледника, сгорел в чадящих кострах разлившейся нефти, а что приходило ему на смену, какая еще правда настойчиво и больно стучалась в сознание, требуя для себя законного места?

Кто предлагал ей новую реальность, не имеющую ничего общего с прошлой жизнью?

Ты Герберт?

Вместо ответа она увидела странное помещение — тускло-желтый, грязный свет неравномерно освещал отрезок коридора орбитальной станции, она увидела руки — тонкие худые руки ребенка, бледные с голубоватыми прожилками вен, пальцы с обкусанными ногтями, испачканные в чем-то черном, наподобие сажи… Все чувства Герды вдруг померкли, вместо привычного мировоззрения возник тугой комочек детских нервов, где пульсировали два… нет три чувства: страх, голод и отчаянье… отчаянье, в котором сконцентрировалось множество оттенков других, обычно существующих по отдельности ощущений, но в данном случае они сливались в одно глобальное осознание враждебности, несправедливости окружающего мира, и отчаяние уже не выглядело отчаяньем, а становилось безысходностью маленького существа, застывшего в своем развитии где-то на грани между голодным зверьком и осознающим дикую несправедливость окружающего мира ребенком.

Все спрессовывалось в ничтожные отрезки времени, будто в сознании прокручивали фильм режиссера-сюрреалиста, выражающего свои мысли в ярких, но обрывочных образах.

Ребенок, пытающийся проникнуть в какой-то отсек. Наверное, банальная история на орбитальных заводах-станциях таких промышленных гигантов сектора Окраины как «Спейсстоун».

Герда ужаснулась.

Она слышала, как приближаются шаги, грохот подошв со специальными вставками, выдавал людей из службы безопасности, только они носили подобную обувь, позволяющую передвигаться по любым поверхностям, ходить по стенам, даже потолку, не рискуя при этом сорваться, им нипочем была невесомость, царящая в некоторых сегментах исполинской орбитальной конструкции.

Они вылавливали беспризорников и уничтожали мутантов, находивших прибежище во временно законсервированных отсеках.

Герберт (а маленьким мальчиком, несомненно, являлся он) пытался взломать прочную решетку воздуховода, его сердечко было готово

выпрыгнуть из груди от страха, но он лишь содрал в кровь костяшки пальцев, не добившись результата, затем сзади раздались те самые тяжелые шаги, и все поглотила тьма.

Больше в его жизни уже не было голода, но страх перед ним остался навсегда.

Новый мир пришел тошнотворными ощущениями, — словно посадили на карусель и раскручивают ее все быстрее и быстрее, не заботясь насколько плохо приходиться испытуемым, — мир кружился, сливался в полосы, потом исчезли и они, осталась серая хмарь, окружившая сознание плотной стеной, а в ней постепенно, медленно начали проступать пылающие контуры чего-то пугающего — потоки *зримых энергий* и голос, возникающий из ниоткуда, спокойно поучал: *не пугайся Герберт, это сигнатуры, ты должен научиться запоминать их…*

Свой новый мир мальчик не любил, но и не отторгал.

Его разум сдался непреодолимому напору обстоятельств, он сжался в комок, позволив себе стать куском пластичной массы из которой взрослые *наставники* лепили что-то непонятное, но, несомненно, нужное им.

Ты будешь повелевать виртуальным пространством. — Говорили ему, и Герберт соглашался.

Он действительно научился повелевать виртуальностью. Кибернетические системы, информационные потоки, все было понятно для худого подростка с взрослыми не по годам глазами.

Потом исчезло и это.

Пришли новые люди, — вроде бы внимательные и ласковые, не пытавшиеся подчинить, склонные убеждать, они говорили:

Герберт забудь все, чему учили тебя. То были злые люди, они насильно тебя имплантировали и хотели использовать в своих целях. Мы наказали их, и теперь ты свободен.

Свободен?

Он был уже достаточно взрослым, битым, покалеченным изнутри, чтобы больше не верить словам, а доверять только своим ощущениям.

Он хотел остаться прежним, он не желал покидать виртуальность, которой умел манипулировать, как хотел, но его вытаскивали оттуда, лечили от *образа жизни,* и могло ли выйти из такой «реабилитации» что-то путевое?

Даже Герда, онемевшая, сжавшаяся в комок от проносящихся через ее разум мысленных образов ответила на заданный вопрос: НЕТ!!!

Картины прошлого потускнели, истончились снова приходила реальность Эригона, но теперь она видела другую группу людей, — это

были мнемоники, их окружала плотная дымчатая аура, сквозь которую едва просматривались фигуры, но все же их было видно, и она проследила за направлением движения группы, перемещавшейся в сторону огромного, непонятного сооружения, явно не принадлежавшего людям.

И как довершение страшного калейдоскопа образов, мыслей и чувств, она поняла, что наблюдает еще за двумя людьми, в которых узнала Кирсанова и Трегалина. Они пробирались по уже проложенным у основания ледника тоннелям, их мысли были понятны, *слышимы*, они возвращались в район уничтоженных нефтедобывающих комплексов, чтобы выяснить ее судьбу.

Калейдоскоп мысленных образов не показывал ей, что произошло с Гербертом непосредственно перед падением аварийного модуля, но она необъяснимым для себя образом знала это…

Открыв глаза Герда, не смогла сдержать навернувшихся слез.

Герберт сидел напротив бледный, напряженный готовый ко всему, привычно ощерившийся…

— Ты предал их… — Прошептала Герда. — Какое ты имел право?… Разве это открытие принадлежало тебе?… Зачем ты это сделал?… Ради денег?

Он молчал. Ни слова, ни мысли в ответ.

Понимай, как хочешь. Суди. Я открыл тебе столько правды о себе, сколько мог. Его импланты не излучали ничего, он смертельно устал, он уже давно ненавидел сам себя, но жить по-другому не умел, да и не хотел.

Сейчас его пришли уничтожить.

Что ж. Он был готов защищаться.

Герда поняла, сколько не упрекай, Герберт останется таким, каков он есть. И сделанного им уже не исправишь, то есть не вернешь прошлого, не открутишь время назад.

А можно ли исправить данность?

Наверное.

Но только в том случае, если сумеем выжить.

Герда с трудом разлепила пересохшие губы.

— Послушай, Герберт, я кое-что придумала… Ты сказал, что они не имплантированы?

— Верно. — Хмуро, безразлично ответил Хайт. Он выдохся на мысленной передаче, прямой нейросенсорный контакт между двумя рассудками еще раз надломил его психику.

— Наш тоннельный вездеход в полутора километрах отсюда. — Голос Герды немного окреп, хотя все еще дрожал от перенесенного

напряжения. — Ты сможешь реактивировать его системы?

— Убить их при помощи лазеров? Не успеем…

— Никого не нужно убивать! — Горячо продолжила Герда. — У них нет имплантов, только сканеры. Они ищут нас, но если засекут сигнатуру вездехода, как ты думаешь, пойдут за ним? Бросятся в погоню?

Хайт слабо усмехнулся. Мысль была — что надо, вот только ему в голову она почему-то не пришла.

— Бросятся. Если сигнатуру прикрыть слабенькой защитой, как будто я там на борту… Попробуем… Хотя это только отсрочка. Рано или поздно нас найдут.

— В пещерах не найдут! — Заверила его Герда. Ей показалась, она нашла единственно возможный выход из ситуации. — Ну же, Герберт, давай. Пока нас действительно не засекли.

— Не мешай. Я уже действую. — Ответил Хайт. — Лучше приготовься к спуску. Попробуем максимально использовать полученную фору.

Глава 7

Система Элио.

Генеральный штаб ВКС Конфедерации Солнц…

Адмирал Шайгалов, закончив просмотр полученных данных, был вне себя.

— Каков наглец!.. — У Николая Сергеевича, от негодования даже дрогнул голос. Подняв тяжелый взгляд на начальника мнемонического отдела, он переспросил:

— Полковник, насколько полученная таким путем информация заслуживает доверия?

— На сто процентов. — Ответил тот. — Наш осведомитель действовал по мнемоническим каналам, и этим, по-моему, все сказано.

— Хорошо. — Адмирал хоть и не до конца разделял его уверенности, — слишком уж вызывающими, наглыми выглядели действия верхушки «Нового Света», — но от дальнейших вопросов воздержался. Что тут еще выяснять, когда действовать надо… — с досадой подумал он, а вслух добавил: — Выводите информатора из-под удара.

— Слушаюсь. Что-то еще?

— Иди. Если потребуется — свяжусь позже.

Когда за полковником закрылась дверь, Шайгалов, дождавшись пока сработает информационная защита, начал отдавать необходимые распоряжения:

— Аналитический отдел с пометкой срочно, — отследить все сделки, касающиеся покупки земель на планете Эригон. Послать в Совет Безопасности Миров запрос от моего имени: на сутки прекратить визирование любых сделок по недвижимости в указанной системе.

— Принято.

— Информационная система: отчет по наличным силам космического флота корпорации «Новый Свет».

Через секунду перед адмиралом уже разворачивалась объемная схема пространства с четкими маркерами космических кораблей.

— Данные по подвижкам за истекшие сутки.

Схема изменилась, но ожидаемого результата адмирал не увидел.

Что ж. Тем хуже для де Ритторена. Но каков наглец…

— Связь: резерв флота, капитана Крамцева!

Тихий щелчок и в сфере голографического монитора появилось изображение одного из отсеков жилой палубы крейсера «Решительный».

Капитан Крамцев, услышав вызов, повернулся, и его лицо заполнило объем, перекрывая иные детали.

— Господин адмирал, на вверенном мне…

— Знаю, что все в порядке, — прервал его Шайгалов. — Денис Семенович, ты знал Кирсанова?

— Да, одно время служил под его началом.

— Тем лучше. По резерву — тревога. Старт по готовности, цель прыжка — система Эригон. Инструкции получишь спецфайлом. Там все разъяснено. Удачи. Жду сеанса связи сразу по выходу в границы системы.

— Понял вас, господин адмирал. — Крамцев встал с кресла, в котором сидел до момента вызова, и его изображение сразу отдалилось, став маленьким. — Разрешите действовать?

— Действуй.

* * *

Эригон.

Недра ледника.

— Иван Андреевич, вездеход повернул.

— Отлично. Минут через пятнадцать будет тут.

Кирсанов мысленно уже все решил для себя.

— Значит так, Саша. Слушай внимательно. Отреагировать они, конечно, успеют, сигнатуру машины, подошедшей так близко, скрыть будет трудно.

— Я постараюсь. — Трегалин за истекшие двадцать минут успел подумать о многом. И даже наметил для себя предварительный план действий.

— Я не сомневаюсь, что ты будешь стараться. Но для успеха одного старания мало. Нужно удерживать маскировку как можно дольше. Теперь, по непосредственным действиям. Как только поймешь, что вездеход обнаружили, сразу вырубай все системы, чтобы ими не воспользовался противник, и переходи на личную защиту. Прикрываешь и себя и меня. Сколько сможешь. Там счет пойдет уже на секунды, если подберемся достаточно близко.

— А что будете делать вы?

Иван Андреевич достал импульсный пистолет системы «Гюрза»

— Убивать. — Коротко ответил он.

В этот момент рассудка Трегалина коснулось острое чувство тревоги, и поэтому он никак не отреагировал на последние утверждение Кирсанова.

— Иван Андреевич, активный сигнал! Еще один! Это тоннельный вездеход!

— Куда движется?

— В сторону от нас и вверх. Трудно различить, помехи, такое впечатление, что его пытаются прикрыть мнемонической защитой, но рыхло…

Что такое «рыхло» Кирсанов выяснять не стал. Он внезапно напрягся, весь превратившись в слух, затем поднял оружие и поманил за собой Александра, двигаясь к той трещине, по которой они сами недавно спустились в пещеру.

— Тихо. — Предупредил он.

— Что случилось? Я ничего не воспринимаю там.

— Сказал — тихо. Слушай Саша, сейчас не имплантами, а ушами.

Трегалин замер.

Люди, обладающие мнемоническими способностями сильны там, где наличествуют кибернетические системы. Немногие из избыточно имплантированных личностей, встав на путь дальнейшего развития своих уникальных способностей, шагнули за обозначенные рамки, распространяя термин «киберпространство» на проявления природной энергетики, адаптируя привычные законы и приемы манипуляций виртуальным пространством на сложную ткань естественных явлений.

Одни видели в развитии подобных способностей следующую ступень эволюции разума, другие не принимали их всерьез, третьи откровенно опасались мнемоников и кибрайкеров, не понимая их, подвергая фобиям и гонениям.

Манипулировать природными энергиями непросто. Даже правильно читать их, адекватно воспринимая показания сканеров, способны далеко не все.

Среди льдов необитаемого северного полушария Эригона количество активных кибернетических систем сводилось к минимуму, исчисляясь единицами.

Александр старался понять, что так взволновало Кирсанова, но пока ничего подозрительного он не видел. Трещина как трещина. Сканируется нормально, без помех…

…Сверху внезапно послышалось металлическое позвякивание, затем вниз, искрясь в свете фонаря, посыпалась ледяная крошка, Кирсанов,

сделав знак рукой и подняв импульсный пистолет, отступил вглубь пещеры, но фонарь не выключил.

Примерно через минуту в расселину, разматываясь, выпал трос, затем раздался уже явственный скрежет (подошвами скафандра по льду — подумалось Александру) и в тот же миг он ощутил кибрайкера.

Словно удар в голову, сильный, болезненный оглушающий.

Он смутно видел, как по тросу соскользнули две фигуры в скафандрах, — собравшись, он ударил в ответ, первый человек приземлился на ноги, второй неуклюже, мешковато рухнул боком, — мнемонический удар Трегалина если не достиг цели, то оглушил противника, заставив его не вовремя разжать пальцы, впрочем, Герберт Хайт тут же вскочил…

Герда, откинув забрало шлема (чтобы Иван Андреевич мог увидеть ее лицо) крикнула:

— А ну немедленно, остановитесь, оба!

Герберт Хайт и Александр Трегалин были молоды и импульсивны, им обоим не хватало опыта, они ощущали острую нехватку подконтрольных систем, — привычная для их разумов среда обитания исчезла, как только были блокированы спутники, и рассудок обоих искал выход, невольно обращаясь к единственно-доступному способу манипуляций с новой стороной виртуальности, — они, по ходу развития событий, быстро и болезненно учились воспринимать природные энергетические процессы, но в данный момент оба, как бесноватые, ринулись навстречу друг другу, но не в реальном пространстве, а там, за чертой…

…Когда сознание вернулось к Александру, он лежал на камнях с открытым забралом гермошлема и стылый воздух пещеры через дыхательный фильтр болезненно врывался в разодранные спазмом удушья легкие.

Он мучительно скосил глаза. Видимо прошло минут десять — в стене пещеры курился паром прорезанный лазерами проход, в горловине проложенного тоннеля застыл вездеход, Иван Андреевич и Герда стояли неподалеку, тихо беседуя.

Он со стоном сел. В глазах двоилось.

Никто не бросился к нему, предлагая помощь, но рядом метрах в трех внезапно возникла еще одна фигура.

Кибрайкер шел со стороны озера талой воды, его пошатывало. Сев на валун, он провел ладонью по лицу.

До слуха Трегалина долетело едва слышное сиплое ругательство, затем раздался скрип гравия, шаги, и голос Кирсанова:

— Значит так, Герберт. Еще одна подобная выходка, и я тебя изолирую. — В голосе Ивана Андреевича прозвучали такие нотки, что Александр, став невольным свидетелем разговора, ни на секунду не усомнился, — он сделает, что пообещал, и это будет иметь для кибрайкера самые скверные последствия.

— У меня, что есть выбор? — Хрипло огрызнулся Хайт.

— Пока что есть. Не смотря на все, что ты сотворил.

— И что я должен сделать?

— Во-первых, не трогать никого из состава группы — Кирсанов интонацией подчеркнул последнее слово. Можешь тихо изнывать от ненависти, этого запретить не могу, но знай, тронешь Александра — пожалеешь.

— Ему об этом скажите.

— Скажу. Не сомневаться. А сейчас постарайся соображать быстро — времени у нас в обрез. Либо ты с нами, и тогда я обещаю, что замолвлю за тебя слово, когда все окончиться, либо против нас, и в таком случае я ничего не смогу для тебя сделать. Даже взять с собой на борт вездехода.

— Небогато в плане перспектив. — Криво усмехнулся Хайт. — Если соглашусь, заставите работать в связке с мнемоником?

— У вас будут разные задачи. Ну а физическое соседство как-нибудь переживете.

— Ладно. Допустим. Что придется делать?

— Драться. С теми, кто прилетел за артефактом.

— Сколько их?

— Мнемоников? По нашим данным четверо. Пока четверо. Учти Хайт, скоро здесь будут силы флота. Одно дело если тебя приведу я. Совсем другое, если вытащит из-подо льдов космодесант. Выбирай, но быстро.

— Я уже выбрал. — Буркнул Герберт. — Но своему мнемонику скажите, пусть не подставляется, и ко мне тоже не лезет.

— С Александром я договорюсь. Если решил — давай в вездеход. Конкретную задачу получишь на борту.

— Один вопрос. — Герберт встал, решившись посмотреть в глаза Кирсанова. — Герда вам все рассказала?

— Да.

— Больше вопросов нет… — Хайт пристально посмотрел на Кирсанова, будто увидел перед собой некую диковинную для него разновидность человека, а потом, тряхнув головой, побрел к вездеходу.

* * *

Недра ледника.

Борт тоннельного вездехода…

Трегалин и Хайт, расположившись на максимальном удалении друг от друга, работали, выполняя каждый свою задачу, но благодаря сумме усилий мнемоника и кибрайкера, Иван Андреевич наблюдал за событиями, развернувшимися в двух десятках километров отсюда.

…Пещера изменилась до неузнаваемости.

В одной из стен зияла огромная дыра, — выход проложенного под углом к поверхности тоннеля.

Машина, пробившая его, стояла тут же: нелепая на вид, но когда присмотришься, — вполне функциональная, хоть и собранная наспех конструкция из трех горнопроходческих установок, соединенных вместе, шесть лазеров по периметру, ажурные, но крепкие, способные выдержать серьезную нагрузку приводы, — шесть колесных пар по две оси в каретке, каждая из ведущих платформ развернута под углом в сто двадцать градусов друг относительно друга, — на всем протяжении пути вездеход двигался по тоннелю, упираясь колесами в его стены, получалось три точки опоры, шипы, предназначенные врезаться в базальт, легко проникали в лед, удерживая многотонную конструкцию во время спуска, даже при полуторном тяготении Эригона.

Сейчас вездеход, сумевший пробить тоннель диаметром в пятьдесят метров, стоял в стороне от устья прохода, метрах в двухстах; от него к берегу озера талой воды тянулись толстые кабели энерговодов высокого напряжения, помимо ядерной установки вездехода в назревающем эксперименте должны были принимать участие десять мобильных генераторов, развернутых прямо в пещере.

Около десятка андроидов запрещенной в Центральных Мирах пехотной конфигурации, образовывали боевое охранение, четверо мнемоников группы Липатова, завершив сканирование артефакта, определили точки входа энергосети и теперь, используя универсальные полиморфные разъемы-липучки, крепили к помеченным участкам обшивки толстые, глянцевитые кабели.

Все приготовления четко, как на ладони, наблюдали Иван Андреевич и Герда.

Трегалин прикрывал тоннельный вездеход, маскируя сигнатуру приближающейся к пещере машины, изображение же в сферу

голографического монитора транслировал кибрайкер.

— Мы должны атаковать немедленно! — С досадой произнес Кирсанов, глядя на то, как мнемоники завершают последние приготовления к эксперименту.

— Быстрее двигаться нельзя. Еще минут десять. — Ответила Герда.

— Десять минут… Вечность. — Иван Андреевич сжал кулаки. — Боюсь, не успеем. Только бы у них ничего не вышло!

— А что там происходит?

— Они определили точки входа в энергосеть. Хотят подать питание, чтобы считывать сигнатуры. В результате артефакт, скорее всего, будет разрушен, но они получат бесценную информацию, в виде карт энергетического сканирования его устройств.

— И что?

— На основе полученных сигнатур можно восстановить принцип действия любого устройства, понять, для чего оно было предназначено, какую механическую, либо энергетическую работу производило. Варварский, но результативный метод. — Он потянулся к креслу Трегалина, тронул его за плечо. — Саша снимай защиту. Быть может, внезапное появление сигнала от нашего вездехода задержит их?

Трегалин открыл глаза.

— Вообще снять защиту?

— Нет. Нас прикрываешь по-прежнему. Герберт, ты как?

— В норме. Картинка отчетливая? — Спросил кибрайкер, не открывая глаз и не меняя позы.

— Да.

— Тогда не дергайте меня… Если что случиться, — сам подам знак. И вот еще что: корпы, по всей видимости, до сих пор уверены, что перед ними генератор инсектов.

— Почему так решил? — Тут же отреагировал Кирсанов.

— Эмиттеры суспензорного поля. Их сигнатуры читаются по периметру, вокруг вездехода. Подключены к питанию. Кто угадает — зачем?

* * *

Впервые в жизни Александр едва ли верил собственным ощущениям.

Сняв защиту с вездехода, он переключился на восприятие процессов, происходящих в пещере. Похоже, Герберт был прав, — никто из четверых мнемоников не отреагировал на сигнатуру, появившуюся в десяти километрах южнее пещеры. Все их внимание было сосредоточено на

артефакте и в тоже время они находились внутри периметра, очерченного эмиттерами суспензорной защиты.

Они ждали. Готовились к худшему, понимая, что включение системы генератора, служившего Инсектам для подвижки планет, может вызвать катастрофические последствия.

Что ж они за люди? Неужели сигнатура работающего устройства для них важнее всего на свете, и ради нее они готовы пожертвовать жителями подледных городов, самим городами, наконец, ведь, окажись артефакт генератором инсектов, то импульс при его включении разрушит не только ледники, но и взломает кору планеты.

Через некоторое время Трегалин уже не знал, что ответить самому себе, что произойдет в следующий миг, потому что они с Иваном Андреевичем не ошиблись, определив скопления «темных пятен» в районе внешнего слоя обшивки, как некую разновидность энергопоглощающих устройств, — как только включенные мнемониками «Нового Света» генераторы начали подавать ток, исполинский корабль чуждой цивилизации ожил.

Для человека, пусть даже оснащенного современными сканирующими комплексами, процесс пробуждения таинственных подсистем артефакта, прошел бы практически незамеченным, ну разве что приборы зафиксировали бы микроскопические очаги энергетической активности, похожие на внезапно возникающие сгустки *холодного пламени*…

Разум мнемоника, обрабатывая, визуализируя данные, поступающие от имплантированных кибермодулей, наблюдал более полную картину происходящего, — внутри мертвого на вид корабля, под воздействием энергии, так опрометчиво, самонадеянно поданной сотрудниками корпорации «Новый Свет» на идентифицированные входы бортовой сети, зародилось слабое мерцание. Прошла минута, другая, и холодное сияние (так разум мнемоника воспринимал распространение энергии по «среднему слою» расположенных в обшивке коммуникаций исполинского артефакта), вдруг начало пульсировать, разгораться все ярче, ослепительнее, одновременно распадаясь на сотни отдельных, каплевидных сгустков, которые внезапно пришли в движение: они, один за другим, вдруг начали подниматься вверх, свободно проходя сквозь обшивку космического корабля, и… исчезали из зоны восприятия, устремляясь сквозь многокилометровую толщу ледникового панциря к поверхности планеты, а может и дальше — в космическое пространство — кто знает?

Кирсанов, не имевший возможности наблюдать стремительное, феерическое восхождение сгустков холодного пламени, видел лишь

внешнюю часть процесса. Кибрайкер по-прежнему передавал данные, позволяющие следить за сотрудниками корпорации, облаченными в защитные гермокостюмы. Поначалу корпы подключили генераторы, затем видимо подали на обнаруженный вход бортовой энергосети слабое напряжение, которое не вызвало желаемого результата.

Напряжение увеличили, но видимо корабль неизвестной расы оставался безучастен к попытками энергостимуляции собственных подсистем, он по-прежнему возвышался посреди подледной пещеры немой, мрачной глыбой, на его обшивке не появилось ни единого сигнального или навигационного огня, да и почему кто-то решил, что они должны иметь место в конструкции исполина?

Иван Андреевич ощущал всевозрастающее беспокойство. Попытки постоянного увеличения напряжения, в надежде на ответную реакцию систем древнего корабля, не казались ему разумным способом исследования.

Финал дерзкого, граничащего с варварским безумием эксперимента (варварским потому что в его ходе с большой долей вероятности уничтожалось уникальное внутреннее оборудование артефакта, ведь никто не знал, на какое напряжение оно рассчитано), оказался плачевен. Сканирующий комплекс экипировки Кирсанова показывал, что внутри корабля, по мере роста подаваемого в сеть напряжения, начались слабые, едва заметные процессы — в некоторых местах появилось нечто похожее на точечные источники света, окруженные слабой аурой, но они показались и тут же начали пропадать, в то время, как у мнемоников «Нового Света» что-то явно не заладилось, — сначала они приблизились к генераторам, пытаясь совершить манипуляции на встроенных консолях ручного управления, а затем вдруг кинусь прочь, разбегаясь в разные стороны: еще секунда и генераторы, вышедшие из-под контроля программ, резко повысили мощность, словно в корабле что-то вдруг начало потреблять энергию, заставив устройства сначала выйти на пик своих возможностей, а затем и превысить его, вызвав неожиданную серию взрывов.

На минуту в пещере погасли все источники света, затем сеть временного лагеря переключилась в аварийный режим, и подледную полость осветило красноватое сияние, в котором передвигались стремительные тени — впрочем, паника улеглась так же быстро, как и вспыхнула.

Взорвавшиеся генераторы истекали сизым, зловонным дымом, вокруг подтаивал лед, образуя лужи воды, а космический корабль неподвижной сумеречной громадой возвышался над суетой человеческих фигурок, будто

олицетворение какой-то мистической незыблемости полного забвения…

— Иван Андреевич… — Рука Александра, коснувшаяся плеча Кирсанова, заставила археолога вздрогнуть от неожиданности, — Я отсканировал артефакт во время его энергостимуляции!.. Вам следует на это посмотреть — активировалась сеть срединного слоя обшивки, а внутри артефакта возникли непонятные энергетические сгустки! Включите кибстек, я скину данные!.. Они ушли прямо сквозь обшивку, наверх, возможно сейчас они уже поднимаются в космос!..

* * *

Эригон.

Северное полушарие.

В четырехстах километрах от точки нахождения древнего корабля…

Уже неразличимые для глаза, каплевидные сгустки холодного пламени растворились в свете далекого, почти не греющего светила системы Эригон.

Ни один спутник (а их на орбитах планеты находилось более тысячи) не зафиксировал аномальных явлений.

Однако таинственным энергетическим образованиям не удалось ускользнуть незамеченными. Под километровой толщей льда примерно в четырех сотнях километров севернее подледной пещеры, где сейчас происходили основные события, в пологой, сглаженной движением ледовых масс выемке, образовавшейся между двумя выступами горных хребтов, покоился невзрачный предмет. Он имел обтекаемую веретенообразную форму, в длину достигал семи метров, в районе утолщения его диаметр составлял полтора метра.

Объект (равно как и десятки, если не сотни его аналогов, хаотично разбросанных на разном удалении друг от друга), было невозможно обнаружить визуально — внешне их материал повторял структуру окружающего льда, температура объектов не отличалась от температуры окружающей среды, энергетическая активность отсутствовала.

Любое сканирование или даже визуальный контакт, не выявили бы в данной местности ничего необычного — структура ледовых масс изобиловала различными «линзами», самой причудливой формы, подобное явление встречалось на Эригоне повсеместно, потому веретенообразные «уплотнения льда» не привлекали пристального внимания со стороны

исследователей.

Кто мог предугадать, что некоторые из «естественных» образований вдруг проявят свойства, совершенно для них не характерные…

Стоило сгусткам холодного пламени достичь границ стратосферы, как над северными районами ледовых равнин, скрывающих под собой целую горную страну, раздался сначала невнятный, идущий из глубины, а затем все явственнее слышимый треск.

Спустя несколько минут над поверхностью ледника, среди непрекращающейся поземки, которую гнал порывистый ветер, вдруг взметнулось искрящееся крошево льда, и из образовавшейся прямо на глазах цилиндрической «шахты», вырвался веретенообразный объект, поднимающийся под воздействием непонятной движущей силы.

На границе ледовой пустыни он резко потерял очертания, принимая вид мутного атмосферного явления, отдаленно напоминающего смерч.

Еще секунда и он вовсе исчез, а по равнине продолжали перекатываться оглушительные трескучие звуки, похожие на раскаты грома.

Не десятки — сотни неопознанных объектов поднимались из недр ледника, точно так же теряли свои очертания, соприкоснувшись с атмосферой Эригона, и исчезали, словно растворялись в холодном воздухе.

Ни один спутник слежения так и не зафиксировал аномалий.

Движущая сила, поднимавшая неопознанные объекты имела общую природу с гравитационным полем планеты, и небольшие возмущения попросту растворялись в нем, не вызывая тревоги у орбитальных сканирующих комплексов.

Веретенообразные предметы достигли зоны низких орбит, и устремились вслед крохотным сгусткам холодного света, которые уже успели удалиться от планеты на приличное расстояние.

Они явно гнались за ними, набирая физические характеристики, словно им больше незачем было скрываться. Трансформация проходила стремительно и выглядела зловеще. Семиметровые обтекаемые аппараты утратили свойства оптических фантомов, они стали черными, осязаемыми, но по-прежнему незаметными для стандартных систем сканирования благодаря особым свойствам своей изменчивой обшивки.

Удалившись на двадцать тысяч километров от Эригона, они попали в зону пространства, не контролируемую спутниковой группировкой, и вдруг начали очередную трансформацию. Теперь их корпуса, сохранив прежнюю форму, утратили монолитность, их поверхность словно подернулась рябью, и вновь застыла, покрытая небольшими, плотно прилегающими друг к

другу «чешуйками». Каждый из образовавшихся сегментов, обнаруживал в своей структуре различные включения, похожие то на точечные датчики, то на испускающие трубки лазерных установок, или вообще не имеющие аналогов среди сравнений, которые способны передать технические термины человеческого языка.

Совершив пространственный маневр, неопознанные объекты образовали трехмерное построение и устремились к окраине системы Эригон вслед удаляющимся сгусткам холодного пламени.

Они явно гнались за ними, и, по всей видимости, встреча не сулила ничего хорошего вырвавшимся из недр древнего космического корабля огонькам.

* * *

Эригон.

Недра ледника…

— Герда увеличь скорость до максимальной!

— Мы и так движемся на пределе. Лазеры едва успевают испарять лед! Да и поздно уже, — они ведь подали энергию на системы артефакта…

Оставалось чуть менее сотни метров…

— Герда, прошу — быстрее! — Кирсанов был вне себя. — Ты пойми, перед нами не генератор инсектов, а нечто чуждое! Дальнейшие манипуляции будут иметь еще худшие, непредсказуемые последствия! Если сейчас не разблокировать спутниковую группировку, отсутствие связи с Центральными Мирами не даст нам ни единого шанса на исследование или противодействие разбуженным силам…

— Поздно… — Внезапно выдохнул Александр, — Они сами атакуют мнемоников!

В этот миг лазеры вездехода прожгли истончившуюся перемычку льда, в пещеру выметнуло клубы пара, сквозь которые, со свистом рассекая воздух, летели крупные ледяные осколки, на миг все заволокло белесым туманом, а когда он истаял, взгляду Кирсанова предстала страшная картина:

Сгустки холодного пламени, появившиеся из недр артефакта, ушли в высь, но не все, — часть движущихся огней осталась в пространстве естественной пещеры, собираясь в непонятные скопления, — пар еще рассеивался, Герда открывала люк вездехода, когда непонятные энергетические образования, сформировав нечто подобное рою, устремились по направлению мнемоников.

Смысл и способ их воздействия оставались загадкой, в стылой тишине огромной пещеры затравленным эхом метнулось несколько болезненных вскриков, сухо и бесполезно ударила длинная очередь из импульсного оружия, визгливый рикошет шариков, хруст разбиваемого в искрящуюся крошку льда, наполнили пространство зловещими звуками, — это среди немногочисленных андроидов боевого охранения прошел губительный сбой.

Мнемоники один за другим теряли сознание, безвольно оседая на покрытый инеем каменный пол, прикрывавшие их сервомеханизмы напротив начинали биться в конвульсиях, словно кто-то забавлялся с их сервомоторами, наугад включая и выключая различные двигательные подсистемы.

— Саша, Герберт, как вы? — Кирсанов спрыгнул с подножки вездехода и устремился к упавшим мнемоникам.

— Держимся. — Хрипло выдавил кибрайкер. — И защиту держим…

— Способ воздействия определили?

— Электромагнитное поле.

— Мы можем защититься от него?

— Теперь, — да… — Трегалин, отвечая на вопрос, болезненно поморщился, да и остальные испытали внезапный приступ головокружения и боли, несколько секунд казалось, что сознание не выдержит, но затем боль стала отпускать, оставляя после себя чувство внутренний опустошенности, да железистый привкус во рту.

— Они нас не обнаружили… — Выдохнул Герберт.

— Продолжайте прикрывать меня! — Раздался по связи приказ Кирсанова. — Я попытаюсь добраться до вездехода и привести в действие лазерные установки. Нужно обрубить питание, лишить артефакт энергии.

— Это самоубийство! — выкрикнула Герда.

— Нет другого выхода… — Иван Андреевич рванулся вперед, стремительно сокращая дистанцию до огромной горнопроходческой машины, в борту которой чернел провал открытого люка. Пытавшийся выскочить изнутри андроид лежал в проеме, корпусом блокируя устройство автоматического запирания.

Зловещие сгустки холодного пламени вновь пришли в движение, часть из них немыслимым образом, не встречая сопротивления, прошла сквозь кожухи человекоподобных кибернетических механизмов, остальные образовали единый рой, вытянувшийся в виде мерцающей капли.

Александр и Герберт делали все, что оставалось в их силах. Как только мнемоническая блокада исчезла, разум кибрайкера тут же потянулся

к доступным, пытавшимся реактивироваться после электромагнитного удара кибернетическим системам, Трегалин, мгновенно оценив его намерения, начал формировать защиту, стараясь предотвратить повторение электромагнитного удара.

Иван Андреевич уже скрылся внутри вездехода, а несколькими секундами позже серия лазерных разрядов перерубила кабели, подключенные к обшивке исполинского артефакту.

Холодное пламя роя неистово вспыхнуло, взъярилось ослепительными вспышками сияния, внезапно брызнуло в разные стороны, а затем слепящими росчерками отдельные сгустки метнулись назад, к исполинскому кораблю, исчезая за его обшивкой.

* * *

Система Эригон.

Космическое пространство…

Едва различимые для глаза и приборов сгустки холодного огня, похожие на яркие точки далеких звезд, стремительно продвигались в пространстве.

Один из световых сгустков выглядел чуть крупнее своих уменьшенных копий.

Он целенаправленно маневрировал, увлекая за собой остальных «светлячков».

Зорг ощущал преследование, потому несколько раз резко менял курс, желая проверить, станут ли веретенообразные объекты повторять его маневры?

Они приближались, неотвратимые, как судьба.

Зорг понимал, что в космосе, он и следовавшие за ним четверть-сущности, беззащитны, но что изменит вхождение в атмосферу?

Расклада сил не изменить. Низшие формы сознаний нуждались в носителях для активного противодействия, однако Зорг не мог, как ни старался, зафиксировать группировку своих кораблей.

Он постепенно начал понимать, что ее попросту нет, а их выход в открытый космос скорее какая-то роковая случайность, нежели деталь осмысленного плана.

Оставалось погибнуть?

Мой синтез — следствие ошибки. Время вторых ипостасей еще не пришло, система незнакомой звезды еще не подвергалась первичной зачистке, — об этом немо свидетельствовали множественные объекты

техногенного происхождения, принадлежавшие, по многим признаком, не цивилизации врага, а какой-то иной расе.

Есть ли разница?

Нет. Здесь место и время для борьбы низших форм. Среди ощущений тоски, внезапно сверкнул лучик надежды.

Техника неизвестной расы после экспресс-сканирования показалась ему примитивной, но функциональной. Не все системы поддавались анализу, но в части двигателей и вооружения они могли быть использованы.

Зорг огляделся. Да, его действие с точки зрения человеческих понятий можно назвать только так.

Вокруг полыхали горячие звезды. Он видел их все и каждую по отдельности, вместе с планетами, образующими системы, вместе с жизнью, кипящей в границах Обитаемой Галактики.

Жизненное пространство, переполненное проявлениями техногенных цивилизаций, дышало жарко и враждебно.

Сейчас не к месту и не ко времени вспомнились слова Айлы, сказанные тогда, на пороге гибели, накануне принятия дерзкого по замыслу решения.

Нам бы клочок лазурного неба, да право быть самими собой…

Нет здесь места для нас. Пока нет. Взгляд Зорга проникал все дальше, он мчался сквозь пространство, скорость мысли теперь превышала порог скорости света, он то нырял в аномалию космоса, то выходил из нее, на все — доли секунды, такой стремительный, но эффективный поиск не пригрезиться бы ни одному из разведчиков существующих здесь и сейчас цивилизаций. Этому способу, как и всем технологиям, что хранил в себе рассудок Зорга, насчитывался ни один миллиард лет.

Наконец жаркое, осязаемое дыхание жизни начало истончаться, по мере того как разум Зорга проникал все дальше — через пространство шарового скопления звезд, по сложной сетке горизонтальных линий напряженности аномалии пространства-времени, к новым, удаленным уже на сотни световых лет системам.

Там на противоположном краю шарового скопления его взгляд поймал нечто важное.

Жизнь действительно отступала тут, но когда-то она полнила планеты, обращающиеся вокруг пограничных звезд скопления. Теперь от некогда процветавших тут народов остались лишь немые конструкции, сохранившиеся в границах планетных систем.

Одна из них, едва ли пригодная для биологических форм жизни,

отвечала многим желаемым критериям поиска. Двойная звезда в газовом коконе планетарной туманности, на орбите — газовый гигант, вокруг которого обращается одна планета и несколько лун.

В системе его взгляд нашел множество конструкций, принадлежавших тем расам, что так негостеприимно встретили их бездну времени тому назад. Присутствия жизни он не почувствовал, но исполинские орбитальные комплексы хранили в своих недрах машины, столь необходимые для успешного претворения изначального замысла.

Здесь место и время для борьбы низших форм, — мысленно повторил он, принимая окончательное решение. Теперь план был ясен, оставалось лишь воплотить его в жизнь, после чего он надолго покинет данность, чтобы вернуться, когда у них будет свой, наконец-то — свой участок небесной лазури…

Ни о чем ином он думать не хотел. Уйти еще дальше не позволит ресурс базового корабля, но найденная система отвечала всем критериям первичного плана.

Оттуда все возродиться. Если же упрямые, не дающие права на самостоятельные вздох, настырные и молодые цивилизации все же рискнут начать поиск, последовать за ним, — что ж, это будет их последней ошибкой.

* * *

— Первый вызывает базу.

— На связи. — Голос капитана Крамцева прозвучало сухо, отрывисто.

— Докладываю: пространство системы просканировано. Обнаружен незарегистрированный войсковой транспорт, дрейфует, энергетическая активность слабая, на попытку связи ответил сигналом бедствия.

— Пока игнорировать. Связь с северным полушарием?

— Еще не установлена. На сканерах рой неопознанных объектов энергетической природы. Сигнатуры слишком малы для прочтения и расшифровки.

— Приказываю сблизиться. Действовать по обстановке.

— Понял, выполняю.

Крамцев недоумевал. В задании ему было приказано полностью блокировать систему Эригона, быть готовым к столкновению с корпоративным флотом «Нового Света», но поисковые радары впустую обшаривали сферы сканирования, кроме упомянутого скопления мелких сигнатур, больше ничего не было…

— Внимание по курсу множественные сигналы, сигнатуры четкие,

идентификации не поддаются, выходят из-за планеты!

Крамцев взглянул на экраны и вздрогнул.

Около сотни космических аппаратов веретенообразной формы двигались в районе высоких орбит. Рой мелких сигнатур внезапно рассыпался, устремляясь им навстречу. В ответ разрядилось несколько необычайно мощных генераторов плазмы…

— Всем постам: боевая тревога! Истребителям прикрытия — разобрать цели и доложить!

— Сэр объекты не идентифицируются ни по одной из баз данных!

У Крамцева возникло чувство, что его связали по рукам и ногам.

Неизвестные объекты. Они вполне могут быть реликтовой техникой одной из известных людям древних цивилизаций, однако существовал мизерный, почти невероятный шанс, что корабли принадлежат иной расе, с которой людям сталкиваться еще не приходилось.

— Внимание, группам прикрытия, — отбой атаки. Образуем защитное построение. Специалисты первого контакта — ваш выход!

* * *

Зорг мысленно вернулся в пространство системы, где миллионы лет назад атака чуждых существ низвергла последний корабль его цивилизации в глубины теплого океана, покрывавшего всю планету. Там, где повсюду была вода, не могли воссоздаваться энергоматрицы. Тогда за секунду до распада ему казалось что все, наступил финал тысячелетней драмы и возвращение его расы в мир уже невозможно.

И вот он вернулся.

Теплый океан превратился в лед, энергосистемы корабля получили каким-то чудом источник питания, вновь началось репродуцирование четверть-сущностей, лишь его сознание по злой иронии судьбы оказалось собрано полностью.

Наверное, это мой рок — принимать губительные решения, а потом тщетно пытаться забыть их…

Только Вселенная не изменилась за время, проведенное в состоянии небытия. Опять в который раз он очнулся среди враждебного, не сулящего ничего доброго мира.

В сознании Зорга продолжала теплиться слабая надежда, что когда-то все окончится, фрагменты сущностей воссоединятся, но не так, как случилось с ним сейчас, не для того чтобы вступить в бой…

Лишние мысли недопустимы. Пора действовать.

…Льды Эригона вновь осветило холодное пламя.

Внизу под покрывалом облачности планеты, под толщей ледника, в сумеречной пещере от базового корабля отделилось еще несколько четверть-сущностей, — существ которым неведомы сомнения, их не гложет страх, они лишь четвертая часть личности, спокойная, целеустремленная и беспощадная.

Они устремились вверх, а затем, сквозь метель, к небольшой, ровной площадке, где в ожидании команд застыли три «Х-страйкера» с опознавательными знаками корпорации «Новый Свет».

Теперь внимание Зорга сосредоточилось на двух группировках машин. С одной стороны к планете приближался огромный космический корабль, выпустивший целый рой малых аппаратов прикрытия. Техника данной цивилизации была совершенно незнакома Зоргу, но корабль нес угрозу, в его энергиях отчетливо читались мощные боевые системы.

С другой стороны к рою застывших без движения сгустков холодного пламени приближались веретенообразные штурмовики той расы, что властвовала тут очень давно. Примитивные, но хорошо вооруженные автоматы пролежали на дне превратившегося в ледник океана миллионы лет, — в далеком прошлом им не удалось завершить атаку, уничтожить цель, и вот они очнулись, как только объект их внимания начал проявлять энергетическую активность.

Зорг практически не колебался в выборе. Схема приближающихся штурмовиков была, во-первых, примитивна, а во-вторых, известна еще с той далекой поры.

Он отдал приказ, и четверть-сущности рванулись навстречу веретенообразным штурмовикам, с единственной целью — завладеть ими для нанесения удара по крупному космическому кораблю, который являлся единственной реальной угрозой для осуществления плана бегства.

Связавшись с планетой, Зорг получил информацию — главная энергетическая установка получила необходимую накачку и запущена.

До момента, когда станет возможен старт, оставалось совсем немного времени.

Времени, которое ему предстояло продержаться, не подпуская корабль иной цивилизации к покрытой льдами планете.

Пока он размышлял в пространстве промелькнуло и тут же рассеялось несколько плазменных разрядов, — штурмовики иной расы пытались оказать сопротивление внедрившимся в них четверть-сущностям.

Остававшиеся пока не у дел сгустки холодного пламени Зорг послал навстречу большому кораблю, вокруг которого кружили десятки малых аппаратов.

Теперь все решиться в ближайшие минуты.

* * *

— Проклятье!.. Внутри корабля заработали автономные источники энергии!

Возглас Герберта, переданный по связи, застал Герду врасплох. Она растерялась, не представляя, что нужно делать.

— Я ничего не вижу! На экранах сканирующих систем ни одной сигнатуры! Приборы не фиксируют их!

— Зато я фиксирую. — Хайт был зол. Он только что осмотрел бессознательные тела мнемоников, придя к неизбежному выводу, что Кирсанов был абсолютно прав, «Новый Свет» тут не при чем, — парни действовали на свой страх и риск, прикрываясь символикой корпорации, как надежным щитом, способным направить ответный удар по ложной цели.

— Энергетическая активность растет. Я наблюдаю включение непонятных, но очень мощных систем. Внутри артефакта просматривается размытая сигнатура. Что-то вроде сияющего столба в геометрическом центре конструкции!

— Вижу. — Голос Герберта, переданный коммуникационным устройством, чуть дрожал, но скорее от внутреннего напряжения, чем от страха. — Герда, следи за андроидами! Я видел, как часть «светлячков» внедрялась сквозь их корпуса, внутрь!

— Успокойся. Как бы там ни было, они не смогут перехватить управление! — Ответил Трегалин.

— Мнемоников-то они вырубили…

— Хорошо, я проконтролирую. — Поспешно заверила его Герда. — Что собираешься предпринять?

— Гасить надо энергетическую активность внутри артефакта!

— Как ты это сделаешь, Герберт? — Вмешался Кирсанов.

— Не знаю. Пока не знаю! Пусть Трегалин прикрывает меня! Я попробую войти внутрь. Отсюда практически ничего нельзя сделать — обшивка экранирует излучения.

— Герберт, не смей! — Герда попыталась его остановить, но тщетно — крохотная фигурка Хайта уже двигалась, огибая исполинский космический корабль. Открытый вход, через который несколько часов назад на борт поднимались Кирсанов и Трегалин, располагался как раз напротив огромного тоннеля, прорезанного горнопроходческой машиной.

Герберт был почти у самого входа, когда случилось непоправимое, —

откуда-то сверху раздался оглушительный, рвущий барабанные перепонки рев, затем по тоннелю, проложенному от самой поверхности ледника, рванул ураганный ветер, его порыв легко приподнял фигурку Хайта и швырнул его внутрь чуждого корабля.

Герда, а вместе с ней Трегалин, еще пребывая в шоке, рванулись вперед, но путь им внезапно преградило автоматически включившееся суспензорное поле.

Зеленоватое мерцание защиты тут же отсекло порывы яростного, словно взбесившегося ветра, исчезли воющие звуки… и в наступившей тишине из пятидесятиметрового жерла тоннеля вдруг, словно призрак, появился «Х-страйкер». Истребитель с логотипами корпорации «Новый Свет» едва притормозив ослепительной вспышкой носовых дюз, филигранно вписался в тот же проход, куда за только что унесло Герберта Хайта.

Вслед из тоннеля хлынул поток воды, несущий частицы льда, затем появился еще один «Х-страйкер», за ним еще, потом проследовал десяток странных веретенообразных аппаратов, промелькнули два или три роя холодных огоньков, и проход в борту артефакта внезапно перекрыло радужным энергетическим сиянием, запечатавшим его, будто мембрана.

Никто из троих человек, в немом оцепенении наблюдавших этот процесс не успел даже испугаться по-настоящему.

В следующую секунду воздух задрожал, контуры артефакта исказились, он стал как будто прозрачным, секунду оставался в таком состоянии, а затем… исчез, словно растворившись в воздухе.

* * *

Ивана Андреевича, Герду и Александра спасло только работавшее от реакторов вездехода суспензорное поле защиты, иначе массы разбитого в крошку льда, ринувшиеся вниз, заполнившие пещеру, просто раздавили бы их.

* * *

Система Эригон.

Борт крейсера «Решительный»…

Сутки спустя.

Кирсанов едва держался на ногах, но время для отдыха еще не настало.

Он видел «Решительный» со стороны — крейсер был опален

неистовым пламенем множественных плазменных попаданий, часть надстроек и внешних, граничащих с обшивкой отсеков взорвана ударами декомпрессии, вокруг исполинского корабля до сих пор клубилась сфера из перемешавшихся между собой обломков истребителей и штурмовиков двух рас.

Капитан Крамцев, разговаривавший по ГЧ, увидев Кирсанова, кивком указал на кресло — садись, и продолжил начатый доклад, не смущаясь присутствием Ивана Андреевича, — его он знал давно.

— Повторяю, мы не наносили превентивных ударов. Да, они напали на нас. Все зафиксировано, от первой до последней секунды. Что? Насколько пострадал крейсер? Его практически нет! Не знаю. Генераторов плазмы такой мощности я никогда не видел. Да, всех раненых вывезли на Эригон. Да поймите вы, мне пришлось сражаться с собственными истребителями! Не было тут никакого корпоративного флота, господин адмирал. Кто перехватывал управление? Сложный вопрос, который придется исследовать. По данным сканирования перед потерей управления рядом с малыми кораблями появлялись сгустки света. Да, именно сгустки! Потом истребитель переставал реагировать на дистанционные команды, выходить на связь, а спустя некоторое время вдруг начинал совершенно невероятные, с точки зрения программного обеспечения, действия. Нет, вам придется поверить, потому что все, и столкновение со штурмовиками иной расы, и атака собственных «Фантомов», — все есть в записи, с подробными файлами сканирования!

— Закончишь, дай мне поговорить. — Попросил Кирсанов.

Крамцев кивнул.

— Вывод я делаю один, — если бы они не прекратили атаку, и внезапно не начали отступать, пытаясь уйти в атмосферу Эригона, крейсер был бы разрушен. Нет, я не преувеличиваю, потому что все малые корабли, за исключением тех, что шли под управление *живых* пилотов, были подчинены чуждой воле и действовали против собственного базового крейсера! «Решительный» уничтожил девяносто объектов класса «веретено» и сорок семь собственных «Фантомов».

В разговоре наступила пауза — Крамцев слушал, что ему говорил адмирал Шайгалов.

— Да, понял. Тут у меня Кирсанов, его только что доставили на борт с Эригона. Хочет о чем-то поговорить.

Иван Андреевич принял от Крамцева трубку ГЧ-коммуникатора.

— Здравствуй Николай Сергеевич. Не чаял? А я вот выжил. Ладно, детали мы потом оговорим, скоро буду на Элио. Ты мне сейчас скажи,

только честно — де Ритторена еще не трогал? Ясно. Да есть у меня доказательства, есть! Пустышку не тяну. Тебя же от ошибок страхую. Дай мне сутки. Под гарантию его сотрудничества. Да, *я* тебе гарантирую, мало этого? Ну, хорошо. Сутки, и у тебя будет на кого повесить всех собак. А взрывать Окраину не надо! Не он за этим стоит. Я мнемоников допросил, чтобы тебе понятнее было. Все, спасибо. Через стуки будешь на коне. Давай.

Кирсанов отключил коммуникатор, бросил взгляд на Крамцева, который с мрачным видом машинально пил тоник.

— Ну что ты, Денис Семенович? В руки себя возьми. Ты все правильно сделал. — Он ободряюще кивнул — я еще одно соединение, ладно?

— Давай. — Махнул рукой Крамцев.

Когда на том конце связи ответили, Кирсанов долго и пристально вглядывался в лицо абонента, который так же пытался узнать звонившего.

Наконец Фредерик де Ритторен первым произнес:

— Иван, ты?

— Ну вот, другое дело, теперь я точно знаю, что не подменыш со мной говорит. Слушай внимательно Фредерик, помнишь ты однажды мне жизнь спас?

— Помню. Только когда это было?

— Неважно. Долг отдаю. Сейчас переброшу тебе запись, быстро посмотри и свяжись со мной. Давай в темпе.

Минут через пять раздался мелодичный тоновый сигнал.

— Ну, посмотрел? А теперь думай Фредерик, думай хорошо, кто тебя так качественно подставил? Да я сам догадался, но не сразу, а только когда понял, что тем ребятам не нужен артефакт, — они готовы были его разрушить, лишь бы узнать принцип действия. Ладно, Фредерик, я у Шайгалова сутки выпросил. Так что уж будь добр, предоставь ему *веские* доказательства своей непричастности. Да. Ну, давай. Конечно, увидимся…

Иван Андреевич опустил руку с коммуникатором, сел, налил себе тоника, и, сделав глоток, произнес:

— Вот и съездил я, Денис Семенович, в отпуск, посмотрел, как говориться, красоты Эригона…

Часть 3. Эмпат

Глава 8

…Облака, протянувшиеся на половину видимого небосклона, казались оперением фантастической птицы, раскинувшей крылья в ослепительно-фиолетовой глубине безвременья.

Смесь мыслей, чувств и ощущений давила своей чуждостью.

Не существовало запахов, но предзакатные сумерки брызгали сочными красками леденящего света: лучи скатывающегося за горизонт светила, жгучие, зарождающие в небе сполохи полярного сияния, пробивались сквозь разлапистые кроны деревьев, голубоватый свет неба косыми столбами резал чернильные тени, лучи, как клинки, вонзались в бурый, мягкий, пружинистый перегной отмерших листьев, на котором не росла трава, лишь редкие, похожие на клубки колючей проволоки кустарники *нежились* в ослепительном, неживом сиянии.

Чуждый мир, чуждые мысли, но фон непреходящей тоски порождал внезапные ассоциации…

Зачем я здесь?

Под мертвенным небом, среди безвременья, ощущений холода, нестерпимости света?

Ночь приходила минутным облегчением. Ослепительные краски неба меркли с невероятной скоростью, реальность погружалась в спасительный мрак, но ненадолго.

Луна вставала в половину небосвода и, не предвещая ничего доброго, под ее призрачным, оранжевым светом зарождались сгустки напряженных нитевидных разрядов, сплетающиеся в потрескивающие клубки.

Покидая дневные убежища, они медленно *выдавливались* из-под похожих на исполинские, понурые лопухи листьев, и начинали свой путь: сначала к опушке, потом, покружив над бесплодной, потрескавшейся от жара равниной, они, уловив токи горячего, все еще струящегося маревом миражей воздуха, начинали смертельный ночной полет, из которого вернется даже не каждый второй, а гораздо меньше.

В свете газового гиганта нитевидные энергетические образования казались крошечными беспомощными светлячками, движущимися по воле ветра навстречу угасающим сполохам полярного сияния.

В мрачном, налившемся чернотой небе снова начали проступать крылья фантастической птицы, поменявшей лиловое оперение на оранжевое.

…Она остро, почти неприязненно ощущала себя частью данного мира, и в тоже время на втором плане рассудка, за неистовым стремлением подняться ввысь, сквозила ледяным холодом чисто человеческая мысль: *какого фрайга я тут делаю?…*

Времени мало. От заката горячечного фиолетового светила до восхода ослепительно-белого всесжигающего карлика, за которым тянется шлейф раскаленной плазмы, всего два часа. За это время море волнующихся под порывами ветра растений успеет свернуться, листья втянутся в «чехлы» полых ветвей, и укрытия уже не найдешь, внизу под изменчивыми небесами восход магниево-белой звезды встретит мертвый ничего не ждущий, притихший мир.

Оплот.

Последнее укрытие. Отсюда либо начнется все, либо тут все завершиться.

Ее… или его беда заключалась в том, что среди стремящихся навстречу пухлому оранжево-медному сиянию газового гиганта сгустков наэлектризованного света больше нет осознающих себя мыслей. Им просто: нет разницы, жить или умереть, вернуться к сроку или быть разрушенными. И только она… или все-таки он?… не важно, — осознавали себя, понимая, что все здесь чуждо, непонятно, бессмысленно.

Ах, как хотелось все переиначить. В*и*дение прошлого, отражающее будущее, или, быть может настоящее, — губительный, не имеющий объяснения сбой темпорального потока, в котором приходилось существовать… Хорошо если восприятие субъективно, тогда еще можно выпутаться, сохранить в рассудке хотя бы надежду на то, что рано или поздно отыщется источник сбоя, некий стартовый алогизм, от которого и пошла губительная цепочка субъективно-неправильных выводов.

И сразу, будто ледяной душ (а откуда тут взяться воде?) мысль: а если происходящее объективно, что тогда? Останется принять его как данность? Покориться судьбе? Не искать объяснений?

Мысли свободны лишь до определенного момента.

На тщетные попытки понять окружающее отводится слишком мало времени. Крылья оранжевой птицы вдруг теряют очертания, по ним порывами бежит рябь искажений, и вот уже порванные неистовым ветром завитки рыжего тумана беспомощно и безвозвратно растворяются.

На угольно-черном небе не отыщешь звезд, лишь иногда сквозь вуаль планетарной туманности по воле случая блеснет холодная искорка, как отблеск утерянного величия, понимания Вселенной, торжества разума над пространством и временем.

Когда и где могли существовать подобные, осознаваемые сейчас как *далекие, чужие воспоминания* мысли? Где же то могучее, несомненно разумное, познавшее тайны Вселенной существо, которому по праву принадлежат обрывочные мыслеобразы?

Его нет. Оно не тут. Возможно, уже погибло или еще не появилось на свет?

Ответа не дождешься. Ни от себя, ни от окружающих энергетических сгустков, постепенно расправляющих нити для решающего рывка через чернь стратосферы. В последние секунды осознанного, управляемого мыслью бытия, удается сохранить только надежду на то, что придет время и все разрешиться. Спадет пелена глухого неведения.

Впереди появляется нечто новое и в тоже время давно знакомое, приевшееся, проклятое.

Холодный блеск металлоконструкций. Обращенные к планете сегменты орбитальных сооружений внезапно начинают двигаться, они трансформируются, вращаются вокруг незримых осей, открывают треугольные провалы, откуда в космос выталкивает веретенообразные, покрытые чешуйчатой, уложенной внахлест броней, малые корабли, вооруженные десятками боевых подсистем.

Сгустки холодного света разворачиваются, превращаясь в огромные по площади, но тонкие, словно волос, плетения энергетических нитей.

Их сложно поразить сфокусированным оружием, и лишь плазменный разряд, да широкая апертура электромагнитного, генерированного расширяющимся конусом, поля, способны нанести четверть-сущностям серьезный урон.

Слово какое-то странное, и одновременно, злое, неправильное «четверть-сущность».

Не должно так быть. Если сущность то пусть бы полная, что же нормального выйдет из одной четверти? Как нечто подобное вообще может существовать?

Оказывается, может, еще как может.

Сознание меркнет. Оно становится рыхлым, обрывочным, но усилие воли, — как дико не хочется его предпринимать, но надо, каждый раз надо, все больше и дольше, хотя бы на секунду или две, чтобы понимать зачем, почему все это?

Опыт. Ужасный опыт тысячекратных смертей, пока еще бессмысленных, но, несомненно, нужных — нужных тогда, когда будет найден смысл происходящего. Ну а пока единственная возможность к пониманию, — это терпеливое накопление данных, уничтожающая

рассудок статистика собственных побед и поражений.

Каждый раз отодвигать распад самосознания на несколько секунд, подбираться ближе и ближе к отблескивающему брюху орбитальных конструкций, чтобы, в конце концов, узнать, что же на самом деле происходит за чертой разрушения личности?

Распад наступает болезненно.

Меркнет восприятие реальности, но не исчезает вовсе, а как будто отдаляется, становиться не концентрацией внимания, а фоном.

Внутри себя на уровне распадающегося самосознания текут лавинообразные процессы: из недр, из потаенных узилищ памяти, словно внезапно обретшая свободу толпа заключенных, вырываются инстинкты, рефлексы, — все, что когда-либо было заложено природой, приобретено в нелегкой борьбе за жизнь нашими, еще не осознающими себя предками.

Тотальная мобилизация.

Не важно, какое сейчас у тебя тело, не важно есть ли оно вообще, — навстречу веретенообразным штурмовикам устремляется новорожденная воля, движущая сила которой — инстинкт.

В природе, как и в космосе, выживает сильнейший, самопожертвование в рамках *стаи* — уже не жертва, не смерть личности, всего лишь статистика выживания.

Четверть-сущность для того вероятно и создана, чтобы стать слепой, не ведающей сомнений, стремящейся порвать противника и обязательно сохранить хотя бы частицу самой себя силы…

Вспышка наступает на фоне погибшего разорванного на четвертинки самосознания.

Вот и сложились секунды.

Сложились до смерти…

* * *

Планета Эригон. 3854 год Галактического календаря…

Короткий, судорожный вдох, стон, сорвавшийся с пересохших, искусанных губ, щекотливая капля ледяного пота, скользнувшая вдоль обнаженной спины, потом судорогой по телу — дрожь, озноб возвращения в реальность…

Она сидела в скомканной постели. На ладонях отпечатки ногтей. Маленькие кровоподтеки, бездна прорвавшихся, словно вода, налитая в прохудившуюся емкость, чувств, эмоций, запахов…

Что со мной происходит?… Где я бываю в кошмарных снах? Почему

нет сил проснуться, отогнать наваждение, куда в ночные часы исчезает воля?

Вот уже третий месяц Герде снились странные сны.

Поначалу все происходило на уровне объяснимых пережитым стрессом кошмаров, но вскоре она уже не смогла относиться к своим сновидениям с той долей скептицизма, неприятия и отчужденности, как советовал личный психолог.[28]

Программы утверждали одно, но чувства подсказывали иное. Испуг, вызванный странными видениями, вскоре перестал проходить, забываться с началом нового дня, после первой чашки кофе.

Постепенно пришла бессонница. Герда стала замкнутой, перестала общаться с кем-либо, глубоко переживая непонятный сдвиг психики. Если раньше ей были неведомы иррациональные страхи, то теперь она начала не просто бояться, — ее охватывал ужас от одной мысли, что борьба со своим организмом приведет к заранее известному, предсказуемому итогу, — возвращению кошмаров, от которых не существовало спасения или лекарства.

Ладно, если бы все началось сразу после памятных событий, но нет, прошло почти три с лишним года, прежде чем обрывочные видения постепенно начали складываться в подробные, полные пугающего реализма, и в то же время чуждые, нереальные и неприемлемые для человеческой психики отрезки *сопереживания…*

Боль пульсировала в висках, билась в голове как раненый зверек, он нее к горлу подкатывала тошнота, через некоторое время, когда уже не оставалось сил терпеть, Герда, впившись ногтями в собственные ладони, начинала расхаживать по квартире, пытаясь вытерпеть, сбить ощущение невыносимой тяжести, бессилия, невозможности жить дальше.

Она потеряла смысл существования. Ее жизнь превратилась в затянувшийся кошмар, но способа выйти из него попросту не было. Единственное, что она могла сделать — убить себя.

Вид разобранной постели вызывал у нее панику, тошнота не позволяла есть, но стремительное похудание, упадок жизненных сил вели к сонливости, слабости, и как следствие — к продолжению кошмаров.

Порочный круг замыкался.

Герда десятым, интуитивным чувством понимала, без посторонней помощи ей не выкарабкаться, но кто, кто мог ей помочь?!

Куда не обратись, итог станет одним: ее упрячут в психушку.

Разве оставаясь здоровым человеком она сможет рассказать о

терзающих ее видениях и уж тем более доказать, что они не бред?!

Кто же мне поверит?

С каждым днем ей становилось все хуже и хуже. Но Герда вдруг поняла, что с каждой ночью ей становиться легче. Ужасное, непоправимое утверждение с точки зрения здоровой психики, но легче ей действительно становилось и происходило это, как правило, *там*.

* * *

Дома все казалось невыносимым: и духота, от которой не спасала включенная на полную мощность система кондиционирования и неухоженность помещений, и отсутствие еды, — все кричало о запущенности, затхлости, но разгребать бардак не было ни желания, ни сил.

Сколько Герда провела в состоянии странной, едва ли поддающейся разумному объяснению (с точки зрения ее личного жизненного опыта) комы, сказать трудно. Может несколько дней, а может и больше.

Нет она не чувствовала себя изможденной физически: не хотелось ни есть, ни пить, а вот моральное, внутреннее состояние было чудовищным.

Она застряла где-то меж двух реальностей, не готовая к происходящему с ней, не умеющая объяснить, что же случилось на самом деле?… Сейчас Герда чувствовала лишь одно: оставаться в квартире и предаваться бесплодным попыткам осмыслить свои странные видения, — значит спровоцировать новый приступ безумных мыслей, а его она уж точно не выдержит.

Она машинально оделась, тщательно заперла за собой дверь, даже проверила наличие магнитных ключей и документов, какие обычно находились при ней.

Кажущаяся сосредоточенность помогла ей на некоторое время придти в себя, и из подъезда трехэтажного дома Герда вышла, уже решив, куда направиться в первую очередь.

Тщетно. Все замыслы тут же рассыпались, — на улице, падая огромными пушистыми хлопьями, шел снег.

Она остановилась, испугавшись, опять не понимая: грезит ли наяву, или действительно видит снегопад в городе с замкнутым циклом жизнеобеспечения, строго рассчитанной циркуляцией воздуха… в городе, где вообще никогда не должно выпадать никаких осадков?

Она стояла, а снег все шел и шел, не то чтобы густой и совсем непроницаемый, — напротив, снежинки падали редко, лениво, и Герда, наблюдая, как они, касаясь стеклобетона улицы, тут же тают, превращаются

в слякотную кашицу, внезапно подумала: так и наша жизнь сначала, в пору юности, медленно кружит, в каком-то нереально-красивом танце наивных мечтаний, а потом вот так, в одно мгновенье, глядь, — и ты уже стоишь средь серой слякоти, ноги промокли, чьи-то мечты проносятся мимо, но уже не твои, девочка, не твои…

Герда не нашла что ответить на собственные мысли, но состояние внезапно накатившей ностальгической грусти уже невозможно было изгнать, и она напряглась, пытаясь вырваться в реальность, но добилась лишь понимания сути происходящего процесса: город ветшал, — вот настоящая причина снегопада. Коренные жители Эригона покидали подледные города, переселяясь на иные планеты, а сюда пришли не рачительные хозяева, а временщики, которым по большому счету наплевать на незначительные сбои автоматики. Ну и что, подумаешь конденсат под сводами города превращается в иней, ну сдувает его зародившийся там, на недосягаемых глазу высотах, ветер, так от него бизнес не страдает, и туристы вроде довольны… Автоматика, если случиться что-то действительно серьезное, тут же поднимет тревогу, на то она и существует, чтобы люди могли заниматься своими делами, ни о чем не беспокоясь.

Рухнет тут все. — Подумала Герда.

Ноги сами вели ее в неизвестном разуму направлении, она никуда не торопилась, но и целью не задавалась, просто шла и размышляла, падающие снежинки вызывали щемящую грусть, и это человеческое чувство приносило неописуемое облегчение.

Через некоторое время она поняла, что вот уже несколько минут как вошла под ярко освещенные своды общественного паркинга. Очнувшись, стряхнув оцепенение, она осмотрелась по сторонам и обнаружила, что стоит рядом с серым флайкаром довольно известной на Эригоне и уже морально устаревшей модели «Мираж-217».

Дыхание вдруг перехватило горьким, горячим комом.

Словно паутина забвения прилипла к лицу, рукам — такое могло случиться только здесь, в погибающей, фактически покинутой людьми колонии. Все, кто прилетал на Эригон в качестве туристов, не задерживались тут более двух-трех дней, а обслуживающие их работники туристических агентств, отелей, баров, экскурсионных маршрутов — никто не выдерживал более двух недель, даже компенсаторы тяготения не помогали, что-то происходило с организмом, не адаптированным под условия жизни в подледных городах, вот и получалось что населения в колонии на самом деле практически нет…

Машина, подле которой она остановилась, только подтверждала

промелькнувшие в рассудке Герды мысли.

«Мираж» принадлежал ей.

Очень давно, в какой-то прошлой и уже нереальной жизни машину подарила ей мать.

Господи, а как же я сумела забыть о своей желанной, дорогой мечте?

А ведь забыла. За новыми заботами, за попытками вырваться из слякоти, за упорным трудом, который на самом деле преследовал только одну цель — дать ощущение свободы… хоть на миг возродить мечту, право вновь почувствовать себя снежинкой, медленно, беззаботно кружащейся высоко-высоко…

Ей казалось для этого нужно очень многое, — в первую очередь независимость, деньги, положение в обществе… которого уже нет. Оно исчезло, и остались от него старенькие «Миражи» пылящиеся на ярко освещенных, но уже никому не нужных общественных паркингах.

Что же меня так понесло?… — Почти с досадой подумала Герда, потом нервным движением вытащила из кармана и встряхнула магнитные ключи, нанизанные на прочную, красивую, отблескивающую замысловатым плетением нитей, витую цепочку.

Вот он…

Она приложила кругляшок ключа к все еще трепещущему в углу лобового стекла огоньку индикации бортовой кибернетической системы, и — чудо — тихо щелкнули электрозамки, затем плавно и как-то тягуче-медленно заработал сервопривод двери, открывая доступ в пропахший затхлостью салон.

Она села, дверь опустилась, весело и немного испуганно, словно не веря в собственное счастье, ритмично взморгнули датчики индикации подсистем, выждав положенные секунды, автоматически запустился водородный двигатель, и одновременно очнулась аудиосистема, начав воспроизведение с того трека, на котором остановилась много лет назад.

Герда сидела, оглушенная происходящим, ее швырнуло в прошлое, в пору юности, первой любви, надежд, мечтаний, когда каждый новый день казался целой непрожитой жизнью…

Она попала под внезапный, тягостный и одновременно ностальгический-сладкий пресс эмоций, опять в какой уже раз, она не могла, или просто не хотела совладать с чувствами, невольно рвущимися наружу, она искала что-то ускользающее от понимания, но что?

Ответ важен. Не для кого-то, для себя. Герда ведь забросила все — она больше не интересовалась делами, не появлялась в офисе, даже работа восстановленных буровых ее не интересовала, — все поглотили странные

нарастающие, будто снежный ком, видения, от которых следовало либо срочно избавляться, прибегая к сторонней помощи, либо принимать их, но принимать зачем? Во имя чего?

Не «во имя чего», а «почему», — мысленно поправила себя Герда, наконец, решившись стронуть машину с места, и вздрогнула, в очередной раз ненадолго возвращаясь из мыслей и грез в реальность, когда ощутимое ускорение мягко, почти ласково прижало ее к креслу, дав почувствовать как «Мираж» входит в крутое закругление серпантина, ведущего из зоны парковки к пустой автомагистрали уровня.

Герда огляделась, но ожидаемого потока машин не увидела. Она была почти что одна, лишь далеко, где-то у иллюзорного горизонта рдели габариты еще одного флайкара неразличимой с такого расстояния модели.

Она повернула на магистраль и повела «Мираж» по скоростной трассе, ведущей из города, через тоннели, к соседним подледным поселениям.

* * *

Через пол часа, когда рассудок отрезвел от быстрой езды, вновь включился тот же самый трек, и Герда, подчиняясь внезапному порыву, свернула на специальную смотровую площадку, устроенную исключительно для туристов.

Она находилась в огромной естественной пещере через которую, словно туго натянутые ниточки тросов, шли, перекрещиваясь (но, не пересекаясь), множество искусственно созданных тоннелей, имеющих прозрачные стены и свод.

На площадке было пусто. Она остановила машину у самого края, почти коснувшись бампером прозрачной, выпуклой стены, и некоторое время смотрела в искрящуюся, переливающуюся волнами холодного света бездну необъятной пещеры.

Почему… Почему я до сих пор не обратилась к врачу?

Хороший вопрос. Что такого притягательно в каждодневных, изматывающих психику видениях? Почему я не избавлюсь от них, не назову вещи своими именами, например болезнь — болезнью, психическое расстройство…

Она не захотела додумывать мысль до конца. Грубо оборвала ее, сосредоточившись на музыке, которая напоминала о первых свиданиях, о парне по имени Берг, когда-то беззаветно любимом, а теперь прочно забытым, настолько прочно, что не вспомнить даже его лица, вместо которого упорно появляется образ Герберта Хайта.

Кибрайкер.

Почему я думаю о нем? Потому что он разрушил мою жизнь?

Нет. Осознание происходящего пришло, словно вспышка.

Потому что я до сих пор чувствую его. Чувствую вопреки всему, вопреки фактам, вопреки теории вероятности…

Герду обдало жаром.

Значит, именно он приходит ко мне в видениях-снах? Но тогда он жив?!

Мысль споткнулась, словно усталый изможденный путник о внезапный, подвернувшийся на пыльной дороге камень.

Не было сил ни поверить интуитивному предчувствию, ни опровергнуть или хотя бы оттолкнуть его.

Да и не хотела Герда ничего отталкивать от себя. Она ведь понимала, что сидит сейчас в машине, там, где три миллиона лет назад плескался океан… Это ощущение тоже нереально, а мысль неправдоподобна, несправедлива?

Она вдруг вспомнила тот, состоявшийся во время роковых событий мнемонический контакт с Гербертом, когда перед ее мысленным взором за несколько минут пронеслась вся его жизнь, спрессованная в почти уничтожительный для неподготовленного разума информационный поток.

Разве после того прямого нейросенсорного контакта я могу обознаться?

Наверное, нет. Но нужно снова попробовать, надо все проверить, значит, необходимо еще раз попасть туда, в кажущийся потусторонним мир, освещенный двумя солнцами.

Если я воспринимаю его глазами Герберта, то теперь обязательно пойму это.

Ей вдруг стало страшно. Она всерьез задумалась над тем, что станет делать, если вдруг осознает, что действительно ощущает незримое присутствие Герберта Хайта, человека, которого она успела если не полюбить, то, наверное, — понять за те короткие часы, что были отпущены им на общение силой безжалостных обстоятельств.

Потом он погиб. И я пытаюсь опровергнуть очевидный факт?

Герда вновь посмотрела туда, где во мраке огромной пещеры блуждали разноцветные сполохи холодного сияния.

Нужно хотя бы связаться с Иваном Андреевичем, рассказать ему обо всем, что твориться со мной. Он поймет. По крайней мере, не рассмеется в лицо и не покрутит пальцем у виска. Вот позвонить бы прямо сейчас, только нет здесь нормальной связи, нужно возвращаться в город, да и

кибстек с коммуникатором остался лежать на столе в квартире.

Все как-то неправильно, сумасбродно, непоследовательно…

От ностальгического настроения не осталось и следа. Разворачивая «Мираж», с намерением возвращаться в город, Герда снова ощущала себя сжатой до предела пружиной, очень старой пружиной, в металле которой накопилось достаточно микротрещин и внутренних напряжений, чтобы легко сломаться на очередном резком движении.

Мимо проносились холодные, напитанные искусственно принесенным сюда светом глыбы льда.

Льда, который когда-то был океаном теплой планеты.

* * *

Несколькими сутками позже…

Ослепительно-белое светило застыло в зените.

Безоблачное небо источало зной. Группа скал отбрасывала резкие тени, и, что удивительно, — среди невыносимой жары, на участках потрескавшейся пустыни, там, куда в данный момент не падал прямой свет солнца, распускались губчатые цветы, похожие на кораллы.

Она вновь ловила себя на явных противоречиях.

Откуда уроженке Эригона знать, что такое кораллы? Герда ни разу воочию не видела огромных водных пространств, именуемых океанами, и даже краткий курс общей планетографии, преподаваемый в школе, не давал той яркой, красочной полноты впечатлений и рожденных ими мгновенных мысленных ассоциаций, что разворачивались перед мысленным взором.

Она невольно погружалась в восприятие чуждого мира, с каждым разом ее в*и*дение становилось все более четким, детальным, но источник информации по-прежнему оставался тайной.

Смирилась ли Герда?

Нет. С каждыми прожитыми сутками ее состояние ухудшалось. Невероятный по своей мощи ментальный прессинг не выдерживало ни тело, ни разум. Пытаясь сопротивляться, она прилагала тщетные усилия, стараясь если не разрушить, то хотя бы развенчать мир собственных больных фантазий, но тщетно…

Рассудочность, двоякость восприятия не сыграло на пользу. Чем сильнее ей хотелось доказать, что мир, встающий перед мысленным взором, — всего лишь плод ее деформированного, больного воображения, тем явственнее становились картины окружающего.

Запахи. Она понимала, что может и должна *их придумать*, но нет.

Запахов не было. Звуки, свет, краски дня и ночи, — все приходило, сменяясь вполне правдоподобно, но она не могла вдохнуть, не ощущала флюидов раскаленной пустыни, не воспринимала аромата губчатых цветов, не улавливала запаха широколиственного леса.

Спрашивая себя — *почему* — она не находила ответа. Мир, нарисованный ее воображением, должен быть полным, там присутствовал воздух, и, следуя известным аналогиям виртуальных реальностей, ее рассудок просто обязан восполнить пробел в присущих человеку ощущениях.

Не тут-то было. Постепенно осознание собственного «я» вновь начинало растворяться, восприятие как будто плавилось под беспощадными лучами белого солнца, и окружающий мир внезапно начинал трансформироваться, — блекли краски полудня, им на смену вдруг приходили невероятные, чуждые для Герды ощущения, словно реальность воспринимали уже не глаза, а иные органы чувств, о существовании которых она даже не помышляла.

Видение блекло перед мысленным взором, уже знакомый, узнаваемый мир внезапно менял свой облик, менял радикально, смещаясь в иные спектры восприятия.

Она не пыталась запомнить тех картин, что предлагало капризное воображение. Во-первых, они пугали. Во-вторых, осмыслить увиденное Герде было сложно, даже если бы задалась такой целью. В-третьих, подобное в*и*дение не могло быть присуще человеку, а значит, в ее распоряжении не имелось адекватных способов обработки полученной информации.

* * *

Очередной раз придя в себя, она еще некоторое время сидела в кресле, глядя в одну точку.

Горло пересохло. Хотелось пить, о еде она уже не вспоминала, чувство голода давно притупилось, и даже инстинкт самосохранения не работал, лишь изредка Герда находила в себе силы, чтобы в моменты прояснения рассудка буквально заставить себя что-то прожевать.

С жаждой все обстояло иначе. Пить хотелось постоянно. Вот и сейчас, казалось, — ничто не выведет ее из оцепенения, силы исчерпаны, воля к жизни иссякла или угасла, но реальность неумолимо возвращалась, а вместе с ней приходили понятные ощущения.

Снова ощущались запахи. Нельзя сказать, чтобы приятные. Скорее напротив. Обрывочные мысли проходили на фоне головокружения, глаза

болели, словно она не спала целую вечность, шершавый язык с трудом помещался во рту.

Слабый стон разогнал тишину, сорвавшись с пересохших потрескавшихся губ.

Пить…

Жажда, нестерпимая жажда в последние дни оставалась единственной причиной, по которой она вообще заставляла свое тело двигаться. Стоило рассудку вернуться в реальность просторной квартиры, как, стирая тягостное недоумение, мобилизуя остаток сил, ей начинала грезиться вода.

Пошатнувшись, Герда встала. Цепляясь руками за предметы меблировки, она, словно во сне или в бреду, придерживаясь стены, кое-как добралась до ванной комнаты, расходуя последние силы, ладонью ударила по сенсорной пластине, и гулкая, упругая струя воды обрушилась в раковину, исполненную в виде фантастического цветка.

Некоторое время Герда сидела на краю ванны, собирая остатки сил, чтобы схватить губами драгоценную влагу, с шелестом уходящую в отверстие стока. Брызги попадали на ее лицо, перед глазами плавали черно-оранжевые пятна.

Наконец она смогла совершить усилие, склонила голову, ловя губами гулкую струю воды.

Вода на время прояснила рассудок. Неимоверная слабость уже накатывала приступами дурноты, по телу блуждала бесконтрольная дрожь, но восприятие оставалось ясным, на некоторое время Герда обрела прежнюю способность мыслить здраво.

Я погибну… Просто умру, *не вернувшись оттуда*. Нужно что-то делать… Помощь… Мне нужна помощь…

Только кто в состоянии ей помочь? Службы спасения, экстренные бригады врачей? Пусть так… Нужно лишь отыскать коммуникатор…

Герда позабыла, что ее имплант в состоянии связаться с терминалом домашней кибернетической сети. Разум ухватился за образ мобильного коммуникационного устройства, мысленно она уже отчаянно набирала какой-то номер, не думая в данный момент, что ее не просто спасут, а вернее всего запрут в психушку.

Сил, чтобы элементарно встать и отправиться на поиски коммуникационного устройства не нашлось, но мысленно набранный номер, за который так же, как за образ коммуникатора, цеплялось сознание, был набран. Она не понимала этого, и по телу опять ударила короткая дрожь, когда в сознании вдруг прозвучал характерный сигнал, означающий межзвездное соединение через сеть Интерстар, и с небольшой задержкой

раздался негромкий, сухой, спокойный голос.

Она смутно помнила его.

— Кирсанов, слушаю. Кто вызывает? Почему нет изображения?

Короткая пауза.

— Мы будем говорить?

Ее сознание вдруг начало уплывать, отдаляться.

Внезапно проснувшаяся надежда, и ударивший вслед панический ужас, перед вероятностью обрыва соединения, резко, болезненно вернул сознание.

— Иван… Андреевич… Это… Герда… Вы… не забыли… меня… Помогите… Молю… Я… Я умираю…

Силы покинули ее.

Герда медленно опустилась на пол. Гулкая струя воды продолжала бить в дно пластиковой раковины, рассыпая бодрящие брызги.

Она уже не воспринимала ответа. Кирсанов что-то говорил, быстро, настойчиво, но измученное сознание отказывалось преобразовать получаемые имплантом сигналы в звуки.

Герда не солгала. Она действительно находилась на грани жизни и смерти.

Глава 9

Космическое пространство системы Элио.

Станция ВКС Конфедерации Солнц…

Звуки вернулись неожиданно, раньше, чем зрение, раньше, чем она смогла осознанно мыслить, они долетали сквозь ватное покрывало безвременья, став тем источником, внешним раздражителем, что собственно и привел к пробуждению рассудка.

Плохо понимая слова, она с непонятной жадностью ловила их звучание, наверное, затем, чтобы запомнить и осмыслить позже…

Вряд ли находящиеся поблизости люди подозревали, что сознание к ней вернулось. Несколько голосов, которые немного различались по тембру, долетали до слуха Герды, с одной стороны возвращая надежду, с другой подталкивая разум к страшным воспоминаниям пережитого…

— …ее жизнь вне опасности. Теперь мы уже уверены. Основные показатели жизнедеятельности стабилизировались.

— Меня серьезно беспокоит, вернется ли Герда к нормальной жизни?

— Вы задали некорректный в данной ситуации вопрос. Иван Андреевич, при всем уважении, вы должны понять, — делать прогнозы или давать обещания мы не в состоянии. Не тот случай. Ее разум длительное время находился под воздействием некоей силы…

— Так, Роберт, давайте говорить предметно. Констатировать воздействие на разум человека, не вычислив его вероятный источник, не классифицировав метод, которым оказывалось давление, вы не в праве. Я видел записи, сделанные на основе травматических воспоминаний Герды. С одной стороны есть подробное детальное видение некоего мира, с другой, даже мне, без сторонних пояснений понятно, что в некоторые моменты сознание Герды переключалось на восприятие сигнатур. Обычный человек не в состоянии воспринимать карты распределения энергий. Чтобы Герда «увидела» запечатленные в ее сознании сигнатуры, их должен передавать либо сложнейший кибернетический комплекс, либо опытный мнемоник…

— Или кибрайкер. — Вежливо поправил Кирсанова третий голос.

— Да. Или кибрайкер. — Не стал спорить Иван Андреевич. — Так что скажете?

— Скажу, что лично я склоняюсь к мнемоническому воздействию. Не секрет что человек, наделенный специализированными имплантами, может, при наличии у него опыта, наладить связь через линии напряженности гиперсферы. Развитому мнемонику, — я склонен обобщать оба термина, не разделяя их по этическому признаку, — подобное действие доступно на уровне машинальной реакции рассудка.

— В нашем случае есть конкретные доводы «за» или «против»? — Настойчиво уточнил Кирсанов.

— На мой взгляд, в восприятии иного мира присутствует эмоциональная оценка, не принадлежащая мисс Клейн. — Ответил человек, по имени Роберт. — Мы ищем дополнительные подтверждения сделанному выводу, но прогресс пока невелик. В любом случае, нам придется ждать пока Герда придет в сознание, — только по ее доброй воле мы получим всеобъемлющую информацию, и сделаем твердое заключение — могла она мысленно смоделировать данный мир, достаточно ли у нее знаний для столь детальной мысленной проработки сложных физических процессов, или нет.

— Если будет доказано, что она не могла вообразить систему двойной звезды, то на первый план автоматически выдвинется версия о воздействии мнемоника?

— Я бы не стал утверждать столь категорично. Есть один нюанс. «Услышать» мнемоника не так просто, как кажется. Передаваемые им мысленные образы способна обработать только узкоспециализированная аппаратура, или… другой мнемоник, чей разум настроен на мнемонический контакт.

— Герда не мнемоник. Я знаю точно. — Ответил Кирсанов. — Есть еще варианты?

— Есть. Но случай редкий, подобные явления можно сосчитать по пальцам. Принять мнемонический сигнал способен эмпат. Учитывая полноту ощущений Герды, глобальную детализацию принимаемых мыслеобразов, я бы рискнул предположить, что источник данных ей не безразличен. Она как минимум однажды находилась в прямом мнемоническом контакте с этим человеком. У вас Иван Андреевич есть какие-то предположения на этот счет?

— Есть. — Голос Кирсанова, как обычно бывало с ним в минуты эмоционального напряжения, прозвучал сухо, отрывисто. — Я знаю человека, наделенного мнемоническими способностями, с образом которого у Герды связано сильнейшее эмоциональное потрясение.

— Можете назвать его имя? Предоставить нам данные для

эффективного поиска и анализа совпадений?

— Мне необходимо проконсультироваться по этому поводу. Извините, но речь идет о государственной тайне Конфедерации. Не сомневаясь в вашей честности, господа, я обязан получить санкцию. Надеюсь, вы меня поймете.

* * *

Наступила ватная тишина.

Герда не потеряла сознания, напротив оно возвращалось, реанимируя ужас травматических воспоминаний, но теперь ее поддерживала теплая, дарующая силы мысль: *я не одна…*

Кирсанов, еще не подозревая, что Герда медленно приходит в себя, разговаривал в этот момент по межзвездной связи.

Откровенного говоря, от внезапного продолжения событий трехлетней давности, в груди нет-нет, да и проскальзывал легкий холодок.

И все же она была почти что счастлива.

Ни разу в разговоре не прозвучало слово «безумие»…

* * *

Двое суток спустя, они смогли нормально поговорить.

Адаптивность человеческой психики все чаще и чаще становилась инструментом выживания, века покорения космоса, развития высочайших технологий уже не мыслились без пластичности сознания, способности принимать многое: начиная от экзобиологических условий существующей на неосвоенных планетах жизни и заканчивая бурным развитием мнемотехники.

То, что еще вчера казалось Герде неодолимым, несущим моральную смерть кошмаром, теперь воспринималось иначе. Много ли нужно, чтобы вновь почувствовать себя не просто живой, а вменяемой, способной начать переосмысление роковых событий? Еще некоторое время назад такая коллизия рассудка казалась невозможной, но теперь, когда она уже была не одна, все воспринималось иначе. Ужас, безысходность если не исчезли, то притупились, теперь она отчетливо понимала самое главное: рядом есть люди, которые не дадут ей вновь захлебнуться отчаяньем.

…Иван Андреевич появился в палате Герды рано утром. Она уже не спала, разбуженная предварявшим приход Кирсанова осмотром, который устроил незнакомый, но приятный в общении, добродушно настроенный доктор.

Когда в палату принесли цветы, что-то далекое, почти позабытое

шевельнулось в душе Герды, но извлечь конкретное воспоминание из глубин памяти она не сумела.

— Здравствуй. — Иван Андреевич появился в дверях, быстрым, уверенным шагом пересек просторное помещение и протянул руки, ласково, по-отечески коснувшись ее ладони.

У Герды вдруг перехватило дыхание. Она почувствовала, как на глаза навернулись слезы, — подумать только, еще каких-то полгода назад она приняла бы подобную реакцию раздраженно, считая, что не пристало показывать свою слабость кому бы то ни было.

— Ну, как ты? — Кирсанов осторожничал, вдруг растерявшись, не зная, с чего начать разговор, а начинать, по мнению Герды, следовало с главного, и нечего ходить кругами, щадя ее чувства. После всего пережитого она, наверное, могла говорить абсолютно свободно, на любую тему.

— Я в порядке. — Ответила Герда, поймав и не отпуская взгляд Кирсанова. — Выбраться уже не чаяла. — Призналась она. — Как вам удалось?

— В смысле? Что удалось? — Иван Андреевич не сразу понял, о чем речь.

— Спасти меня… Я ведь чувствовала, что погибаю.

— Раньше нужно было сообщить мне. — Ответил Кирсанов. — Знаешь, в таких ситуациях промедление смерти подобно. Я действовал через разведуправление флота, они подняли своих людей, поэтому помощь пришла к тебе почти сразу, я сумел вырваться на Эригон только спустя сутки.

— А где мы сейчас?

— Орбитальный госпиталь. Система Элио.

Герда кивнула. Хорошо, что от нее ничего не скрывали. Или это только кажется?

Подобные сомнения нужно развенчивать сразу. Чтобы в душе не оставалось даже намека на недосказанность.

— Вы действительно считаете, что Герберт жив? — Спросила она, по-прежнему глядя в глаза Кирсанова.

Он ответил не сразу. Некоторое время сидел, впитывая взгляд Герды, потом спокойно произнес:

— Давай не будем тешить себя иллюзиями. В том мире, который ты видела, человеку не выжить без специального оборудования. Все очень сложно, по крайней мере, для меня. С одной стороны, прошло три года, с тех пор как исчез инопланетный корабль, а вместе с ним и Герберт. Трудно

представить, что артефакт неизвестной нам расы, который, как ты помнишь, не обладал герметичностью корпуса, стал надежным убежищем для человека.

Она немного побледнела от его слов, но постаралась сама справиться с секундным головокружением.

— День за днем… Почти три месяца подряд. — Напомнила она. — Каждую ночь, а затем и чаще. Он приходил ко мне, теперь я уверена, что это именно Герберт.

— Почему ты уверена? Разве тебе приходила в голову подобная мысль раньше?

— Нет, не приходила. Но сейчас я могу оглянуться назад и попробовать осмыслить свои ощущения.

— Герда, ты торопишь события. Еще не проведено исследование на эмпатию. Тебе сначала нужно окрепнуть физически.

— Почему прервался контакт? — Спросила она.

— Госпиталь защищен от мнемонических воздействий.

— Плохо. Нужно продолжать, увериться, что на связь все это время выходил Герберт и помочь ему.

— Не так быстро. — Кирсанов встал, подошел к виртуальному окну, постоял, глядя на панораму Раворграда, и продолжил: — Есть одно предположение, которое объясняет, почему он три года не давал о себе знать, а затем вдруг проявился в твоих видениях. Специалисты практически не сомневаются, что твои экскурсы в реальность иного мира вызваны мнемоническим воздействием на разум. Но Герберт не выжил бы в адских условиях той планеты. Нет, Герда, не спорь, я знаю, что ты скажешь. Я тоже думал и о гипотетических технологиях иной расы, и даже мысль о сверхъестественных явлениях меня посещала. Но давай не будем обманывать себя надеждами на чудо. Мы должны искать объяснение, удовлетворяющее нашим знаниям и технологиям…

Герда слушала Ивана Андреевича, не соглашаясь, но и не пытаясь опровергнуть.

Он конечно в чудеса не верит. Понятно… Он не был *там*, поэтому рассуждает, а она не позволяла себе подобной роскоши.

Та личность, что мучительно распадалась, раз за разом трансформируясь в убогую, не имеющую осознанной воли *четверть-сущность*, вела мучительную борьбу в попытках сохранить целостность сознания. Герда спрашивала себя, может ли она так остро, глубоко сопереживать чуждому существу, или того пуще — бездушному устройству иной расы?

Нет, это, наверное, невозможно. Нет ни единой точки соприкосновения. Иван Андреевич не понимает главного: в ее душе, притаившись у самого сердца, поселился крохотный сгусток теплого пламени, тот с кем она десятки, сотни раз проходила все муки борьбы, оканчивающиеся распадом личности.

Личности, принадлежащей человеку, в этом Герда не могла позволить себе усомниться.

— Иван Андреевич, я готова продолжать. — С надеждой и плохо скрытыми нотками вернувшегося отчаянья, внутреннего надрыва в голосе, произнесла Герда. — Мы разберемся, я верю. Но нужно восстановить мнемонический контакт. Только так мы сможем судить, сошла я с ума, или все же бываю там.

— Герда ты слишком слаба. Я не позволю тебе сейчас снова рисковать своей жизнью.

— Вы не понимаете. Моя жизнь теперь там. Я не смогу иначе. Это… стало частью меня, мне пусто, одиноко, я погибну гораздо вернее, если нить оборвется окончательно.

— Ну что мне с тобой делать? — Сокрушенно покачал головой Кирсанов. — Только очнулась и, пожалуйста…

— Не нужно меня жалеть. — Герда в изнеможении прикрыла глаза. — Моя жизнь изменилась. Я теперь уже никогда не стану прежней, не смогу забыть. Мой разум, моя душа там. Может быть, этому даже найдут объяснение, поставят диагноз, но вы-то поверьте мне — все случилось впервые. Такого еще не было.

* * *

Разговор с Гердой оставил в душе Кирсанова ощущение тревоги.

Он остановился у огромного панорамного окна, в одном из обзорных холлов орбитальной станции, глядя, как медленно, величественно движутся мимо исполинские конструкции «малого кольца» — защитного периметра планетарной обороны Элио.

Мысль постепенно успокаивалась.

Итак, три с лишним года назад корабль ушел, ускользнул от нас. Он покинул систему Эригона, и скрылся в аномалии, но перед тем произошла реактивация сто семнадцати веретенообразных штурмовиков-охотников, которые, как мы теперь знаем, принадлежат к сумме технологий расы Харамминов, периода их технического расцвета и могущества. Орбитальные комплексы, которые видела Герда, смешанные одни принадлежат логрианам, другие построены ими же, но, судя по размерам

и конфигурации модулей, адаптированы для гуманоидов. Там же в видениях присутствуют веретенообразные штурмовики. Совпадение? Вряд ли…

Кирсанов машинально активировал кибстек, мысленно набрал номер, дождался ответа и произнес:

— Райбен?

— Да, слушаю.

— Ты скажи мне, — предварительные материалы готовы? Что показал анализ конструкций?

— Все указывает на технику Логриан. Собрание достаточно пестрое, многие комплексы построены ксеноморфами, но адаптированы под иных существ, предположительно — Харамминов.

— Подготовь доклад. Встретимся в пять часов на совещании у адмирала.

— Да, понял. Все сделаю.

* * *

Совещание у командующего флотом проходило в узком формате, — присутствовали только специалисты, имеющие непосредственное отношение к событиям трехлетней давности, им же пришлось изучить образы, записанные при сканировании сознания Герды.

Выслушав доклады, адмирал Шайгалов не стал торопиться с выводами.

— Что думаешь, Иван Андреевич, поделись. — Произнес он, когда в кабинете остались только четыре человека.

— Я в затруднительном положении. — Признался Кирсанов. — У меня нет оснований, чтобы усомниться в здравости рассудка Герды Клейн. Она действительно находилась на грани жизни и смерти, едва не сошла с ума, но все отклонения, — уже следствие, а причина, их вызвавшая, имеет материальный источник. Эксперты, изучая мысленные образы, полученные с согласия мисс Клейн, непосредственно из ее рассудка, пришли к выводу, что технических знаний и воображения Герды недостаточно, для формирования столь четко детализированных объектов, с несомненными признаками функциональности. То же самое относится и к физическим явлениям, которые подробно визуализированы ее рассудком. Система двойной звезды, протекающие в ее границах физические процессы, — все вплоть до фантастических на первый взгляд жизненных форм абсолютно реально и имеет право на существование…

— Извините, Иван Андреевич, вынужден вас прервать. — Адмирал

Скоромин (он в последние два года осуществлял общее командование всеми флотами Конфедеративного Содружества) сложил руки на животе. Он нисколько не смущался своего рано обозначившегося брюшка. — Давайте сразу проясним некоторые моменты, касающиеся Герды Клейн. Все, что вы так скупо, но эмоционально обрисовали, конечно, имеет место быть в ее рассудке. Вы пытаетесь построить доказательную базу на одном утверждении: *она не имеет той суммы знаний, чтобы строить подобные мысленные конструкции.* Но позвольте, разве кто-то исследовал область ее подсознания? Откуда мы можем знать, что на самом деле содержит в себе память мисс Клейн? Курс астрономии, истории, экзобиологии в рамках программы средней школы вполне приличная основа для построения *правдоподобных моделей.* Не перебивайте меня! То, что в ее видениях присутствуют те самые веретенообразные штурмовики, еще ничего не доказывает, — она видела их за несколько минут до исчезновения артефакта. И что мы имеем, в конце концов? Очень реалистичный, но не подкрепленный никакими доказательствами *бред.* Теперь, пожалуйста, возражайте, Иван Андреевич.

— Я смотрю, здесь собрались скептики. — Кирсанов старался говорить спокойно, но получалось плохо, в голосе прорывались нотки раздражения. — Кому из присутствующих непонятно, что мы стоим на пороге, а вот что откроется за ним, — контакт с иной цивилизацией или столкновение между расами, зависит от нашей объективности, способности проанализировать имеющиеся крохи информации, сделать выводы из нее и быть готовыми к развитию событий по различным сценариям.

— Стоп, стоп! Что вы сейчас подразумевали под «различными сценариями»? То есть, мы должны поверить сумасшедшей, привести в боевую готовность флот, и ждать? Сколько? — Не скрывая своего скепсиса, спросил адмирал Скоромин.

— Сколько придется ждать, я не знаю. — Ответил Кирсанов.

— В таком случае я вряд ли приму во внимание ваши доводы. Мало того, что без моего ведома проводиться операция на Эригоне, так теперь еще флот должен плясать под чью-то дудку? Нет, такие фокусы со мной не пройдут!

— Подождите, адмирал! — Иван Андреевич так же повысил голос. — Вы, вероятно, не поняли, о чем идет речь?! Позвольте, я поясню: корабль, найденный три года назад, на планете Эригон, *не принадлежит* ни одной из известных нам рас древнего космоса! Попытка его захвата привела к гибели четверых мнемоников и одного кибрайкера, затем во время

столкновения в космосе под контроль артефакта перешло звено «Х-страйкеров», и порядка сотни ранее не известных науке малых космических кораблей расы Харамминов. Часть из них атаковала крейсер «Решительный», в ходе боя некие энергетические образования перехватывали управление над нашей, человеческой техникой, в частности над истребителями «Фантом», работавшими по схеме «полный автомат»! В это-то вы верите?

— Ну и что? Вы упустили свою удачу, Кирсанов, а теперь являетесь сюда с бреднями о якобы найденном артефакте. Так? Тогда скажите, где он? Укажите мне систему, и я двину туда флот!

— У меня нет реальных координат.

— Тогда о какой мобилизации сил может идти речь? Кто дал вам право использовать ресурс флота?

— Даже так? — Кирсанов исподлобья взглянул на Скоромина, покачав головой.

Они не понимали, какой смысл таят картины, считанные из рассудка Герды.

— Извините, адмирал, но последствия такой политики могут оказаться роковыми. Теперь я прошу выслушать меня до конца! — Кирсанов повысил тон, чувствуя, что его хотят перебить. — Я провел достаточно времени за скрупулезным анализом тех визуальных образов, что удалось получить из сознания Герды. О том, что в системе двойной звезды расположен учебно-тренировочный лагерь, стало понятно не сразу. Только упорное, граничащее с самоистязанием повторение фрагментов распада личности, собранная по крохам информация, да ее правильная обработка дали тот результат, который представлен мной в предварительном докладе! — Иван Андреевич сумел обуздать эмоции и вновь перешел на ровный, деловой тон. — Взглянем на полученные данные непредвзято. Орбитальные комплексы в основном принадлежат логрианам, но часть из них адаптированы для проживания Харамминов, и наполнены они, как можно понять, их техникой! Кроме того, среди опознанных нами конструкций есть и такие, которые не удалось идентифицировать ни по одной из известных баз данных! Проверили даже те крохи технической информации, что удалось собрать о расе дельфонов, погибшей в период разрушительной миграции Предтеч, но безрезультатно. Зато процесс ежедневного восхождения и гибели сгустков холодного пламени, наконец, нашел свое объяснение: они тренируются, иначе никакой логикой не объяснишь, зачем они раз за разом захватывают одни и те же объекты? А если вы помните, среди захваченных и доставленных на борт артефакта

кораблей были и три «Х-страйкера»! То есть энергетические существа овладевают и их управлением, оттачивают технологии захвата одного из широко распространенных и наиболее современных видов *нашей техники!*

Иван Андреевич говорил, глядя в глаза собравшихся, но кроме как во взгляде Шайгалова, он не встречал ни одобрения, ни понимания.

— Значит, на содействие флота я рассчитывать не могу?

Адмирал Скоромин побагровел.

— Иван Андреевич, при всем уважении, я не директор благотворительного фонда! Тут Флот, боевые подразделения, не забыли еще? Мне нужна более веская причина, для принятия решений под собственную ответственность, чем ваши логические выкладки, пока что ничем не подкрепленные!

— Моего слова, и экспертного заключения специалистов, о стороннем мнемоническом воздействии на разум Герды Клейн недостаточно?

— Нет недостаточно. Во-первых, даже при наличии факта внешнего воздействия, я не могу знать, кто стоит за давлением на разум мисс Клейн. Во-вторых, я сомневаюсь, что на нее давят представители иной, не известной человечеству расы, скорее всего она принимает тщательно проработанную дезинформацию, призванную спровоцировать необдуманные действия флота. Я не хуже вас осведомлен о событиях на планете Эригон. Там, по-моему, кроме прочих действующих лиц фигурировал некий кибрайкер, бесследно исчезнувший вместе с артефактом?

— Герберт Хайт находился на борту инопланетного корабля в момент его неожиданного старта. — Мрачно ответил Кирсанов. Он уже понял, что помощи от адмирала не дождешься, и причина тому — обыкновенная трусость. Не здравый смысл командующего, не осторожность, а именно трусость. Желание спрятать голову в песок и ждать указаний сверху. Нечего сказать, удобная позиция…

— Хорошо адмирал. Не продолжайте. Я уже понял, что искать поддержку мне придется в другом месте. Что ж, я не прощаюсь, господа. — Кирсанов обвел присутствующих нервным, обжигающим взглядом. Многие не выдержали его, опуская глаза, иные смотрели твердо, со злой иронией во взглядах, мол, давай, ищи себе правду, а мы посмотрим, кто станет слушать отставного адмирала, давно вышедшего на пенсию…

— Всего хорошего, господа. Извините, что отнял время!..

— Иван Андреевич, погоди!

Шайгалов привстал, но за Кирсановым уже затворялась звуконепроницаемая дверь.

* * *

Система Элио.

Центр связи станции ВКС Конфедерации Солнц.

Зона закрытых каналов гиперсферных частот…

Встреча в защищенном от прослушивания виртуальном пространстве проходила несколько напряженно.

Кирсанов и Трегалин не виделись около двух лет.

Сейчас, после обмена приветствиями, они как будто заново присматривались друг к другу, одновременно Иван Андреевич излагал Александру суть последних событий.

— Саша, давай смотреть правде в глаза. Меня не поддержали и, скажу больше, отказались понимать. Сейчас сложились не самые благоприятные обстоятельства. В штабе флота меня, конечно, еще помнят и уважают, но на ключевых постах сейчас находятся люди нерешительные, для которых стабильный карьерный рост гораздо важнее, чем предотвращение неких мифических, с их точки зрения, угроз.

— Их нетрудно понять. — Мрачно произнес Трегалин. — Никто кроме нас с вами в точности не знает, что именно произошло в системе Эригона. Спутники ничего не зафиксировали из-за проведенной над ними процедуры мнемонической блокады, сами мнемоники лишились рассудка, артефакт чуждой расы исчез, оставив после себя лишь исполинскую воронку в леднике. С чего бы им верить в реальность угрозы?

— Ты прав. По большому счету не с чего. И Герду они принимают за сумасшедшую, а мои действия, имевшие целью спасти ей жизнь, расцениваются как злоупотребление доверием и использование ресурса флота в личных целях. Обидно… — Кирсанов встал с виртуальной скамьи и прошелся по серому, безликому, но имеющему перспективу пространству. — Но ты же должен понимать, Саша, не могла Герда нафантазировать, не могла, неоткуда в ее подсознании взяться материалу для формирования столь детального мира, с непротиворечивыми физическими явлениями, с уникальной, но имеющей, я подчеркиваю — *имеющей право на существование* биосферой!

— Я согласен, Иван Андреевич. Только опять возникает вопрос, а что мы можем предпринять?

— Саша, мне очень нужна твоя помощь. Материальную базу для исследований я обеспечу, не сомневайся, но кроме тебя нет специалиста, которому я бы доверял, как себе. Мы должны сделать все, понимаешь —

все от нас зависящее, чтобы попытаться понять, что происходит? Ведь глупо отрицать, что события знаковые, они имеют огромную важность, чрезвычайную информационную ценность! Вопрос в том, пожелает ли Герда сознательно вернуться туда, вернее — решиться ли она вновь открыть свой разум для эмпатического восприятия? — Иван Андреевич уже говорил все больше сам с собой, заметно волнуясь. — А даже если она согласится, откроет доступ информации, правильно ли мы истолкуем данные? Ведь речь идет о совершенно чуждой нам расе!..

— Иван Андреевич, вам отдохнуть бы. — Александр тоже встал. — Вот что, давайте я поговорю с Гердой. Сам. Думаю, мы поймем друг друга.

— Ты веришь, что Герберт выжил? — Внезапно спросил Кирсанов.

— С точки зрения теории вероятности шансы пренебрежительно малы. Но информация, которую получала Герда, прошла предварительную обработку. События переданы не механически, они даны в свете определенных моральных оценок, принадлежащих человеку.

— Быть может это оценки самой Герды? Ее личный анализ информационной картинки, переданной из глубин космоса?

— Нет, Иван Андреевич. Чтобы принять информацию и сформировать мысленный образ мало быть эмпатом. Приведу простой пример. Возьмем приемник. Пусть он у нас работает на всех частотах связи. Допустим, из космоса пришел сигнал. Наше устройство в состоянии его принять, но не больше. Не появится картинки, не будет понятного нам звука. Но давайте изменим условия — пусть источником сигнала будет теперь передатчик нашего, человеческого производства. Сразу при приеме сигнала появится и картинка и звук, верно? Я, конечно, сильно утрирую, но смысл остается тем же. Герда не поняла бы ничего, не увидела бы тот мир, ей бы нечего было оценивать, не пройди информация перед передачей соответствующую обработку. А вот кто на самом деле является источником данных — Герберт ли, другой человек, или быть может кибернетический механизм нашего производства, — судить сейчас не возьмусь. Слишком мало данных. Нескольких пусть ярких, но коротких эпизодов явно не достаточно для полноценного, глубокого анализа.

— И что предлагаешь, Саша? Мы ведь с тобой не сможем отмахнуться, сказать: да идите вы все, не было ничего.

— Ну, зачем так Иван Андреевич? Я не собираюсь самоустраняться. Три с лишним года прошло, а помню все, как вчера. Так что давайте не будем обижать друг друга незаслуженно. Я тоже за это время кое-чему научился.

— Извини. Устал я за последние дни. — Кирсанов обернулся,

посмотрев в глаза Трегалину. — Значит поможешь? С твоим начальством я договорюсь. Сначала оформишь отпуск. А там посмотрим, по обстоятельствам. Одно Саша меня радует, — тогда, три года назад, по горячим, как говорится, следам мне удалось провести через штаб флота очень интересную инициативу: теперь на всех разведывательных кораблях, не важно принадлежат они корпорациям или Совету Безопасности устанавливаются скрытые до поры подсистемы, с базами данных, по которым могут быть идентифицированы артефакты. Так что рано или поздно наш объект будет обнаружен.

— В таком случае картины, виденные Гердой, дают нам шанс. Уникальный шанс понять иную цивилизацию еще до повторного контакта!

— Вот и я про тоже самое толковал, а мне в ответ… Эх, ладно, что теперь. — Махнул рукой Кирсанов. — Сами будем разбираться.

— Я с вами, Иван Андреевич, не сомневайтесь. Да и Герда мне не безразлична.

— Спасибо, Саша. Значит договорились? Сейчас я решу все формальности, к вечеру жди от меня известий, нужно переговорить еще с одним человеком, тогда будет ясно, где и как нам предстоит проводить исследования.

— Договорились Иван Андреевич. Жду известий и пакую чемоданы. — Трегалин улыбнулся, и на душе Кирсанова стало чуть теплее.

— До встречи.

Они крепко пожали друг другу руки.

* * *

Сектор корпоративной Окраины.

Система Неосигма.

Головной офис корпорации «Новый Свет»…

Вечером того же дня Кирсанов прибыл на Окраину.

За Герду он не беспокоился, формально орбитальный госпиталь, конечно, подчинялся главному управлению флота, а вот его исследовательский институт, куда в то же утро перевели девушку, — нет.

В космическом порту системы Неосигма Кирсанова ждали.

Час спустя он и Фредерик де Ритторен уже беседовали с глазу на глаз, неторопливо прохаживаясь по территории огромного парка.

— Конфедерация привыкла действовать определенным образом. — Говорил Фредерик, продолжая начатую немного ранее мысль. — Я

понимаю, наши взаимоотношения никогда не были простыми. Но нельзя все сводить к штампам и стереотипам. Вы же умный человек, Иван Андреевич и должны понимать, Центральные Миры не обойдутся без нас.

— Естественно — ответил Кирсанов. — В моем представлении пограничные сектора можно сравнить с трудным ребенком, у которого затянулся переходный возраст. Но сейчас, когда пошло второе десятилетие без зримой экспансии, без поступательного движения к новым и новым звездным системам, подросток начал взрослеть.

— Да, согласен. Но Окраина все равно была и остается иным миром, здесь все намного жестче, иногда — непоправимее, но именно отсюда идет поток новых технологий, открытий, мы являемся двигателем прогресса цивилизации в целом, а ядро Конфедерации, — уже иная реальность, более политичная, взвешенная, подчиненная многим условностям, обеспечивающим общую стабильность. Одного понять не могу, почему мы продолжаем косо смотреть друг на друга? Почему, не разобравшись толком, начинают движение целые флоты?

— Цена вопроса оказалась слишком велика, ты тоже должен понять, Фредерик. А вообще я прилетел не затем, чтобы дискутировать по поводу отношений Окраины и Центра.

— Понимаю. О чем пойдет речь? Я помню, что обязан лично тебе, Иван Андреевич, и данное мной однажды обещание сдержу.

— Давайте откинем условности Фредерик. — Попросил Кирсанов. — Мы не представители противоборствующих сторон, не должник с кредитором, пора уже прекратить мышиную возню. Остались у нас такие понятия как общечеловеческие интересы?

— Конечно, остались. Я уже сказал — Окраина не может существовать без Центра, она развалится, лишившись рычагов сдерживания, которые находятся в руках Центральных миров, равно как и Центр не сможет развиваться без динамики роста пограничных секторов.

— Рад, что здесь наши мнения совпадают. Произошло непредвиденное, и, как оказалось, мне не к кому обратиться.

Фредерик де Ритторен исподлобья посмотрел на Кирсанова, сел, сцепив пальцы рук в замок и произнес:

— Я слушаю.

Иван Андреевич повел себя совсем не как проситель. Он прилетел сюда не за унижением, не за выгодой, не затем, чтобы потребовать возврата долга.

— Произошла внезапная реанимация истории с Эригоном. — Произнес он. — Я ввел в курс управление штаба флота, но мне, мягко

говоря, не поверили. Но цена вопроса остается прежней. Поэтому я здесь.

— Не совсем понимаю, Иван Андреевич.

— Сейчас объясню. Ты должен прекрасно помнить того кибрайкера, Герберта Хайта, из-за которого все и началось.

— Естественно я его помню. Насколько мне известно, он погиб в момент катастрофического исчезновения артефакта?

— Я тоже думал, что он погиб. Но теперь у меня есть основания полагать, что Герберт… не совсем мертв.

— Иван Андреевич, нельзя быть чуть-чуть мертвым или слегка беременным. — Не скрывая своей досады, высказался де Ритторен. — Может истина и затертая, но проверенная веками.

— Мы живем во время радикального слома и пересмотра многих понятий. Тело Герберта Хайта уцелеть не могло, но его рассудок каким-то образом оказался перемещен на некий носитель. Природа носителя мне неизвестна.

— Откуда данные?

— В тех событиях принимала участие Герда Клейн, молодая женщина, уроженка Эригона, владелица добывающей компании «Эрголайн».

— Да, что-то припоминаю.

— Она оказалась эмпатом. Герберт во время эригонских событий был с ней довольно близок, — в критические минуты им пришлось прибегнуть к прямому нейросенсорному контакту, чтобы избежать смерти. Таким образом, Герберт знал, как получить доступ к ее рассудку.

— Он взломал ее имплант?

— Это был не взлом. Полноценный нейросенсорный контакт.

— Ну, допустим… — Де Ритторен ждал продолжения.

— Прошло три года, и у нее начались видения. Сначала она воспринимала их как бред, ночные кошмары, но все оказалось намного серьезнее. Существует вероятность, что с Гердой пытается выйти на связь Герберт Хайт. Она практически не сомневается в этом, но…

— Но в штабе флота ее сочли сумасшедшей, а тебя не захотели слушать?

— Да.

— Досадно и знакомо. Почему ты решил, что я смогу и захочу помочь, Иван Андреевич?

Кирсанов ждал вопроса, и даже заранее заготовил ответ, но сейчас все слова показались ему неправильными, не отражающими его личного отношения к событиям.

— Я по большому счету рад, что не нашел помощи и поддержки в штабе флота. Ты правильно заметил, ядро Конфедерации представляет собой систему политических и военных противовесов, машину для сдерживания, и она уже не годна, когда пройти нужно по грани, по самому краю пропасти. Одна войсковая операция уже была инициирована, и чем она закончилась?

Де Ритторен не ответил.

— Вот потому и прилетел, что на Окраине все иначе. — Подытожил Кирсанов. — Здесь есть место и для сумасшедших, и для небывалых открытий, а центр сейчас в застое, шевелить его нужно, но нет времени, да и не такими способами. Короче, Фредерик, я прошу помощи, готов привезти сюда Герду. И Сашу Трегалина, — это мнемоник, который был с нами на Эригоне. Примешь?

— Приму. — Ответил де Ритторен. — И не потому, что должен всем вам лично. Цена вопроса… А какая она эта цена? — Неожиданно переспросил он.

— Из той информации, что имеется, могу сделать только один вывод — речь пойдет сначала о предотвращении войны, между нашей цивилизацией и неизвестной расой, а уже потом о супертехнологиях и прочих интересных, выгодных вещах.

— Вот так?

— Так, Фредерик. Не больше и не меньше. Пугать тебя не собираюсь, но преуменьшать не стану.

— И ты прилетел с этим ко мне?

— Слушай, давай прекратим? Я не политик. У тебя есть нужные специалисты, есть флот, есть, в конце концов, чисто коммерческий интерес, или я не прав?

Де Ритторен задумался.

— Прав, конечно. И интерес есть и специалистов дам. А расхлебывать, кто будет? Если не справимся, не пройдем по краю?

— Если не справимся, то расхлебывать, по большому счету, уже некому будет. Ты же хорошо помнишь, что творилось в системе Эригона?

— Ладно, Иван Андреевич, действительно, давай отбросим формальности. Как Герда?

— Плохо ей. Саша поддерживает, как может, но нужны еще мнемоники. И оборудование для записи.

— Хорошо. Считай, что мы договорились. Я предоставлю тебе все, что попросишь, но от меня никаких тайн.

— Спасибо, Фредерик. — Кирсанов почувствовал, как камень упал с

души. — Кстати, я так и не знаю, ты нашел тогда, кто тебя подставил?

— Нашел. Провокация скажу, была серьезная. Ее организовал мой мнемонический двойник, некий Варг Далтон, человек, отвечающий за мою личную безопасность на уровне виртуальности. Он прекрасно знал меня как личность, сказать честно — лет эдак пятнадцать назад я, быть может, и действовал бы по изображенной им схеме.

— А зачем был осуществлен столь сложный вброс дезинформации? — Удивился Кирсанов.

— Мнемоники почти всегда на виду. Удайся ему операция по исследованию артефакта, и что? Куда бы он делся? Другой вопрос: если бы Шайгалов до конца поверил состряпанной им мнемонической записи, сюда был бы послан флот. Арест главы корпорации по определению вызывает бардак, панику и все такое. При полной неразберихе, когда рушиться целая корпорация, он бы легко ускользнул, используя наступивший хаос, — многие начали бы спасаться. Нужно отдать должное, ему почти удался его план. Если бы не твое предупреждение Иван Андреевич…

— Ладно. Об этом уже не будем. — Кирсанов услышал, что хотел. — Значит, я могу вызывать Трегалина и организовывать перелет Герды?

— Без колебаний. — Кивнул де Ритторен. — Я уже обдумал: в ваше распоряжение будет предоставлена одна из исследовательских станций Неосигмы. Оборудование там по высшему разряду, никто мешать не будет, ну а потребуется дополнительная помощь людьми или оборудованием — звони, решим.

* * *

Система Неосигма.

Борт научно-исследовательского орбитального комплекса.

Январь 3855 по галактическому календарю…

Нет контакта.

Шелестит скомканная простыня. Глаза сухие, веки слегка припухли, но на лице уже давно нет отпечатка крайнего изнеможения.

Она выкарабкалась из пропасти безумия, но глухая, вязкая тишина, наступившая теперь, полное отсутствие мнемонической связи, оказывается, еще хуже, чем испытанный прессинг, едва не приведший ее к гибели.

Замкнутый круг.

Герда сидела, обхватив руками колени. Думать получалось только о нем, — уже не человеке, — образ кибрайкера порядком потускнел, истерся

в памяти. В каком качестве Герберт существует сейчас?

Тоскливая мысль, не несущая сколь либо оправданной надежды.

— Герда?

Двери открылись, на пороге стоял Трегалин.

— Ты следишь за мной? — Она повернула голову, посмотрев на Александра.

— Нет. Просто подумал, что ты, наверное, не спишь. Не хочешь поговорить?

— О чем?

— О Герберте.

Она пожала плечами.

Александр сел в кресло, свет он включать не стал и в жилом отсеке станции по-прежнему царил сумрак.

— Где мы находимся? — Спросила Герда.

— На границе освоенного космоса, недалеко от Рукава Пустоты. Станция принадлежит корпорации «Новый Свет».

— Саша, а зачем мы тут? Иван Андреевич решил спрятать меня, или он по-прежнему надеется, что контакт с Гербертом удастся восстановить?

— Он не надеется, а верит. — Ответил Трегалин.

— И ты веришь?

— Верю. Я мнемоник, и ситуация для меня нова, но не настолько удивительна, чтобы шокировать.

— А я все боюсь, что Иван Андреевич просто спрятал меня тут… — Герда сделала из слов Александра свой вывод, но завершить мысль не успела, — двери ее отсека бесшумно открылись, и на пороге возникла фигура Кирсанова.

— Хандрим, да? — Он с укором посмотрел на Герду. — Милая, никто тебя не прячет. Сюда мы прилетели, по той причине, что станция, оснащенная всей необходимой аппаратурой для сканирования пространства, идеально подходит нашим задачам. И что самое важное, — тут мы в полной безопасности. Ты должна верить Герда, а Саша рано или поздно подберет ключ, поможет тебе вспомнить и выпустить на волю, все увиденное во снах и наяву. Понимаешь, только подробный анализ полученной тобой информации даст ответ на вопрос, жив ли Герберт, и если да, то где его искать.

— Разве того, что вы видели в госпитале недостаточно?

— Несколько детализированных стоп-кадров? — Кирсанов отрицательно качнул головой, — Извини, Герда, — слишком мало. Нам нужен материал в полном объеме. Есть надежда, что по твоим

воспоминаниям у нас получится опознать систему звезды, где происходит действие. Не менее важна для исследования структура энергетических образований и любые сигнатуры, какие отыщутся в твоей памяти.

— То есть, мне придется заново пройти все? — Не скрывая внезапно охватившего ее ужаса, переспросила Герда.

— Да, с самого начала и до последней минуты. Все что ты будешь в состоянии вспомнить. Без этого мы не только не сумеем помочь Герберту, но даже не в состоянии определить, он ли стоит за передачей мысленных образов?

— И что произойдет дальше?

— Герда, у нас есть уникальная возможность: благодаря твоим способностям эмпата, появился шанс проследить за действиями и логикой построения событий, понять чуждый нам разум, прежде чем мы вторично столкнемся с ним.

— И все это время Герберт будет медленно умирать?

— Герда, не говори глупостей. На Эригоне сейчас работают опытные мнемоники. Если сигнал от Герберта возобновиться, они его не упустят. Нам сразу же дадут знать об этом.

— Они уже работают?

— Мнемоники?

— Да.

— Конечно, работают. Но пока, к сожалению, ничего обнаружить не удалось.

— Значит, я не смогу вернуться?

— Герда. Давай не будем мыслить здраво. Ты не мнемоник. Эмпатические способности есть у некоторых людей, но они развиты очень слабо. В свое время корпорации пытались использовать эмпатов во взаимодействии с мнемониками, но практически безрезультатно. В конце концов, пришли к выводу, что эмпатические способности у человека имеют слишком слабый потенциал, чтобы всерьез пытаться выстроить на них новую методику обучения или взаимодействия. Ты и Герберт, — а я надеюсь, что это именно он, — разрушили все укоренившиеся представления о потенциальных возможностях эмпатов. Информация неизбежно просочиться и тобой рано или поздно всерьез заинтересуются, либо корпорации либо мнемонический отдел флота. Поэтому я позволил себе взять груз ответственности и придти к такому решению: мы до поры скрываемся тут на борту космической станции, принадлежащей Фредерику де Ритторену. Это продиктовано соображениями здравого смысла.

— А почему вы доверяете ему Иван Андреевич? — С дрожью в

голосе спросила Герда. Само словосочетание «Новый Свет» действовало на нее гнетущим образом.

— Много лет назад, когда мне еще не исполнилось тридцати, мы служили с ним вместе в подразделении Патруля Совета безопасности Миров. Однажды я спас ему жизнь. И вообще, Фредерика я знаю достаточно хорошо.

— Разве такие, как де Ритторен, служат в армии?

— Служат. Его отец был мудрым человеком. Он не хотел, чтобы его сын и будущий глава корпорации вырос в условиях вседозволенности и неограниченной власти. Поверь, Фредерик знает, что такое совесть и честь.

— Оставим эту тему. — Тихо произнесла Герда. — Вы мне скажите, Иван Андреевич, во имя чего я должна жить?

— А разве я или ты — мы можем остаться в стороне от происходящего? Что на адмирале Скоромине свет сошелся клином, или он единственный представитель человечества? Нет. Но если нашелся один самовлюбленный дурак, не желающий ничего видеть и слышать, почему я, понимая всю глубину проблемы, должен опустить руки и ждать когда неизвестная сила нанесет свой сокрушительный удар? Для чего мне поступать подобным образом? Чтобы насладиться тем оглушительным фиаско, которое ждет командующего ВКС Конфедерации?

— А что мы можем сделать?

— Многое, Герда. Очень многое. Во-первых, с твоей помощью мы изучим поведение иных жизненных форм. Во-вторых, хотя бы попытаемся понять, что они задумывают, каковы мотивы их прошлых и нынешних поступков, и, наконец, в-третьих, мне, как и тебе и Саше не безразлична судьба Герберта. Иллюзий я, конечно, не строю, на той планете, человеку вряд ли удалось бы выжить, но существует еще одна, не такая уж и фантастическая возможность: допустим, что Герберт до сих пор находиться внутри корабля иной расы. В таком случае его содержат в состоянии низкотемпературного сна или же в камере поддержания жизни под воздействием препаратов, исключающих его физический побег. Свободен только разум Герберта, да и то в определенной степени. Но он же кибрайкер, и его сила как раз и заключается в рассудке.

— Вы верите, что мысленные образы мне транслировал он?

— Не просто верю, а уверен. Он передает послания… Герберт пытается разобраться в происходящем, и, понимая это, нужно сделать все, чтобы правильно истолковать его отчеты, собрать крупицы истины, и возможно тогда мы сумеем не просто стать *свидетелями событий*, как уже однажды произошло на Эригоне, а действовать…

— Вы говорите как-то странно. Общими фразами, что ли?

— Естественно. — Кивнул Кирсанов, соглашаясь с прозвучавшим определением. — Я слишком мало знаю, чтобы вести предметный разговор. О том и прошу, Герда, помоги установить факты, закономерности, дай Саше возможность пробудить твое подсознание, и тогда мы сможем не предполагать, а делать конкретные выводы.

Герда кивнула, хотя не сразу, а после некоторого раздумья.

— Я попытаюсь Иван Андреевич. Только не судите строго, если не получиться. Я готова вернуться туда, хотя, думалось, что это произойдет лишь при новых контактах, а не в результате «прочтения» памяти.

— Будут и новые контакты. Если Герберт жив, — он обязательно попытается снова передать информацию. Но сейчас нам необходимо доказать твою вменяемость, Герда. Я попытался дать информации официальный ход, но ничего хорошего не вышло. Мне указали, что я на пенсии, тебя отнесли в разряд душевнобольных. Все. Инцидент на Эригоне давно исчерпан и последствий не имеет. Факт приема тобой мысленных образов не доказан. Если бы я не увез тебя сюда, и сам бы не скрылся из поля зрения командующего флотом, нам обоим грозили неприятности. Здесь же мы можем чувствовать себя спокойно, провести необходимые исследования, собрать доказательства, задокументировать факты.

— А если мы сумеем по моим воспоминаниям определить звездное окружение и в конечном итоге идентифицируем систему, что тогда?

— Врать не стану, Герда. Мы будем ориентироваться по обстановке, опираясь на те знания, что сумеем получить предварительно. Существует огромная вероятность, что данная космическая раса проявит агрессию, попытается захватить определенные звездные системы. Допустить такого развития сценария, мы не можем. Если вдруг на чашу весов будет брошена безопасность уже населенных людьми звездных систем, я буду вынужден действовать жестко и адекватно. Пойми Герда, и ты Саша, — Кирсанов по очереди посмотрел в глаза обоих — я хочу предотвратить несчастье. Но сделать это можно лишь одним способом, — поняв, с кем или с чем нам придется иметь дело, раньше, чем чуждая цивилизация проявит себя, сделает первый и, возможно, уже непоправимый шаг.

Герда не ответила.

Прикрыв глаза, она сидела, пытаясь почувствовать находящихся рядом людей.

Иван Андреевич виделся ей смутно, скорее в силу мобилизации воображения, чем в результате проявления эмпатических способностей, а вот с образом Александра все происходило иначе.

Она видела мнемоника как… как некое энергетическое образование, не соответствующее форме человеческого тела!..

Секундное замешательство прошло, она, используя опыт прошлых контактов, постаралась успокоиться. Если это не глюк, и сплетение энергий передо мной, — есть ни что иное, как мысли Саши, я должна понять хотя бы некоторые из них.

Герда застыла, впившись пальцами в подлокотники кресла.

Кирсанов, внимательно наблюдавший за ней, хотел было спросить Трегалина, *что происходит*, но Саша так же внезапно замолчал, напрягся, словно увидел нечто, недоступное взгляду Ивана Андреевича.

Ладно, мешать не буду, пусть разбираются.

Ему было над чем подумать.

* * *

Для осознанной передачи сигнала с использованием линий напряженности гиперсферы, мнемоник должен находиться в здравом уме, полностью контролировать свои поступки, однако Трегалин, пытаясь понять, как соотнести Герберта и непонятные энергетические образования, задался вопросом: а нужно ли мне тело, в случае перехода на виртуальный уровень существования?

Опыт виртуальных вселенных Логриса, вроде как подсказывал: нет, наличие физического тела вовсе не обязательно для реализации сознания.

Однако, откуда у неизвестной инопланетной расы технологии логриан?

Затребовав все материалы по древнему космосу, Трегалин несколько суток потратил на изучение истории древнего мира, благо в его распоряжении были не только информационные ресурсы института галактической археологии, но и особенные, присущие только мнемонику способы быстрого усвоения данных.

В результате, тщательно проанализировав, взвесив все открывшиеся обстоятельства Трегалин был вынужден признать: ни одна из цивилизаций древнего космоса не сталкивалась с артефактами, подобными найденному на Эригоне.

Несомненно, таинственная раса была много древнее Инсектов, Логриан или Харамминов. Иначе очень сложно объяснить, каким образом их корабль попал на дно теплого моря, и не был замечен разумными насекомыми, когда те вознамерились подвинуть планету в качестве опыта.

— Иван Андреевич. — Он мысленно активировал канал связи.

— Да, Саша. Что у тебя?

— Вопросы. Пока одни только вопросы.

— Задавай.

— Скажите, кроме Харамминов, Инсектов, Логриан и Дельфонов существуют еще расы, известные человечеству?

— Да существуют. Их следы найдены по ту сторону вертикалей в системах противоположной части галактического диска.[29] Информации очень мало и она не для широкого пользования.

— И все же?

— Я попробую достать тебе нужные сведения.

* * *

Где их искать?

Куда ушел корабль чуждой расы, какой горизонталью воспользовался? Сколько смен навигационных линий он произвел?

Ни на один из заданных себе вопросов ответа у Александра не было.

В штабе флота так же не сумели определить, куда исчез инопланетный корабль. Вероятно, он сменил не один десяток ведущих горизонталей гиперсферы, уходя все дальше и дальше по сетке энергетических линий аномалии.

Подобный маневр должен вывести корабль далеко за границы известного нам космоса. — Подумал Трегалин. К слову сказать, поиск, проведенный Кирсановым, так же не дал результатов. Ни в одной навигационной базе данных не удалось отыскать систему двойной звезды с заданными параметрами.

Надежда только на Герду. Но она способна лишь принимать мысленные образы, не имея возможности определить, откуда послан исходный сигнал.

Значит, следует изменить тактику? — Размышлял он. — Надо возвращаться в систему Эригона, только там Герда снова сможет принять сигнал, а я попытаюсь определить, через какие силовые линии гиперсферы он проходит.

Размышления Трегалина прервало появление Герды.

Девушка была явно не в себе, лицо бледное, глаза лихорадочно блестят…

— Что случилось? — Трегалин встревожился не на шутку.

— Саша… — Она остановилась, ухватившись рукой за подлокотник кресла. — Я только что была *там*…

— Герда, это невозможно! До системы Эригона десятки световых лет! — Александр помог ей сесть. — Успокойся. Просмотри на приборы.

Ни один датчик не фиксирует аномального излучения. Ты попросту выдаешь желаемое за действительное.

— Ты же говорит мне, что веришь и Герберт жив!

— Я верю, Герда, но после долгих размышлений мне стало ясно: исключительно важно другое, — мы сейчас не в системе Эригона. Следовательно, адресной передачи быть не может.

— Какая чушь!.. — Вспылила Герда. — Неужели мне нужно рассказывать тебе теорию гиперсферы?! Кроме горизонтальных линий есть еще вертикали, они пронзают все десять энергоуровней и сливаются в единый энергетический сгусток!

— Я в курсе. Но если Герберт, или иная, выступающая от его имени сила, воспользовались бы последними достижениями в области физики аномалии, то мысленные образы, преданные от центрального сгустка на миллиарды вертикалей были бы услышаны не только тобой, — их смог бы принять любой мнемоник!

Герда вскинула голову:

— А если информация адресная? Не по признаку расположения звездной системы в реальном космосе, а по иному критерию?

— Например, по какому?

— Личность. — Коротко ответила Герда. — Что если передача мысленных образов идет по одной вертикали, попадает в энергетический сгусток, расположенный в пространстве десятого энергоуровня гиперсферы, а оттуда, автоматически транслируется в виде колебаний напряженности, но уже на всех вертикалях?

— При чем тут личность? — Трегалин некоторое время обдумывал слова Герды. — Не понимаю. Я могу допустить, что десятый энергоуровень гиперсферы, где сходятся все вертикальные линии напряженности, может быть использован для передачи глобального сигнала. Но его смогут воспринимать все люди, обладающие мнемоническими способностями.

— Саша, я ведь не мнемоник. — Возразила ему Герда. — Даже термин «эмпат» услышала не так давно…

— Но существует нечто объединяющее тебя и Герберта?

Герда кивнула.

— Я едва ли могу сказать, что успела привязаться к Герберту за несколько часов, что мы провели вместе. Но между нами состоялся мнемонический контакт. В минуту критической опасности он пытался меня убедить, что нужно действовать, иначе мы погибнем.

— Что же ты молчала? Это меняет дело!

— Я не молчала. И думала ты знаешь. — Герда была искренне

удивлена и расстроена.

— Хорошо, лучше поздно, чем никогда. Теперь я знаю, и это действительно меняет дело. В результате мнемонического контакта ваши разумы должны были получить настройку друг на друга!

— Не забывай об особенности психологии кибрайкера. — Произнесла Герда, присаживаясь в кресло. — Тот контакт был крайней вынужденной мерой. На самом же деле я увидела, почувствовала, — он не доверяет никому.

— Да, я понимаю. Иному кибрайкеру проще умереть, чем громко заявить о себе. Но сейчас Герберт вновь в «критической ситуации»… хотя в твоих видениях как раз призывов о помощи и нет. Лишь передача мысленных образов, отражающих некий, повторяющийся раз за разом процесс, верно? Просто кроме тебя ему совершенно не к кому обратиться. Как раз в силу того что он всю свою жизнь старался быть скрытным. Он посылает сигнал, но кроме тебя, его никто не может принять! Вот в чем дело! Ничей разум не настроен на него!

Герда кивнула.

— Но ты ведь действительно не слышала, чтобы среди прочей принимаемой информации, звучало какое-то имя?

— Имен не было. И я не могу поручиться, что слышала мысли Герберта. Для меня это мучительно, Саша.

Трегалин присел рядом, взял Герду за руку.

— А ты бы хотела, чтоб источником данных на самом деле оказался его разум?

— Да… — Герда ответила не колеблясь.

— Тогда давай попробуем?

Она вскинула голову, удивленно и недоверчиво посмотрев на Трегалина.

— Что попробуем, Саша?

— Использовать мои мнемонические способности.

— Как?

— Проверим, может ли сигнал иметь адресность. Ты будешь думать, обращаясь к определенному, известному тебе человеку, а я исполню функцию ретранслятора, приму твой сигнал и отправлю его в свободное путешествие по энергетической ткани гиперсферы.

— Что это даст? — Внезапно засомневалась Герда.

— Мы узнаем, существует ли избирательность.

— А она в принципе возможна?

— Да. Только объяснять суть процесса долго и утомительно. Легче

попробовать осуществить эксперимент. — Он посмотрел на Герду и добавил: — Ну, хорошо, вижу, — ты уже никому и ничему не веришь. Я могу поведать тебе в двух чертах ход моих мыслей.

— Будь так добр. — Она поджала ноги, поудобнее устраиваясь в кресле.

— В общем так. Феномен телепатии известен давно, еще со времен докосмической эры. Некоторые люди обладают способностью передавать другому человеку небольшие объемы информации, чаще они выражены в неявной форме. Например, чувство тревоги, когда с близким человеком что-то случается, или напротив — радость, когда у эмпата для нее вроде бы нет причин.

— Суть улавливаю. — Ответила Герда, поймав вопросительный взгляд Александра. — Что дальше?

— Чаще всего способность к эмпатии возникала у людей хорошо знающих друг друга, и ценящих существующую между ними духовную близость. Механизм возникновения таких нематериальных связей между личностями до сих пор изучен плохо, существует теория, что в основе явления лежит сложный сигнал, излучаемый мозгом человека.

— Поясни, пожалуйста.

— Сигналы, излучаемые нашим мозгом в процессе мышления, состоят из многих простых сигнатур, сложенных вместе. Приборы способны регистрировать только отдельные составляющие сложного сигнала, принять же его в полном объеме способен исключительно мозг другого человека.

— Ты сейчас говоришь о телепатии?

— Да если передачу какой-то отдельной эмоции на небольшое расстояние можно назвать телепатией. Эмпат в таком случае, — это человек, способный воспринимать переживания, и даже некоторые мысли других, порой незнакомых ему людей. Мозг эмпатов как будто изначально настроен самой природой на прием сложного сигнала от множества других людей.

— Теперь понимаю. — Кивнула Герда. — Но могу тебя заверить, я никогда — слышишь, никогда не замечала за собой таких феноменальных способностей.

— Существует еще одна категория эмпатов. У них способность не врожденная, а приобретенная, да и «слышат» они только конкретных людей, с которыми у них связаны стрессовые воспоминания. В моменты наивысшего морального напряжения разум людей может получить «тонкую настройку». Думаю, с тобой и Гербертом случилось именно так. На мой

взгляд, теория сложного сигнала и эффект взаимной эмпатии — тонкой отстройки двух разумом на восприятие друг друга, — единственное разумное объяснение тому, как мысленные образы, направленные кибрайкером по каналам энергетической сети гиперсферы, были восприняты только тобой и никем другим.

Герда слушала его напряженно, затем спросила:

— Ты хотел каким-то образом проверить свои догадки.

— Да. Это рискованно, но я хочу попробовать восстановить связь между вами.

— Как? Ведь мы понятия не имеем где он!

— Технически все просто: Если подать сильный импульс на любую вертикаль, то через центральный энергетический сгусток, расположенный в пространстве десятого энергоуровня аномалии, переданный сигнал начнет спонтанное прохождение по всем без исключения линиям напряженности. Он будет слаб, непонятен для следящих устройств, и если мои выводы правильны, услышать его сможет всякий, а вот воспринять — только Герберт.

— Не представляю, как я смогу отправить сигнал? Я же не мнемоник!

— Не волнуйся. Просто подумай о Герберте. Остальное, я сделаю сам.

— Что, прямо сейчас?

— Конечно. Зачем откладывать?

— Да я-то не против… Но как мы узнаем, что сигнал достиг адресата?

— Я могу только догадываться, но считаю, что утраченный контакт возобновится. Ты дашь ему знать, что жива, и можешь продолжать. Он откликнется, вот увидишь.

— Хорошо. Давай попробуем.

* * *

Система Неосигма.

Двумя неделями позже…

Станции… Станции… Станции…

Орбитальные сооружения тянулись, плавно изгибаясь, образуя разнородное кольцо, опоясывающее планету.

Сгустки холодного пламени поднимались все выше, Герда уже знала, что пройдет несколько минут и навстречу энергетическим образованиям из множества люков, пусковых шахт, вакуумных доков и других вовсе не имеющих названия в человеческом лексиконе конструктивных элементов начнут стартовать малые космические корабли, столь же разнообразные,

как и выпустившие их стартовые приспособления.

Ведомые автоматикой они ринуться вперед — кто к планете, кто в атаку на орбитальные станции, кто друг на друга, а сгустки холодного сияния понесутся наперегонки, стремясь успеть внедриться внутрь чуждых для них космических аппаратов, и затем в течение короткого измеряющегося секундами периода времени овладеть управлением.

Это смысл их существования. Никто и ничто не может противостоять четверть-сущностям. Инстинкты борьбы за выживание — их воля, уникальные, созданные неведомой расой энергетические носители — их тела, созданные бездну времени тому назад программы, навек прописанные в структуре холодного энергетического сгустка — их оружие…

Герде было страшно.

Она не понимала как среди монотонного, повторяющегося изо дня в день тренинга, она отыщет сознание Герберта.

Боже, даже думать жутко о том, что и ее разум окажется тут, плененный, заключенный в узилище из энергетической структуры, — ведь плен не самое худшее, что может произойти — если ее разум вдруг попадет в энергетические тенета, что его *четвертуют*.

Древнее слово отдавало ознобом вдоль позвоночника.

Как хорошо было приходить сюда, когда еще ничего не знала, не понимала какой опасности подвергается рассудок, когда все окружающее воспринималось, как бред, яркий, но совершенно нереальный сон.

Ничего подобного. Это явь.

Герда не отвлекайся.

Саша, я боюсь. Я больше не ощущаю Герберта. Его нет. Он погиб. Они превратили его сознание в четвертинку, и виновата я…я…я…

Герда возьми себя в руки. Иначе придется возвращаться и все начинать заново.

Да. Я справлюсь. Я спокойна. Почти спокойна, но это и неважно, Саша, тут только полный псих будет чувствовать себя невозмутимым! Я боюсь!.. Но все равно пойду туда!.. Только ты будь рядом…

Я никуда не денусь. Герда ты должна мне верить. Я прикрываю твой рассудок.

Хорошо. Я уже почти готова. Указывай направление.

Я не могу тебе указать. Я не знаю, где расположен артефакт. Ты должна отделиться от группы поднимающихся к орбитам огней и искать его. Он где-то тут на планете, может в районе, откуда поднимаются огоньки, а может быть и нет. Пока я прикрываю твой разум, ни один из них не почувствует что ты отделилась от роя.

Она поднималась.

Слабый шепот Сашиных мыслей таял, Герда уже пересилила страх, пересилила все человеческое, что в ней было, уподобившись тем самым четверть-сущностям, что парили вокруг нитевидными структурами света, то сжимаясь в сгустки холодного пламени, то расправляясь, как будто сети рыболова, то принимая стремительные, обтекаемые и в то же время легкие, воздушные очертания парящих в небе медуз…

В сторону.

Высоты достаточно. В сторону.

Где же искать корабль? Герда смутно помнила его очертания, но другая мысль не давала покоя, — что станет с ней, когда артефакт будет найден?

Как я буду жить дальше? Кем я останусь без этих картин, без ощущений полета через пространство, без восприятия энергий расположенного неведомо где мира?

Герберт. Если я найду его и сумею спасти, он научит меня путешествовать по линиям напряженности гиперсферы выходить в трехмерный космос там, где пожелаю…

О чем я думаю?

Кого я надеюсь спасти? Герберт — это человек. Оглянись вокруг Герда! Разве человек может тут выжить? На что ты надеешься, зачем тешишь себя иллюзиями?

Но я-то тут. Я тоже человек. И мое тело не погибло, да и разум пока что цел.

Искать. Найти артефакт. Пробраться внутрь. Все остальное сейчас неважно.

* * *

Силы таяли.

Она даже подумать не могла, что волевое проникновение в иную реальность, при посредничестве Александра будет выматывать еще больше чем спонтанные контакты.

Она по-прежнему не поручилась бы, что ощущает разум Герберта, в какой бы то ни было его ипостаси. Но ведь что-то позволяло ей находиться тут!

Чувствуя, что опустошена до предела, Герда открыла глаза. Рядом сидел Александр, бледный, осунувшийся, и сейчас, глядя на него, Герда вдруг поняла, — за то время, что они провели вместе, в мучительных, напряженных поисках, для нее не стало человека ближе, чем он. Именно

Александр своими мнемоническими способностями подхватывал ее рассудок и посылал туда, немыслимым образом поддерживая каналы связи через линии напряженности гиперсферы.

Нам нужен отдых. Иначе мы не выдержим напряжения…

— Саша…

Прошло не менее минуты, прежде чем он открыл глаза.

— Да, милая? — Слова машинально сорвались с его губ, он все еще пребывал далеко, практически не осознавая, что говорит.

Слово обожгло, потом осталось только тепло, какое-то сладкое тепло, не испытанное в прошлой жизни.

Она не стала ничего говорить, когда он окончательно вернулся в реальность.

— Нам нужно отдохнуть.

— Хорошо. — Он помассировал веки.

— Не просто отдохнуть, а ОТДОХНУТЬ, — она заставила себя слабо улыбнуться.

— Я поговорю с Иваном Андреевичем. Ты когда-нибудь была на Дионе?

— Нет.

— Думаю, золотые пляжи Коллио тебе понравятся. А я заодно к родителям заскочу, представляешь, нашел их не так давно. А говорят, у мнемоников никогда не бывает близких.

— Они что продали тебя в детстве?

— Нет. Ты что. Украли меня. Впрочем, это грустная история. Как-нибудь потом расскажу.

Глава 10

Борт КРК «Антропос».

Настоящее…

Многоцелевой аэрокосмический истребитель класса «Ифрит» являлся последней разработкой военно-промышленного комплекса Конфедерации Солнц.

Капитан «Антропоса» был удивлен, когда во время очередного сеанса связи Фредерик де Ритторен напрямую спросил его:

— Патрик, ты сможешь принять на борт звено «Ифритов»?

— Только на внешние крепления, сэр.

— Сколько их у тебя?

— Семь.

— В таком случае прибудут два звена и командир эскадрильи. Твои пилоты готовы?

— Двадцать «Х-страйкеров».

— Как с боевой загрузкой?

— В порядке. Мы в течение данного поиска не вели серьезных столкновений.

— Хорошо. Теперь слушай меня внимательно, Шелтон. Сейчас ситуация складывается таким образом, что действовать нужно незамедлительно, а в районе контакта только «Антропос». Пока подтянутся другие корабли, не важно корпоративного флота, или сил Конфедерации пройдет время, а его у нас нет. Да и количество кораблей решающей роли в предстоящей акции не играет.

— Сэр, позвольте спросить?

— Да, Патрик?

— Все из-за тех странных веретенообразных кораблей, что пытались нас атаковать?

— Да. Только не они главная проблема. Где-то на планете находиться базовый корабль иной расы. Существует небольшая вероятность, что с ними возможно установить контакт, избежав столкновения. Для этого и прибыли Иван Андреевич, Александр и Герда. Ты понимаешь, о чем идет речь?

— С трудом, сэр. Но мне важно знать лишь свою задачу, не так ли?

— Твоя задача — принять «Ифриты» и осуществить всплытие в непосредственной близости от планеты. Далее ты столкнешься с разношерстной, но функциональной планетарной обороной. Ее нужно прорвать, чтобы обеспечить безопасный проход к планете посадочному модулю. Это твоя главная задача, Патрик. Комплексы орбитальной обороны ценности для нас не представляют, их разрешаю уничтожать не задумываясь.

— Тогда в чем сложность поставленной задачи, сэр?

— Сложность в том, что нельзя использовать автоматические системы. После выхода из гиперсферы «Антропос» отключает двигатели, все боевые подсистемы переходят в ручной режим управления, тоже самое происходит с «Х-страйкерами» и «Ифритами» атакующей волны. Вы должны связать боем и уничтожить любые силы, которые встанут между планетой и посадочным модулем.

— Я понял задачу. Мои люди сделают все возможное.

— И еще Патрик. Сигнал к началу операции даст Кирсанов.

* * *

Герда нигде не могла найти Александра.

Она пыталась вызвать его по связи, потом мысленно, но безрезультатно.

Не в силах понять, куда подевались Иван Андреевич и Саша, она прилегла на койку в отведенной ей каюте, и незаметно для себя уснула…

Видение пришло практически сразу.

Она увидела огромное темное помещение, похожее на длинную изгибающуюся нору.

У одного из изгибов, растекаясь по стене едва заметным, *угасающим сиянием*, застыло странное существо, вернее — Герда поняла это по аналогии — энергетическая сущность, но в отличие от виденных ей раньше сгустков света, данная структура, собранная, как и они, из тончайших, источающих ауру нитей, была намного больше, объемнее, сложнее…

Неужели это полное существо, а не его четверть?

Мысль обожгла, а слабое мерцающее сияние, как будто ощутив ее присутствие, вдруг начало собираться в сгусток… как будто хотело последним усилием потянуться навстречу…

Еще секунда и Герда проснулась.

За дверями ее каюты послышались шаги, затем до слуха донеслись голоса Александра и Ивана Андреевича.

* * *

Борт «Антропоса».

Компьютерный центр.

Часом раньше…

Каждая цивилизация, следуя путем уникального развития, рано или поздно приходит к неизбежному выводу об универсальности процессов, протекающих во Вселенной.

Человечество, как и другие расы, проходило через определенные стадии поиска универсального знания, некоей единой теории, существующей вне конкретных наук на стыке различных областей изученного. Такова, к примеру, теория синергетики[30] и ее дальнейшее развитие, подарившее нашей цивилизации множество открытий, недостижимых с точки зрения отдельно взятых наук.

Универсальное знание возможно. Более того, оно необходимо для существования Вселенной, процессы мироздания подчинены единым законам, количество которых конечно.

Логриане в свое время сумели решить одно из универсальных уравнений, что в свою очередь позволило расе двухголовых ксеноморфов создать логр — сверхадаптивный[31] мини-компьютер, способный принимать разум любого биологического существа, построенный на основе нейронных сетей. В результате универсальности найденного подхода позже, через миллионы лет после создания первого логра, на подобных носителях смогли виртуально существовать сознания людей, харамминов, инсектов, именно свехадаптивность логров позволила открыть загадку расы Эволгов.[32]

Возникает закономерный вопрос: а на самом деле можно ли объять необъятное, получить систему, состоящую из универсальных решений, справедливых для любого явления природы, либо способную раскрыть и пояснить сущность того или иного технического решения, назначение и принцип работы механизма, прибора, вне зависимости от того, какой расой тот был создан?

Видимо абсолютного, универсального знания еще не обрел никто, но отдельные системы, являющиеся частицами абсолюта, на протяжении разных эпох были доступны различным разумным существам.

Если Логриане преуспели в изучении нейросетей и сумели создать виртуальную оболочку, где способен полноценно функционировать

рассудок любого существа, то почему нельзя допустить подобного прогресса в изучении универсальных законов построения механизмов?

Размышляя таким образом, Александр еще не знал, что приближается к разгадке одного из ключевых моментов в истории с артефактом, а именно — способа, которым неведомые существа подчиняли себе технику иных рас.

Сейчас он был занят поиском ответа на другой вопрос, что, впрочем, не мешало ему теоретизировать по поводу универсальной природы знаний.

Иван Андреевич только на борту «Антропоса» смог передать ему данные по трем расам, чьи следы были обнаружены за вертикалями гиперсферы.

В сфере голографического монитора перед Александром сейчас разворачивалась секретная информация, а именно — сигнатура энергетического существа, принадлежащего к расе Эволгов.

Оказывается, одно из существ этой расы сохранилось — его энергетический клон был найден во время спасательной экспедиции за вертикалями гиперсферы, среди обломков орбитальных сооружений неимоверной древности.

С существом, являющимся полноценным информационно-энергетическим клоном взрослого Эволга, удалось установить контакт, и сейчас в распоряжении особого отдела флота имелся словарь мысленных образов, при помощи которого было возможно общение с удивительным представителем древнейшей известной человечеству разумной расы.

Рассматривая сигнатуру Эволга, поворачивая изображение под разными углами, Александр вдруг замер, заметив странное сходство одной из структур, с чем-то виденным ранее.

Он напряженно всматривался в изображение, а когда вдруг понял, с чем в его рассудке ассоциируется участок энергосети, то машинально коснулся сенсора внутренней связи, не смея оторвать взгляд от изображения.

— Иван Андреевич, зайдите в кибернетический центр. Это срочно!

* * *

Кирсанов появился спустя минуту.

— Что случилось, Саша? Что-то нашел?

— Смотрите! — Александр все еще боялся отвести взгляд от сферы голографического монитора.

— Сигнатура Эволга?!

— Да. Смотрите сюда, вот на этот участок!

— Вижу.

— А теперь еще одна сигнатура для сравнения! — Александр мысленным усилием поделил сферу монитора на две равные части: в одной по-прежнему сохранялась повернутая под нужным углом структура Эволга, в другой возникла сохраненная из видений Герды, развернутая при полете в космическом пространстве энергетическая структура сгустка «холодного пламени».

Комментарии тут были излишни.

Четверть-сущность являлась точной копией крошечного фрагмента сигнатуры Эволга.

Несколько секунд они не могли произнести ни слова, потом Александр хрипло произнес:

— Таких совпадений не бывает…

— Но четверть-сущность не может являться частью Эволга!

— Я понимаю. Структура ничтожно мала. Она не тянет и на тысячную долю. Но аналогия очевидна!

— Подожди, Александр, но мы ведь знаем, что Эволги вступали в союз с исчезнувшей расой Эмулотти. Они передавали им уникальные знания. Не могли ли Эмулотти на основе полученных знаний создать свои энергетические копии?

— Теоретически такое возможно!..

— Саша, а мы ведь знаем язык Эволгов! И Эмулотти, если это конечно они, должны его знать!

— Шанс! Реальный шанс, но как его использовать?

— Герда! Мы должны попросить ее! Ты ведь можешь закачать ей через имплант словарь мыслеобразов?!

— Смогу, конечно. Если только она согласиться.

— Пошли. Не будем терять ни минуты!

* * *

Герда медленно погружалась в пучину виртуальности.

Ее разум, отделившись от тела, плыл через пространство к одной из станций, в глубинах которой, как ей показалось, она видела распластанное по стене энергетическое существо.

Если Иван Андреевич и Александр правы, то оно должно откликнуться, отреагировать на образы языка Эволгов!..

Герда снова увидела слабое свечение освещающее часть стены длинного изгибающегося коридора, и, не зная как поступить, приблизилась, до полного «слияния» с энергетической сущностью.

* * *

Город горел.

Одной своей частью он врезался в землю, повалив несколько гектаров леса, оставив в теле планеты глубокую рваную борозду, но три группы генераторов антигравитационного поля еще работали, и огромная платформа продолжала медленно скользить по инерции, одним краям вспахивая тонны земли, а другим все еще конвульсивно стремясь в небеса.

Айла смотрела на город в состоянии грусти: ей казалось, что даже это проявление разрушения прекрасно — город погибал гордо, он не утратил своего величия, его здания по-прежнему тянулись ввысь, но только теперь уже не вертикально, а наискось.

Так же наискось от редких перистых облаков к земле расстилался дымный шлейф, оставленный яркой, упавшей звездой, прямо на глазах девушки соскользнувшей с полуденных небес.

Она не слышала грохота, но почувствовала, как что-то сильное и упругое толкнуло ее. Не удержавшись на ногах, Айла упала, и тут же неподалеку к небу метнулся закручивающийся в сферу факел: черно-оранжевый, словно сгусток огня кто-то поймал в частую сетку из темных полосок дыма, — он вырос за мгновенье, — тонкий у основания и угрожающе-огромный на высоте, потом раздался звонкий удар, словно прибежал запоздалый, запыхавшийся звук и… снова стало тихо, грустно и дымно, только плыл над землею, как морок, вскрик израненной, погибающей души…

Она узнала его, потянулась в потревоженную войной кристальную даль, подхватила своей, еще не растраченной силой, а он не узнавал ее, упирался, молил — отпусти — потому что жить больше не мог, не хотел…

Тогда Айла как будто очнулась.

Она увидела себя со стороны — такую грустную, созерцательно-равнодушную, наблюдающую как погибает город, как падают в горящих машинах те, кого она любила, и вдруг стало противно самой себя — такой правильной, возвышенной, не собирающейся снисходить до суеты, готовой погибнуть, но не способной вернуться в реальность, ощутить жаркое дыхание взрыва, разделить ярость, боль, ненависть…

В кого же я превратилась?

В высшее существо, не способное дать отпор разрушению и смерти? Я способна видеть эстетику в гибели собственной цивилизации и не могу ничего ей противопоставить?

Она все еще чувствовала, как душа Зорга бьется в ее объятиях и

молит: отпусти, дай рассыпаться пеплом над землей, пусть хотя бы спустя столетие росток травы пробьется на моем прахе, опять станет жизнью, но я уже не могу, и не хочу жить.

Остановись. — Попросила Айла.

Зачем?

Я понять тебя хочу. Поговорить. Ты ведь можешь задержаться? Ради меня?…

* * *

Он задержался.

С этого все и началось.

…Зорг падал.

Сколько раз это повторялось за последние дни? Он умирал и вновь восставал из пепла, чтобы опять оказаться в тесной кабине штурмовика, стать волей для тех немногих космических аппаратов, что чудом сохранились с наидревнейших времен и теперь были единственным средством к сопротивлению.

Он добровольно вошел в число немногих, кто решился пойти на трансформацию, чтобы возглавить силы планетарной обороны, но даже такая жертва не смогла изменить предопределенного хода событий.

— Почему мы проигрываем, погибаем? — Спросила Айла, когда перестал дрожать воздух, и перед ней, наконец, появился Зорг, такой же, каким она его помнила, любила.

— Никто из нас уже не умеет воевать. — Ответил он, присаживаясь рядом на поваленный взрывом его же штурмовика ствол дерева. — Ты умеешь убивать, Айла?

Вопрос прозвучал неожиданно, и она не сразу нашлась что ответить.

— Когда-то давно умела. — Подумав, произнесла она. — Но я уже почти не помню той поры, даже не смогу сказать, сколько прошло времени после последнего конфликта и великого бегства.

— Я тоже не помню, сколько прошло времени. Не в этом суть. Дело в том, что мы тогда приняли гибельное решение, отказавшись от борьбы, посчитав, что космос необъятен, и мы сумеем скрыться на его просторах.

— А ты уверен, что машины, атаковавшие планету, принадлежат той же расе, с которой мы сражались когда-то?

Зорг печально и пристально посмотрел на нее, так что у Айлы холодок пробежал по коже, и лицо изменило свой цвет, выдавая наивысшую степень волнения, какая только могла посетить высшее существо, способное созерцать рождение и гибель звезд, не испытывая при

этом иррациональных эмоций.

— Нет никакой разницы, какая цивилизация в данный момент противостоит нам. Дело не в отдельной расе. Теперь я понял, уже окончательно: таков закон Вселенной. Ты помнишь расу Учителей? Они тоже думали, что будут существовать вечно, отдельно от суетного мира, паря над ним, не позволяя сиюминутным проблемам нарушить вечность мысли. Теперь ответь мне Айла, что стало с ними?

— Они исчезли, Зорг. Ты же знаешь не хуже меня. Последний из расы учителей погиб накануне великого бегства. Но они оставили нам технологии, позволившие возродить цивилизацию, и развиться до небывалых высот. Посмотри вокруг, разве наш мир не прекрасен? Разве мы нарушили что-то в биосфере приютившей нас планеты? Наша поступь не тревожит даже былинки, парящие города кажутся просто облачными замками…

— Даже сейчас? — Перебил ее Зорг.

Айла осеклась.

Край города продолжал бороздить землю, валить вековые деревья, вот на его пути появился небольшой городок, выстроенный коренными жителями планеты. Они стояли еще в самом начале пути своего развития и сейчас не понимали, что же такое рухнуло на их головы, почему огромный облачный замок вдруг оказался материальным, а его внезапно падение принесло с собой катастрофу.

— Посмотри, что они делают.

Маленькие фигурки, не взирая на опасность, карабкались на край города, затем, собираясь группами, бежали по накрененным улицам, врывались в дома, что-то вытаскивали на улицы, с хохотом сбрасывали вниз, в некоторых местах, по вине забравшихся наверх мародеров, ломались механизмы, происходили маленькие техногенные катастрофы, от них начинались пожары, и становилось ясно, что город обречен, даже если удастся отбить атаку из космоса, эти маленькие существа добьют город с земли.

— Почему же так происходит Зорг? — В голосе Айлы прорвались нотки отчаянья. — Мы ведь не причиняли вреда никому, ни тем, кто вторгся из космоса ни, тем более, местным жителям!

— Это и есть закон, Айла. Вселенная враждебна. Если мы не станем защищаться, то погибнем.

— Защищаться? Убивать? Кого? Этих маленьких неразумных существ?

— Всех, — жестко ответил Зорг. — Всех, потому, что одни будут нас

ненавидеть за то, что мы умнее их, другие станут испытывать неприязнь из-за непонимания, которое очень быстро порождает страх, третьим захочется жить в нашем городе, или просто разграбить его, четвертым потребуется эта планета, и тогда они убьют и аборигенов и нас.

— Страшно…

— Согласен. Мне тоже страшно. Мы постигли множество законов Вселенной, овладели могучими энергиями, наша техника совершенна, почти до абсолюта, нам нет нужды убивать, но приходят другие и вынуждают нас. Я пережил смерть уже десятки раз за истекшие сутки планеты, и больше уже не могу, да и смысла не вижу. Мы стали слишком добрыми, созерцательными, но не мудрыми — иначе позаботились бы о собственном будущем, создали бы непреодолимый заслон, а теперь уже поздно, слишком поздно что-то менять. — Он говорил очень быстро, словно боялся что не успеет высказаться до конца, прежде чем произойдет нечто окончательное, роковое…

— А если мы снова, прямо сейчас соберемся все вместе, призовем все наши знания, ударим по врагу?

— Чем ударим? Я только что был на орбитах. В пространстве сотни тысяч чужих кораблей. Ими управляют не живые существа, — машины. Нам даже не с кем вступить в переговоры.

— И никак не выяснить, откуда пришла армада?

— Уже нет времени выяснять.

— Понимаю… — Она вскинула взгляд. — Но я не хочу, чтобы ты исчез навсегда. И сама не хочу исчезнуть. Давай, призовем других, и станем думать, как нам быть?

— Есть ли смысл, Айла? Мы были беспечны. В нашем распоряжении имелись века, но их не использовали. А что можно сделать за оставшиеся часы?

— Для планеты — ничего. Для себя — очень много.

— Объясни? — Попросил Зорг.

— Нас все еще миллионы, верно?

— Я не знаю точной цифры. — Пожал плечами Зорг.

— Она не важна. Важно, что нас по-прежнему много и каждый прошел в свое время науку трансформации.

— Ну и что? Я не вижу выхода, Айла. В состоянии энергетической сущности мы не способны противостоять вторжению. У нас не осталось техники, которая управляется на мысленном уровне.

— Зато она есть у врага.

— Я не понимаю тебя. Говори яснее… — Зорг начал злиться и Айла

подумала: к нам возвращаются чувства, возвращаются быстро. Значит далеко не все потеряно. Прав Зорг, мы могущественны, но не мудры…

— Вот что следует сделать: мы с тобой должны собрать остальных и предложить новый путь. Путь нашей расы.

— В чем он заключается?

— В исчезновении. Мы не можем ответить ударом на удар, потому что утратили осторожность, забыли про войны, что вели наши предки, забыли, как исчезла раса Учителей, передавшая нам большинство современных способностей и знаний. Ты сделал правильный вывод Зорг, Вселенная враждебна. Но мы обладаем силой, способной изменить данность.

— Хорошо, я согласен, мы в состоянии исчезнуть. Новая теория энергетических связей между звездными системами позволит нам уйти прямо отсюда, с поверхности планеты совершить бросок через бесконечность, а что дальше?

— Мы начнем все сначала.

— Опять? В который раз?

— Разве количество попыток играет роль?

— Айла, ты много не понимаешь. Посмотри, я потерял свое тело, вышел в фазу мнемоклона, я бросился защищать наш мир, и успел погибнуть. Десятки раз погибнуть, возродиться и снова погибнуть. Ты не понимаешь что это такое! — Зорг говорил все яростнее, громче, его структура как будто раскалилась, явственно проявившись в воздухе сплетением пылающих нитей. — Смерть каждый раз отнимает что-то. Я перестаю быть самим собой. Я уже не смогу как прежде созидать и радоваться — меня будет преследовать страх, а если я уничтожу источник страха — начнет грызть совесть, и поверь, так станет с каждым из нас. Здесь или в другом уголке галактики мы все равно не найдем покоя.

— Ты прав. — Неожиданно согласилась Айла. — Мы перешагнули черту, за которой оставили качества, позволявшие нам бороться за существование и не испытывать при этом морального дискомфорта. Давай будем думать, как нам справится с ситуацией.

Нет я говорю не то… Думаю не о том… Все намного страшнее, ближе, и действовать надо быстрее, если наша цель сохранить наш мир, наши города, защитить ни в чем не повинных существ, которым мы же и не дали развиться до технических высот.

— Зорг, ты обманываешь себя. — Айла коснулась матрицы его сознания, не проникая внутрь, но, обозначив такое намерение, и, как ожидала, он отпрянул. Да теперь она видела: рядом с ней находился не тот Зорг, которого она знала и любила. Он изменился. Смерть изменила его.

— Ты помнишь время Последнего Конфликта?

Он снова приблизился к ней, не извинившись за внезапный порыв недоверия.

— Говоришь утвердительно… Не спрашиваешь?

— Не спрашиваю. Потому что помню сама. Память все время была со мной, но не мешала мне чувствовать себя счастливой. Почему?

— Не знаю. — Зоргу казался бессмысленным разговор. Если что-то делать — значит делать. Терять себя, становиться другим…

— Почему я не мучаюсь когда вспоминаю те дни? — Спросила Айла. — Почему ты не мучился? Ведь тогда нам пришлось разрушать, убивать, мы потеряли стольких друзей, потеряли расу учителей — всех до последнего.

— Но мы нашли в себе силы жить дальше. — Ответил Зорг. — Мы встали выше той боли, — вместо того, чтобы начать мстить, строили новые города, находили новые знания, радовались тому, что смогли узнать и построить. Ты не понимаешь одного Айла, — вернуться в то состояние ненависти, которое однажды помогло нам выжить, легко. Но обратного пути уже нет. Я чувствую. Я снова побывал в нем, и больше не хочу строить. Зачем я буду созидать, когда вновь придет кто-то и разрушит созданное?

Айла вдруг улыбнулась.

— Я поняла тебя Зорг. Наша проблема в том, что мы уже не способны сочетать в себе разные качества, — убивать, а затем, отмыв руки от крови, снова размышлять о вечном. Мы слишком много знаем и потому не позволяем себе иллюзий. Самообман, надежды больше не проходят в нашем сознании.

— Вот ты и произнесла слова приговора. — Мрачно заключил Зорг.

— Вовсе нет. Я нашла решение.

— Какое?

— Если я помню Последний Конфликт, но продолжаю жить, считать себя чистой и счастливой, значит, с тех пор что-то радикально изменилось во мне, понимаешь? Тогда убивала и ненавидела не я — то была другая Айла. Я изменилась. Шагнула на новую ступень развития, утратила способность ненавидеть, но получила возможность развиваться дальше и жить, не мучаясь прошлым.

— В нас не могут существовать по нескольку разных личностей. — Возразил Зорг.

— Могут. Раньше наши предки действительно были лишены такого качества, они жили не достаточно долго, но после изменений, что принесла

раса Учителей, наша жизнь больше не ограниченна рамками физического тела. Через стадию мнемоклона мы можем перевоплощаться, сохраняя собственное «я» практически вечно. Выходит, что процессы, которые раньше не имели четких границ, стушевывались сменами поколений, в нашем сознании стали резки и однозначны. Подумай, Зорг, разве знание о том, что твой предок убивал себе подобных, ел сырое мясо, — разве такое знание делает тебя несчастным?

— Конечно, нет. — Фыркнул Зорг. — То были другие… Постой. — Он почти материализовался, принимая черты сотканной из уплотненного воздуха фигуры, — ты хочешь сказать, что во время Последнего Конфликта действительно существовала другая Айла, и другой Зорг?

— Наши ментальные предки. — Кивнула она. — Наконец-то ты меня услышал.

— Ты сделала открытие!.. Но что оно нам дает?!

— Оружие против враждебной Вселенной. Вспомни расу Учителей. Почему они погибли? Их знания позволяли уничтожить любой источник физической угрозы.

— Они не могли использовать свое могущество, потому и предложили его нам.

— Правильно. Потому что мы в то время были еще дикими, нас заботила битва за выживание, мы не считали, что поступаем неправильно. А они понимали, что зашли слишком далеко по пути самосовершенствования и уже не смогут оставаться прежними, если станут разрушать.

— И все же они исчезли. — Напомнил Зорг.

— Они исчезли, потому что слишком долго пребывали в нерешительности и слишком поздно поделились с нами знаниями и могуществом. Открой они нам тайны вселенной чуть раньше, и Последний Конфликт имел бы роковые последствия не для них, а для наших общих врагов.

Зорг некоторое время размышлял. Его мысли оставались тяжелыми, неоднозначными, он слишком много потерял за последние дни и почти что разучился мыслить так же здраво и быстро как Айла.

— Какой у нас выход? — Он посмотрел на крохотные фигурки, что все еще пытались вскарабкаться по наклонным улицам рухнувшего из поднебесья города — где мы возьмем расу существ, для которых борьба за жизнь не тяжкое моральное испытание, а норма существования? Что нам следует сделать? Отдадим свои знания им? — Он указал на фигурки существ, погибающих средь пламени пожаров объявших город. — А ты не

боишься Айла что они, получив непостижимые для них знания, используют их против нас, в том числе?

— Конечно, боюсь. Потому и не собираюсь предлагать подобных кандидатур.

— Но если не они, то кто?

— Мы. Только мы сами, но в своих прошлых ипостасях.

Зорг онемел. Он понял сказанное ей, но некоторое время не мог ответить, настолько был ошеломлен.

— Деление? Ты предлагаешь деление мнемоклона?

— Ты правильно меня понял. Матрицу сознания можно разделить на несколько составляющих, назовем их ступенями развития. Если взять основу личности, отделить от изначальной сущности все пришедшее в процессе позднего развития мы получим некую треть или четверть сущность, которая будет находиться где-то на уровне наших предков, боровшихся за выживание во враждебном мире. Если полученной сущности дать универсальное средство для подчинения вражеской техники, — а такое средство мы, пользуясь нашими знаниями, легко можем создать, то армии противника вскоре станут нашими армиями. Затем можно действовать дальше — нам потребуется новое жизненное пространство, планеты пригодные для нашего метаболизма, ведь ни ты, ни я, ни кто-то другой не захотим провести вечность в состоянии мнемоклонов, верно?

Зорг кивнул. Разум Айлы быстро и непринужденно скользил от причин к следствиям, рисуя ему картину еще непонятого, не принятого душой, но закономерно-притягательного мира:

— Мы отказались от преобразования планет, считая, что наносить вред биосферам негуманно. А гуманно загонять самих себя на стратосферные платформы?

— Не знаю. Мне нравился мой город.

— И все же ты бы с большим удовольствием жил бы внизу, верно?

— Это невозможно. Истребить биосферу, лишить планету исконной жизни, прервать эволюцию способную в конечном итоге породить разум…

— Те, кто сейчас сосредотачивается на орбитах, уничтожат их легко и быстро. — С грустью напомнила Айла. — Но не будем о них. Подумай о полусущности — той ипостаси нашего собственного «я», которая соответствует эпохе расцвета колониальных проектов. Имея колониальные транспорты, технику и технологии, они сумеют превратить мертвые, либо враждебные миры в настоящий рай.

— Рай для кого?

— Для нас. Для полных Сущностей. Мы соединим частицы самих

себя, но схватка с врагами, преобразование биосфер, организация буферных зон, за которые не смогут сделать и шага иные цивилизации, — все это будет для нас лишь смутными воспоминаниями, принадлежащими истории, мы же получим возможность жить, не мучась при этом угрызениями совести по поводу того, что вступили в схватку с пытавшейся уничтожить нас вселенной и победили.

— Айла ты говоришь и страшно и справедливо…

— Зорг, нам следует что-то выбрать. Иначе мы, обладая огромными знаниями и возможностями, либо исчезнем, повторив ошибочный путь расы Учителей, либо станем настоящими демонами, если позволим себе сегодняшним вступить в схватку с низшими по развитию расами.

— Да я понимаю, дороги назад к величию и душевному спокойствию для нас уже не будет. — Нужно собрать всех. Эту планету нам не удержать — слишком поздно, но в форме мнемоклонов мы сумеем избежать истребления. Нужно время чтобы сообща все обдумать и принять решение.

— Зорг, ты поддержишь меня?

— Пока не знаю. Наверное — да. Но прежде я бы хотел понять, как будет происходить процесс разделения личности, и каким образом после выполнения всех поставленных задач полусущности соберутся в полноценное существо?

— Это вопрос технологий. Нам же необходимо принять моральное решение.

— Да я понимаю… — Зорг смотрел в сторону города, который все же не выдержал и начал разрушаться, распадаясь на части, роняя обломки прекрасной, еще вчера парившей в небесах мечты…

Мечты, которую машины неведомой расы спокойно превратили в дымящийся прах.

— Я поддержу тебя Айла.

* * *

Спустя миллиарды лет…

Айла погибала…

Она не смогла инициировать защитного разделения личности — в первый момент не хватило мужества, а потом уже не осталось возможности совершить осмысленную трансформацию — бушующие вокруг силы понесли ее ввысь, энергетическая структура, заключающая в себе матрицу сознания Айлы, была деформирована, а когда способность осознавать

окружающее вернулась, и она снова ощутила в себе способность принимать осмысленные решения, управлять своей структурой, то аппаратные средства для правильного разделения уже были недосягаемы.

Базовый корабль исчез, он остался где-то далеко внизу, а губительные энергии двух яростных светил, по-прежнему наполняющие околопланетное пространство, лишь немного ослабли — голубой шарик звезды ненадолго вошел в тень планеты, и это позволило Айле придти в себя, справиться с шоком, волевым усилием самостабилизировать структуру энергетической сущности, но вопрос жизни и смерти оставался открытым: ей следовало немедленно найти надежное убежище, или скорое появление белого карлика из-за блокирующей его сейчас планеты уничтожит ее.

Солнечный ветер в системе двойной звезды превращался в настоящую бурю, плазменный ураган, шквал заряженных частиц, — Учителя (очень давно, еще до своей гибели) предостерегали Айлу от подобных мест, где сохранить целостность фактически невозможно.

Конечно, раса Учителей путешествовала и по таким системам, чисто из научного, исследовательского интереса. У них существовали специальные энергетические структуры, защищенные, как правило, плотным коконом холодной плазмы, позволяющие существовать в вихрях высоких энергий достаточно долго, но сейчас все знания, что хранил разум Айлы, оказались бесполезны: у нее не получалось сформировать защитный кокон, оказавшись вне связи с базовым кораблем, она вообще лишилась возможности как-то защищаться.

Подвластные ей энергии оказались смехотворно-малы в соотношении с теми природными катаклизмами,[33] что бушевали вокруг.

Как ей спастись?

Станции. Орбитальные конструкции чуждой расы, только проникнув внутрь, под защиту экранирующих слоев обшивки она бы выжила.

Выбора не оставалось. Конечно, она понятия не имела, что ждет ее там, но все же… хоть какая-то альтернатива неизбежной гибели.

Она решилась, пошла на отчаянный шаг, и действительно нашла убежище… попав при этом в очередную ловушку.

Конструкция, куда она успела проникнуть, прежде чем магниево-белое светило системы вышло из-за блокировавшей его планеты, оказалась абсолютно безжизненна и полностью лишена энергии.

Айла стала узницей станции. Ей не выйти за ее пределы, — по любым подсчетам получалось, что короткого затишья, когда одно из солнц системы скрывается за планетой, не хватит на преодоление расстояния до мертвого

мира, куда попал базовый корабль после своего рывка через аномалию космоса.

Что оставалось предпринять?

Только одно — экономить собственный энергетический ресурс, поддерживая стабильность структуры сознания как можно дольше, в надежде, что оставшийся на планете корабль приступит к выполнению своей основной функции — сформирует матрицы четверть-сущностей и те начнут процессы преобразования, которые, учитывая уникальные местные условия, должны начаться, прежде всего, с овладения оказавшейся на орбитах планеты чуждой техникой.

Айла не уповала на чудеса, она давно перестала верить в подобные ненадежные переменные, в своих расчетах она полагалась на точное знание выработанной стратегии, которую они продумывали вместе с Зоргом.

Четверть-сущности, которым на корабле будут *имплантированы* уникальные структуры, способные проанализировать любое явление, основываясь в своих выводах на универсальных уравнениях, описывающих большинство протекающих во Вселенной процессов, потенциально должны справиться с любой поставленной перед ними задачей.

Любой самый сложный механизм, пусть он создан чуждой расой, неизбежно функционирует в рамках общих для вселенной законов, — исходя из данного утверждения, его устройство можно понять, точно так же как явление природы.

Сначала понять, а затем внедрить в него свои управляющие структуры и уже под их контролем использовать механизм в нужных целях.

Поначалу Айла была абсолютно уверена, — четверть-сущности выполнят возложенную на них миссию, они, конечно, будут гибнуть, корабль же станет возрождать их копии все в большем и большем количестве, пока одна из массированных атак на блокирующие планету орбитальные комплексы не увенчается успехом, и тогда в распоряжении управляющего центра корабля появится новый ресурс — механизмы, способные выполнять множество различных операций уже не на уровне энергий, а манипулируя с веществом.

Начнется цепная реакция действий, — попавшие под контроль машины построят другие, более продвинутые механизмы, уже узко специализированные, «заточенные» для эффективного выполнения конкретных задач, — те в свою очередь создадут инфраструктуру и материальную базу для возрождения цивилизации, решат тысячи вопросов, связанных с выживанием хрупких биологических существ, чьи матрицы зашифрованы в самой структуре колониального транспорта.

И, наконец, спустя огромное количество времени, когда будет преобразована планета, очищен космос в радиусе сотен световых лет, экспансия машин под управлением четверть сущностей завершиться. Энергетические матрицы получат свой второй компонент, станут *полусущностями*, — уже не целеустремленными исполнителями, а личностями, способными творить, созидать, наполнять отвоеванное у чуждых рас и равнодушно-беспощадного космоса пространство красотой и смыслом, и, наконец, когда завершатся все преобразования, разделенные до этого компоненты полноценных личностей воссоединяться, — раса существ, к которым принадлежала Айла, возродится, но все, совершенное ради подготовки долгожданного, чудесного момента, не будет тяготить существ, переживших миллионы лет забвения. Да они будут помнить о жертвах, что пришлось принести ради возрождения цивилизации, но та память будет иной, сглаженной, не несущей угрызений совести и морального разрушения, так словно до *возрождения* действовали другие существа, память о деяниях которых принадлежит истории.

* * *

Айла поняла, как жестоко ошиблась, когда первые четверть-сущности с имплантированными энергоструктурами *познания и управления*, сумели проникнуть внутрь некоторых орбитальных конструкций и пробудить там механизмы иной расы, исчезнувшей со сцены истории несколько миллионов лет назад.

Они завладели космическими кораблями и тут… случилось непредвиденное.

Механизмы, которыми они овладели, являлись боевыми, они не предназначались ни для какой иной цели, кроме уничтожения.

Однако их специализация могла быть переориентирована, любое оружие использовано в качестве инструмента, но… этого не случилось. Универсальные энергетические структуры, как было задумано, выполнили предназначенную им миссию, исследовали механизмы, перехватили над ними контроль, и перешли в подчинение четверть-сущностям, которые по замыслу, начнут борьбу за существование.

И они начали борьбу.

Борьбу друг с другом, за выживание.

Беспощадную схватку, лишенную смысла, не несущую результата, ни сейчас, ни в обозримом будущем.

Айла не могла их остановить.

Четверть-сущности оказались агрессивны, прежде всего, по

отношению друг к другу.

Это был провал. Провал всех надежд, расчетов, чаяний, иллюзий.

Одни энергетические матрицы погибали, но им на смену приходили другие, в системе двойной звезды разгоралось чудовищное, ничем не оправданное противостояние, в котором каждый сам за себя, сам по себе, потому что древние инстинкты оказались столь примитивны, разрушительны, жестоки, что предполагали лишь временную кооперацию, ради достижения сиюминутной цели, а затем недавние союзники тут же становились врагами и вступали в схватку, мертвые, лишенные управляющей воли корабли иной цивилизации, превратившиеся в пустые оболочки, кружили по орбитам вокруг планеты, некоторые падали вниз, сгорая в непригодной для дыхания живого существа атмосфере, но большинство таких «пустышек» очень быстро оказывались захвачены новыми четверть-сущностями, которые, используя недолгие благоприятные интервалы, вырывались с поверхности планеты, из района посадки базового корабля и снова овладевали столь необходимыми им защитными оболочками.

«Полу» или «четверть» разумное существо не возродит цивилизацию. Оно способно, подчиняясь инстинктам, лишь уничтожать, нет у половинчатого разума потенциала созидания, да и не разум это вовсе?… только поздно, поздно и бессильно поняла свою чудовищную ошибку Айла.

Нельзя разделить разум. Он либо есть в полном объеме, либо его нет. Если ты достиг высот знания, то зачем нужно перепоручать борьбу за собственное существование лоботомированным копиям?

Она поняла все слишком поздно. Ей уже не вырваться со станции, не исправить содеянного, она за период ожидания стала так слаба, потеряла столько жизненных сил, что едва поддерживала целостность собственной личности, но постепенно начала распадаться и сама структура самосознания Айлы.

Она умирала, агонизировала, уже ни на что не надеясь, лишь понимая, что в попытке отстраниться от негативных, морально неудобных сторон бытия они, — все кто принимал участие в проекте, — создали страшную ловушку для многих цивилизаций, чья экспансия уже однажды доходила до этого участка пространства и несомненно когда-нибудь докатиться вновь.

Любой, кто появиться тут, обречен, ибо в четверть-сущностей внедрена универсальная структура, уничтожающая системы управления любого механизма и заменяющая их собой.

Отсюда когда-нибудь начнется самое страшное нашествие разноликих машин, принадлежащих различным цивилизациям, — нетрудно

предсказать, что базовый корабль может веками, тысячелетиями создавать все новые и новые копии нежизнеспособных и неполноценных существ, они погибнут не все, и закономерно, те, кто победят в борьбе, начнут совершенствоваться, и в конечном итоге инициируют страшный, не поддающийся четкому прогнозированию виток неживой эволюции.

Как жутко и горько…

Она хотела принести счастье своему народу. А принесла полное уничтожение, или даже хуже — извращенное существование, грозящее неисчислимыми бедами многим, ни в чем не повинным и ничего не подозревающим цивилизациям, которым быть может еще только предстоит зародиться, пройти сложным путем развития, чтобы столкнуться с порождениями «мудрой» расы, такой себялюбивой и эгоистичной, что в погоне за моральным комфортом она своими руками уничтожит все сущее на тысячи световых лет вокруг…

Айла погибала.

Она казалась себе самой мотыльком, чей срок вышел, крылья бессильно опустились, и вот она лежит на чьей-то ладони, такая хрупкая еще красивая, но уже почти мертвая, непонятная…

Почему она в последний момент ощутила, как теплое осторожное дыхание приблизилось, согревая ее?

Наверное, это бред, галлюцинация созданная рассудком, чтобы мне было тепло и не так страшно угасать, осознавая содеянное…

А все что нам было нужно — немного лазурно неба и право оставаться самими собой…

* * *

Кирсанов вошел на боевой мостик «Антропоса», когда основные маневры уже были завершены. Картографический крейсер висел в пространстве трехмерного континуума, окруженный логрианскими генераторами Вуали.

— Капитан, нужна готовность к немедленному переходу генераторов в фазу активного щита.

— Что-то случилось? Я буквально выполнил все инструкции. Мы вне зоны досягаемости сканирующих устройств.

— Не обольщайся. — Прервал его Иван Андреевич. — То, что мы видим — лишь верхушка айсберга. Внешне, — действительно орбитальные конструкции логриан, когда-то захваченные Харамминами и перепрофилированные ими. Здесь существовала военная база в период войны Харамминов и Инсектов. Но сейчас брошенной техникой управляют

совершенно иные существа.

— Кто?

— Это нам и предстоит выяснить. Пока известно одно — они представлены в форме энергетических объектов, в структуре которых закодирована часть личности разумного существа плюс универсальная программа для анализа и нейтрализации любых, созданных разумными существами систем управления.

— Откуда сведения? — нахмурился Генри Шелтон.

— Герда. — Лаконично ответил Кирсанов. — Она сумела принять мысленные образы, исходящие от существа, погибающего на одной из пустующих логрианских станций. Сейчас нет времени на долгие объяснения, многое придется принимать на веру капитан.

— Многое, но не все. Некоторые пункты требуют пояснений. Я согласен поверить в наличие разумных существ, существующих в некоей энергетической ипостаси. Это конечно удивительно, но меня интересуют вопросы практические. Вот вы упомянули о некоей универсальной структуре, способной нейтрализовать системы автоматического управления. И что дальше? Смысл только деструктивный?

— Отнюдь… После анализа сигнатур, и четкого уяснения, какую практическую функцию несет тот или иной агрегат, упомянутая структура моделирует некие энергетические образования, для простоты восприятия я бы назвал их «подсистемами управления». Они внедряются в атакованный кибернетический механизм. Каждая из таких «подсистем» достаточно примитивна, она умеет управлять только одним узлом или агрегатом, но в своей сумме множество энергетических образований создают сеть, подчиненную частичной матрице рассудка разумного существа. То есть кибермеханизм переходит под контроль чуждой воли.

— Не совсем понимаю. — Шелтон покачал головой. — Что за выражение такое «частичная матрица рассудка»?

— Оно буквально. — Ответил Кирсанов. — Мы владеем следующей информацией — по непонятным пока причинам полноценная матрица сознания разумного существа делиться на части. Причем деление происходит не произвольно, не по признаку какого-то объема информации, а по ее, если допустимо так выразиться «древности». Представьте, что вы на какое-то время лишились памяти, индивидуальности, в вашем сознании остались лишь инстинкты, некоторое минимально необходимое для выполнения определенных задач знание, и природная способность к нестандартным решениям.

— Не представляю. Вернее представляю, но с большим трудом и

натяжками.

— Тем не менее, все именно так. Мы не знаем, деталей процесса, но осведомлены о цели подобного фрагментирования личности.

— И какова цель?

— В системе моральных ценностей существ иной цивилизации есть понятия добра и зла. Они развивались очень долго, и некоторые действия с точки зрения их *целостного рассудка* являются морально неприемлемыми. Видимо в процессе развития они сумели победить смерть, применяя в принципе знакомые нам решения — перенос личности на искусственный носитель, а затем ее возврат в новое биологическое тело. Таким образом, прекратилась ярко выраженная смена поколений, память одного существа стала содержать очень много событий, некоторые из них сознательно купировались, переносились на небиологические носители, то есть они вроде бы сохранялись, но в тоже время не оказывали постоянного воздействия на психику.

— Вы отклонились от темы. Я так и не услышал в чем смысл деления разума?

— Смысл в том, что, пребывая в обозначенной стадии, вы, к примеру, вернувшись в свое «нормальное» состояние полноценной личности станете воспринимать совершенные действия так, словно они происходили с кем-то другим. Например, вы в таком состоянии убили другого человека. Потом когда к вам возвращается память, страшное, неприемлемое событие мгновенно тускнеет, кажется нереальным, чужим воспоминанием, вы говорите сам себе — «это был не я», и оказываетесь правы с субъективной точки зрения.

— То есть они, таким образом, затыкают рот собственной совести?

— Грубо, но точно. Жизнь во вселенной без борьбы невозможна, но для них стала так же невозможной сама борьба, потому что в процессе приходилось уничтожать и разрушать, чтобы обеспечить себе жизненное пространство приемлемые условия окружающей биосферы и так далее.

— И что нам предстоит сделать? Вступить с ними в схватку? Уничтожить?

— Нет. Мы попытаемся их спасти.

— И что для этого нужно? — Недоверчиво спросил Шелтон, который, откровенно говоря, уже устал от неопределенности.

— Устройство накачки инфракрасного спектра и средство его доставки в одну из логрианских конструкций. Там погибает от недостатка энергии существо расы Эмулотти. Если мы все поняли верно, то столкновения удастся избежать.

* * *

Айла видела странный образ.

Существо похоже на нее… прежнюю, в той жизни, когда у нее было биологическое тело… оно протягивало к ней руки, и от ладоней исходило живительное тепловое излучение, вливающее драгоценную энергию в ее истощенную структуру.

Не бойся, Айла, я не причиню тебе зла. Я согрею тебя.

На миг Айле показалось, что она умирает и бредит.

Странное создание обращалось к ней на языке мысленных образов, при помощи которых общалась между собой раса Учителей!

И она вовсе не умирала — живительное излучение *возрождало ее!*

Айла не знала, верить очнувшимся чувствам или нет.

Она миллионы лет не слышала языка Учителей, и в первый раз за долгую историю ее памяти существо иной расы пришло не с тем, чтобы уничтожать, а пыталось согреть и вернуть ее к жизни…

Неужели законы жестокой Вселенной все же имеют исключение?

Эпилог

Скафандр высшей защиты громоздкий, тяжелый и неуклюжий, стеснял каждый шаг, не смотря на работу сервоусилителей мускулатуры, но Герда не обращала внимания на неудобства, — она шла навстречу своим видениям, своему едва не свершившемуся безумию, — впереди высился тот самый лес, который она видела во снах, перистые облака в небесах были похожи на крылья фантастической птицы, но магниевый шарик белой звезды уже скатился за горизонт, а фиолетовый диск второго светила едва проклюнулся над линией растрескавшихся скал, губчатые, похожие на кораллы цветы уже спрятались, а вот листья в фантастическом лесу только начинали разворачиваться, с тихим шелестом выскальзывая из полых ветвей.

Последний оставшийся во Вселенной колониальный транспорт Эмулотти возвышался среди древесных стволов и зарослей проволочного кустарника, как нечто незыблемое, но чуждое природе и ландшафту этой планеты.

В наступивших фиолетовых сумерках навстречу медленно идущим человеческим фигурам вдруг начали выдавливаться каплевидные сгустки холодного пламени.

Они были намного крупнее чем виденные ранее, а когда, отделившись от корабля, они развернулись, то стало понятно — их энергетическая структура в несколько раз сложнее, чем у четверть-сущностей.

Герда остановилась. Вслед за ней застыли фигуры Кирсанова и Трегалина.

Три огонька, разбрызгивая ауру холодного света, медленно плыли по воздуху навстречу людям.

Вот уже совсем близко. Сердце в груди у Герды забилось часто и глухо.

Она узнавала их по именам. Узнавала мыслью, чувством, и не могла ошибиться.

Вот над ее протянутой ладонью завис, разворачиваясь тонкой, пылающей в сумерках энергетической сеткой Герберт Хайт, кибрайкер и…

Она не знала, как при помощи слов выразить чувства, что теснились в ее груди.

Он смотрел на нее и узнавал.

А она не знала, что сказать ему в ответ, но их мысли сплетались, они

слышали друг друга, хотя и молчали.

Здравствуй Герберт…

Здравствуй… Ты пришла… И это главное, все остальное не в счет…

Знаю… Тебе хорошо? Ты сможешь быть счастлив?

Еще не могу ответить… Все непривычно… Но я… свободен…

* * *

Чуть в стороне на ладонь Ивана Андреевича опустилась Айла, а Зорг коснулся перчатки Александра.

Удивительный миг первого контакта.

Мы больше никогда не станем делить себя на части. Никогда… Никогда…

Ради этого мига стоило жить.

Иван Андреевич не был ни эмпатом, ни мнемоником, но он сказал, и его услышали:

В нашем мире для вас всегда найдется достаточно лазурного неба…

Декабрь 2006 — март 2007 года.

Город Псков.

notes

Примечания

1

КРК — картографическо-разведывательный корабль.

2

Сетка горизонтальных линий напряженности гиперсферы — источниками линий напряженности (которые делятся на два типа — горизонтальные и вертикальные, речь о которых пойдет ниже), являются все без исключения материальные объекты трехмерного космоса. Упрощая, гиперсферу можно назвать энергетической моделью галактики. Мы знаем, что в реальном космосе все объекты взаимодействуют между собой: каждая планета, звезда, скопление газопылевых облаков, — все имеет гравитационные поля. Именно тяготение массы вещества Ядра Галактики удерживает миллионы периферийных звездных систем на их галактических орбитах. В обычном пространстве мы ограничены скоростью света, но имеем возможность видеть звезды, и лишь специальные приборы позволяют человеку воспринимать гравитационные поля. Гиперсфера, названная когда-то «аномалией космоса», на самом деле иная, более высокоэнергетическая область пространства. Там нет вещества, в его привычной для нас форме, — оно принимает вид энергии, несущей в своей структуре модель гравитационного взаимодействия реально существующих физических тел. Исследования аномалии показали, что большая часть энергии сфокусирована в так называемые «линии напряженности», которые образуют сложную сеть горизонтальных и вертикальных связей. На знании данной особенности и точной осведомленности, какая линия ведет к той или иной звезде, основана вся современная гиперсферная навигация.

3

Генераторы низкой и высокой частоты — для погружения в аномалию используются генераторы высокой частоты, для всплытия — низкой. Смысл их работы основывается на знании того, что гиперсфера — это область высоких энергий. Когда материальный объект (в частности космический корабль) создает поле высокой напряженности, возникает воронка гиперпространственного перехода, и его отторгает в область высоких энергий, то есть — в аномалию. Для всплытия необходим обратный процесс. Генераторы низкой частоты создают поле, не соответствующее окружающей энергетике, и гиперсфера стремится «вытолкнуть» несвойственный для нее объект в метрику трехмерного космоса.

4

Корпорация «Новый Свет» образовалась в 20-х годах тридцать девятого века, путем слияния семи небольших промышленных групп сектора Окраины. В отчие от старых корпораций сектора «Новый Свет» специализировался не столько на добыче полезных ископаемых и развитой тяжелой промышленности, сколько на разведке и освоении еще не изученных звездных систем. Отсюда, вероятнее всего, происходит название, взятое из истории древней Земли.

5

ГЧ — сокращенно «гиперсферная частота».

6

Логрианские *генераторы «Вуали»* — компактные устройства, искривляющие метрику пространства. Изобретены Логрианами, использовались для глобальной маскировки объектов физического космоса в период нашествия Предтеч. При установке на корабль, генератор «Вуали» после включения полностью скрывает объект от визуального и сканирующего обнаружения, демонстрируя приборам лишь слабое возмущение гравитационного поля.

7

Генератор активного щита — один из узкоспециализированных вариантов генератора «Вуали». Искривляет световой поток, замыкая корабль в кокон энергетической защиты. Световой поток (и его постоянная накачка) должны исходить с борта защищаемого корабля. В результате накопления световых частиц, удерживаемых генератором в форме множественных кольцевых потоков, любое физическое тело, пытающееся пройти через такую защиту, испытывает на себе воздействие высоких энергий, что в большинстве случаев приводит к разрушению объекта-нарушителя.

Наиболее характерные случаи применения — противодействие насильственной стыковке (проще говоря, — абордажу) предотвращение столкновений с метеоритными и астероидными телами.

Недостатки: Огромное потребление энергии. Медленное затухание созданного работой генератора энергетического кокона (корабль не может двигаться до его полного рассеивания в пространстве).

8

Типовой цоколь — во времена Великого Исхода существовала отработанная схема организации первичных поселений колонизируемых планет. Сразу после посадки колониального транспорта на избранную планету, начинала свою работу планетопреобразующая и строительная техника. На месте посадки (стерилизованной от исконных форм жизни колонизируемой планеты) машинами инициировалось строительство Цоколя — многокилометрового основания будущего города. Внутри Цоколя располагались системы жизнеобеспечения, реактор, очистные сооружения, цеха по производству необходимых для дальнейшего строительства машин и материалов.

Пробуждение людей начинается после завершения работ по возведению Цоколя.

Известен целый ряд планет, где при успешно возведенном Цоколе пробуждение колонистов так и не состоялось. Есть примеры частичного выполнения запланированных работ с тем же трагичным исходом.

9

По законам планеты Эригон, за всякого жителя иного мира, попавшего на частную территорию, *несет ответственность* хозяин подледных коммуникаций.

10

Тоннельный вездеход — чисто эригонский термин. Обозначает машину, способную прокладывать во льду тоннели при помощи лазерных установок теплового спектра.

11

Об инциденте на Луне-17 — покрытом льдом спутнике Эригона повествуют события романа *«Галактический Вихрь»*.

12

Предтечи — сгустки газообразного вещества (предположительно холодной плазмы, отчего появилось второе название — плазмоиды), заключенного в кокон электромагнитного поля, с явно выраженным центральным ядром, которое несет неразгаданную пока структуру. Обитали в пространстве. Считаются одними из немногих представителей «космической жизни», так как способны размножаться путем деления.

Питаются любым доступным веществом, включая межзвездную пыль, мелкие астероиды, кору планет. В цистовом состоянии напоминают спущенный футбольный мяч. В активной жизненной фазе испускают напряженное фиолетовое сияние, могут достигать в диаметре до нескольких десятков метров.

Агрессивны. Не являются носителями разума. Около трех миллионов лет назад миграция Предтеч уничтожила расу Дельфонов и вынудила расы Инсектов и Логриан бежать в границы шарового скопления О'Хара.

13

Семидневная Война подробно описана в дилогии «Жизненное Пространство» (романы *«Борт 618», «Жизненное пространство»*).

14

Рукав Пустоты — Огромная, лишенная звезд область пространства. Начинается от туманности в «Мече Ориона». Протяженность — около 300 световых лет. Место обитания четырех рас древности и их трагической борьбы с мигрирующими ордами Предтеч. Часть Рукава Пустоты возникла на месте взорванных расой Дельфонов звезд, но большая его часть была сформирована так называемыми «устройствами вуали», скрывающими за собой *шаровое скопление О'Хара*.

15

Сигнатура — здесь и далее по тексту понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумму различных полей) которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие *«карта сигнатур»* — тут подразумеваются характерные заранее известные распределения энергий, соответствующие работе вполне определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем при работе бортовых систем.

16

Значение терминов «*кибрайкер*» и «*мнемоник*», а так же сходство и различия между ними, будут объяснены далее по тексту.

17

Планета Ганио (звезда Халиф) населена выходцами с ближнего востока Земли, прошла путь полной деградации, вторично открыта в период первой галактической войны. Колыбель Раздоров — так в просторечии именовали эту планету, и, немного побродив по ее столице, любой человек мог убедиться в справедливости такого названия.

Здесь заключались самые немыслимые сделки, отсюда тянулись корни многих событий, которые впоследствии занимали свое место на страницах учебников истории. Тут можно было завербовать и вооружить целую армию — были бы деньги, а все остальное, как любили выражаться сами ганианцы, — в руках Шииста.

18

Корпы — сленговое обозначение сотрудников какой-либо корпорации.

19

Киберпространство для большинства мнемоников — это виртуальная реальность, являющаяся генерацией всех без исключения кибернетических систем, работающих в пределах радиуса действия датчиков имплантов. Нельзя путать виртуальную реальность, доступную для рядового пользователя, выраженную в виде специально формируемых зрительных слуховых и иных образов, с киберпространством, воспринимаемым рассудком мнемоника. Последний сам визуализирует все энергетические и информационные потоки, то есть мнемоник видит недоступное человеческому глазу, он может мгновенно представить полную архитектуру работающих в непосредственной близости от него кибернетических устройств, ощущает связи между ними, видит сигнатуры механизмов и каналы обмена данными. Кроме глобальной картины, как бы взгляда со стороны на окружающие киберсистемы, мнемоник способен проникать в архитектуру устройств, его разум вливается в информационные потоки, которые он может контролировать (к примеру, защищая определенную часть сети и входящие в зону ответственности кибернетические устройства от попыток несанкционированного доступа).

20

Подробнее о саморазвитии компьютерной сети Деметры романы *«Деметра», «Спираль», «Райвен»*.

21

Подробнее о саморазвитии модулей *«Одиночка»* романы *«Омикрон», «Душа „Одиночки“», «Форпост».*

22

Трубчатая структура будет гасить кинетическую энергию метеорной частицы на переходе сред. Кроме того, если материал корпуса легкоплавкий, он будет затягивать пробоину.

23

Суспензорное поле — в отличие от иных видов энергетической защиты электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие устанавливать на космических кораблях специальные электромагнитные улавливатели, предназначенные для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использования в качестве активного вещества для силовых установок.

После открытия феномена гиперсферы, данная технология утратила свою актуальность, — изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили, в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использовании пыли на безвоздушных мирах) попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, появились различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной, и вспомогательные, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

24

ДЩМ — десантно-штурмовой модуль.

25

Метаболический имплант — специальное приспособление, как правило, внедряется в вену, представляет собой плоский прибор с набором анализаторов и химических реагентов. Прибор способен поддерживать необходимый уровень кислорода в крови и нейтрализовывать воздействие вредных для человека веществ на протяжении определенного промежутка времени.

26

Сканирование мыслей через имплант — подробнее о данной технологии рассказано в романе *«Киберхаг»*. Здесь следует заметить, что сканирование мысленных образов через стандартный имплант, вживляемый каждому человеку для удобства мысленного управления кибернетическими системами, впервые было массово применено в конце Первой галактической войны, в результате опытов Джедиана Ланге, внучатого племянника адмирала Воронцова, который работал над созданием мыслесканера, — устройства позже признанного античеловечным и запрещенным к производству и использованию на территории большинства звездных систем Конфедеративного Содружества. К попыткам сканирования мысленных образов через аппаратные средства стандартных имплантов прибегали многие, но технологи ВПК Конфедерации сумели надежно защитить своих граждан от подобных поползновений и только появление первых людей с мнемоническими способностями вновь остро подняло данную проблему.

27

О событиях на *планете Фрисайд* подробнее см. роман «*Багровые Небеса*».

28

Личный психолог — программа, встраиваемая в любой кибстек. Работает с энергетическими сигнатурами человеческого мозга.

29

О *расах*, обнаруженных *за вертикалями гиперсферы* в романах *«Киберпространство»* и *«Багровые Небеса»*.

30

Синергетика изучает общие закономерности самоорганизации, становление структур, которые образуются в сложных, открытых системах в процессе перманентного потокового обмена веществом, энергией и информацией с окружающей средой в неравновесных условиях. Важным для *синергетики* является выявление пространственно-временной структуры организации, условий ее возникновения и развития. Объектами исследования *синергетики* выступают самые разные системы, от атома до человека.

31

Говоря *«сверхадаптивные логрианские устройства»*, Трегалин подразумевает Логры.

32

Эволги — энергетическая форма жизни, возникшая на основе электромагнитных полей. Глубоко постигли энергетику пространства, умели управлять гравитацией. После колонизации и преобразования их родного мира расой Швергов, потеряли возможность воспроизводства новых поколений. Вместе с Эмулотти боролись против Швергов, но были побеждены. На сегодняшний день известен единственный представитель расы Эволгов.

33

Здесь Айла подразумевает природу космоса, потому и думает о *природном катаклизме*.